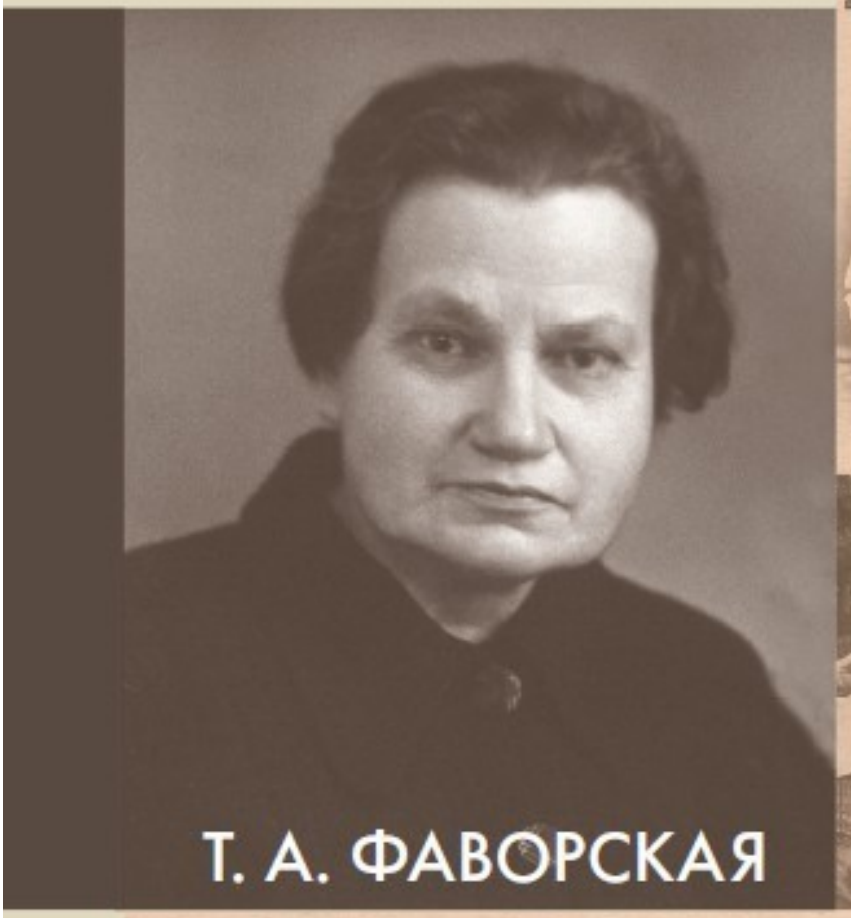
Санкт-Петербургский
государственный
университет



Т. А. ФАВОРСКАЯ

ФАВОРСКИЕ

Жизнь семьи университетского профессора 1890–1953

Воспоминания

Татьяна Фаворская

Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890-1953. Воспоминания

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2019

УДК 929
ББК 70

Фаворская Т. А.

Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890-1953. Воспоминания / Т. А. Фаворская — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2019

ISBN 978-5-288-05890-5

Мемуары известного ученого, преподавателя Ленинградского университета, профессора, доктора химических наук Татьяны Алексеевны Фаворской (1890–1986) – живая летопись замечательной русской семьи, в которой отразились разные эпохи российской истории с конца XIX до середины XX века. Судьба семейства Фаворских неразрывно связана с историей Санкт-Петербургского университета. Центральной фигурой повествования является отец Т. А. Фаворской – знаменитый химик, академик, профессор Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945), вошедший в пантеон выдающихся русских ученых-химиков. Заметки о личной жизни преподавателей и их преданных учеников и последователей, бытописание будней в эвакуации, хроника мирной дачной жизни – все это ценнейшие свидетельства той истории, о которой редко пишут в учебниках, но которая очень важна для каждого из нас, для истории культуры и науки России. Для широкого круга читателей, интересующихся историей России и российской науки.

УДК 929
ББК 70

ISBN 978-5-288-05890-5

© Фаворская Т. А., 2019
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019

Содержание

Предисловие 7
История семьи, науки, общества в зеркале воспоминаний 10
Глава 1 30
1.1. Род Фаворских. Отец, его детство, родители и семья. Учеба в Санкт-Петербургском университете 30
1.2. Мое детство. Главный человек – отец! Впервые в Европу… Наша жизнь в Петербурге и на отдыхе. Наши гости: родные и знакомые 53
1.3. Моя учеба на дому. Лето в Безо. Крымские впечатления. И снова Безо! Учение и развлечения 73
1.4. Безо, становящееся традицией… Болезнь отца. Домашнее обучение и православное говение 92
1.5. Мария Маркеловна. Безо, ставшее традицией. Моя учеба в гимназии Э. П. Шаффе 113
1.6. «По Волге, матушке-реке…». Завершение учебы в гимназии И снова Мария Маркеловна. По тропам Швейцарских Альп. Смерть матери 140
Конец ознакомительного фрагмента. 159

Татьяна Фаворская
Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания

Рекомендовано к публикации
Научной комиссией в области химических наук
Санкт-Петербургского государственного университета

Предисловие

Татьяна Алексеевна Фаворская – профессор Ленинградского Государственного Университета, доктор химических наук, родилась в Петербурге в 1890 году, в семье ассистента кафедры аналитической химии Петербургского Университета Алексея Евграфовича Фаворского. Впоследствии А. Е. Фаворский стал известным ученым, академиком, создателем одной из крупнейших школ органической химии.

Отец Татьяны Алексеевны был сыном настоятеля Троицкого собора в селе Павлово, Нижегородской губернии. Он учился сперва в Нижегородской классической гимназии, потом перевелся в Вологодскую гимназию. Здесь, в Вологде, он познакомился со своей будущей женой – Натальей Павловной Дубровиной, которая впоследствии окончила женские врачебные курсы в Петербурге. Выйдя замуж за Алексея Евграфовича, она полностью посвятила себя семейным заботам.

Каков был круг общения Татьяны Алексеевны в уже сознательном возрасте? Прежде всего, это родственники по линии отца – семья старшего брата Алексея Евграфовича, Андрея Евграфовича, адвоката, члена Государственной Думы. Сын Андрея Евграфовича – Владимир Андреевич – стал известным художником-графиком, он переписывался с Алексеем Евграфовичем, а позже (в конце 1940-х годов) его дочь, тоже художница, приезжала летом на дачу к семье Алексея Евграфовича и делала зарисовки с детей и внуков.

Кроме того, Татьяна Алексеевна дружила с детьми Елизаветы Евграфовны, сестры Алексея Евграфовича и жены профессора В. Е. Тищенко, которая жила в том же профессорском флигеле этажом ниже. Особенно близка она была с Андреем Тищенко, который трудился на кафедре русской истории в Университете. К сожалению, он погиб в 1914 году на фронте в Первую мировую войну.

Конечно, Татьяна Алексеевна была окружена многочисленными учениками Алексея Евграфовича и когда последние посещали учителя у него дома, и на регулярных приемах, которые устраивались в большой квартире Алексея Евграфовича. Атмосфера научного общения впитывалась ею с детства.

Большим горем для Татьяны Алексеевны (ей было 18 лет) была смерть ее матери, первой жены Алексея Евграфовича. Алексей Евграфович женился во второй раз на своей бывшей студентке Высших женских курсов Марии Маркеловне Домбровой. Так получилось, что Татьяна Алексеевна была с нею знакома раньше, через свою тетю, сестру матери, и очень ей симпатизировала. Так что женитьба отца ввела в дом не «злую мачеху», а близкую по духу женщину. Они прожили вместе вплоть до смерти Марии Маркеловны, и нужно сказать, что мачеха находила общий язык со своей падчерицей, пожалуй, гораздо лучше, чем с родными дочерьми. Тем не менее никакого соперничества между сестрами не было, Татьяна Алексеевна была ангелом-хранителем семьи, и все дети Алексея Евграфовича от второго брака (Ирина, Марина и Алексей) были чрезвычайно к ней привязаны.

Татьяна Алексеевна вообще была необыкновенно доброжелательна к людям, по семейной традиции человеком верующим и считала совершенно естественным для себя помогать всем нуждающимся, кому морально, а кому и материально.

Поражает сила духа, проявившаяся в ней в тяжелые времена после революции. Воспитанная в тепличных условиях, дочь действительного статского советника не чуралась никакой работы. В голодные времена она выращивала овощи на организованном ею огородике на лужайке около бывшего Первого кадетского корпуса, недалеко от здания Химической лаборатории.

Вскоре семья эвакуировала Марию Маркеловну с тремя маленькими детьми в деревню Усадищи, в более чем ста километрах от Петрограда, где они прожили с 1919 по 1922 год. И

все эти три года Татьяна Алексеевна регулярно ездила в Усадищи, привозила нужные семье вещи: зимнюю и летнюю одежду, вещи для обмена на продукты и разные услуги, кое-какую еду, лекарства. Ездила она на поезде дальнего следования до станции Чолово, а потом до самих Усадищ на попутной подводе. Если бы не она, не известно, спасла бы эвакуация в Усадищи жизнь и здоровье маленьких детей.

Татьяна Алексеевна в юности кончила гимназию Шаффе в Петербурге, потом Высшие женские курсы, а в 1917 году получила место лекционного ассистента в Университете и вскоре занялась исследовательской работой в области органической химии. К этому времени она уже была человеком, широко образованным не только в естественных науках: она владела тремя языками – немецким, французским и английским. Работая в Университете, Татьяна Алексеевна защитила сперва кандидатскую, потом докторскую диссертацию, а после войны стала заведующей лабораторией на кафедре строения органических соединений.

Видимо, Татьяна Алексеевна унаследовала педагогические способности своего отца, потому что у нее всегда было много и дипломников и аспирантов. С учениками у нее часто были неформальные отношения, она не только обучала их премудростям органической химии, но была советчиком по различным житейским вопросам. Её ученики разъезжались после окончания учебы по всему Советскому Союзу, но не забывали своего учителя, присылали письма, поздравительные телеграммы, посылки с разными вкусностями. Члены семьи особенно радовались посылками с крабами из Владивостока – у нас в Ленинграде тогда это было большой редкостью.

Не отказывалась Татьяна Алексеевна и от профессиональной помощи в других областях. Так, она принимала участие как эксперт в школьных химических олимпиадах, которые проходили под эгидой ленинградского Дворца пионеров. В конце своей научной деятельности Татьяна Алексеевна была награждена Орденом Ленина за большой вклад в подготовку кадров, развитие образования и науки.

Последние тридцать лет своей жизни Татьяна Алексеевна была членом семьи своей племянницы, старшей внучки Алексея Евграфовича. Как и в любом своем окружении, она умела создать атмосферу любви, взаимопомощи, учета интересов близких людей. Особое значение имело ее влияние на двух подрастающих в семье мальчиков. Естественно, между прочим она учила их добру, серьезному отношению к делу, которое они себе выбрали, стремлению к профессиональному росту. Её любимая поговорка была «Терпение и труд все перетрут».

Татьяна Алексеевна была чрезвычайно разносторонним человеком. Она обладала энциклопедическим знаниями в области географии и ботаники, была увлеченным и успешным садоводом, любила природу и органично с нею взаимодействовала. В этом плане характерна такая семейная история. Одним из любимых хобби Татьяны Алексеевны летом был сбор грибов. Она часто объединялась с Алексеем Алексеевичем, супругом ее племянницы Марии Никитичны, для поездок на мотоцикле по глухим местам Карельского перешейка в поисках лучших грибных мест. Однажды Алексей Алексеевич вышел из леса на небольшую поляну и увидел следующую картину: посередине поляны стоит огромный лось, а Татьяна Алексеевна подбирается к симпатичной сыроежке, находящейся практически под копытом этого лося. Как известно, лоси – животные очень чуткие и осторожные, и могут быть агрессивными. Алексей Алексеевич приготовился отвлекать внимание разъяренного животного на себя, но это не потребовалось. Татьяна Алексеевна очень спокойно и неторопливо добыла нужную сыроежку и не спеша отправилась к следующей. Лось постоял тихо, давая ей отойти, повернулся и бесшумно скрылся в лесной чаще. Наверное, если бы они провели больше времени вместе, то вполне смогли бы и подружиться.

При необходимости Татьяна Алексеевна могла прибегнуть и к волшебству. Она мастерски заговаривала детские ушибы и ссадины, так что боль и слезы быстро проходили. Кроме того, как известно, в окрестностях Петербурга, в особенности в июне, почти всегда идет

дождь. Тяжело детям проводить целые дни на даче взаперти. Когда терпение иссякало, собиралась делегация к Татьяне Алексеевне с просьбой применить ее коронное заклинание «Сорок лысых». Им не следовало злоупотреблять, и Татьяна Алексеевна выжидала пару дней, но если дождь не кончался, писала на специальном листке специальными чернилами строго секретные имена сорока известных ей лысых мужчин, шла на перекресток, рвала список на мелкие кусочки и развеивала по ветру. Случаи, чтобы заклинание Татьяны Алексеевны не помогло, нам неизвестны – на следующий день всегда выходило солнце.

Светлая память о Татьяне Алексеевне Фаворской будет всегда жить в наших сердцах.

Семьи Киселевых – Домниных

История семьи, науки, общества в зеркале воспоминаний

Дорогой читатель!

Перед вами интереснейшая книга воспоминаний, связанная с историей одной из замечательных русских семей, в судьбе которой отразились разные эпохи истории российской. Воспоминания принадлежат Татьяне Алексеевне Фаворской (1890–1986) – известному ученому, преподавателю Ленинградского университета, профессору, автору научных книг и открытий. Центральной фигурой повествования является ее отец – знаменитый химик, академик, профессор Петербургского университета Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945).

А. Е. Фаворскому посвящена значительная литература. Уже в 1920-е годы он прочно входит в пантеон выдающихся русских ученых-химиков как представитель школы А. М. Бутлерова[1]. После кончины ученого эти представления закрепляются целой серией мемориальных изданий второй половины 1940-х – начала 1950-х годов и текстов, направленных на прославление достижений русской науки[2]. Его имя традиционно примыкает к числу имен российских химиков первого ряда, среди которых А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, Д. П. Коновалов, Л. А. Чугаев, В. П. Ипатьев[3]. Особую роль в российской науке ученый занимает благодаря его поистине масштабной школе, питомцы которой развивали различные направления работы учителя[4]. Его именем названы улицы и научные институты, на зданиях, в которых жил и работал А. Е. Фаворский, установлены мемориальные доски. Традицией стали научные чтения, посвященные ученому, проходящие как в Санкт-Петербурге, так и в других городах[5]. Однако настоящее издание – это особый, уникальный памятник А. Е. Фаворскому. Автор воспоминаний не только дочь, но и ближайший помощник ученого, его биограф, продолжатель его научных начинаний. Не будет преувеличением сказать, что отец был главным человеком в ее жизни.

И сразу надо отметить, что вторым главным героем книги является сама Т. А. Фаворская, события жизни которой, ее взгляды, эмоции, впечатления составляют живую ткань повествования, захватывают и ведут за собой читателя. Разумеется, важными героями воспоминаний оказываются и представители славной научной династии – младший брат автора воспоминаний Алексей Алексеевич Фаворский (1914–1943), сёстры Ирина Алексеевна Фаворская (1911–2002), Марина Алексеевна Фаворская (1912–2003) и их дети – внуки ученого. На страницах книги представлены и другие члены клана Фаворских – одного из выдающихся родов российской интеллигенции второй половины XIX–XX века, происходившего из духовного сосло-

---

[1] См., напр.: *Уинни У. П.* О значении работ русских химиков для мировой химии. Речь президента Английского химического общества, произнесенная на годовом собрании общества 27 марта 1924 года / пер. В. Г. Хлопонина. Л., 1924. С. 45–47; *Чичибабин А. Е.* Успехи химии в СССР за последние десять лет. Л., 1928. С. 5, 15.

[2] См., напр.: Алексей Евграфович Фаворский // Вестник АН СССР. 1945. № 12. С. 10–16; Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) / вступ. ст. М. Ф. Шостаковского; библиогр. сост. О. В. Исаковой. М., 1945; *Фигуровский Н. А.* Чем наука обязана русским химикам: расширенная стенограмма лекции. М., 1950; *Глинка М. Л.* Роль русских ученых в развитии мировой химии: стенограмма публичной лекции. М., 1950; и др.

[3] См., напр.: *Фигуровский Н. А.* История химии: учеб, пособие. М., 1979. С. 290–291; *Соловьев Ю. И.* История химии в России. М., 1985.

[4] *Балезин* С. *А., Бесков* С. Д. Выдающиеся русские химики. М., 1972. С. 191; *Проскуряков В. А., Макареня А. А., Авербух А. Я.* Химические школы Петербурга – Ленинграда. Л., 1976; *Трофимов Б. А., Иванов А. В.* Развитие идей академика Фаворского в работах М. Ф. Шостаковского // Вестник СПбГУ. Сер. 4. Т. 1 (59). 2014. Вып. 4. С. 558–566; и мн. др.

[5] *Домнин И. Н., Костиков R R* Органическая химия – любовь на всю жизнь. К 150-летию со дня рождения академика А. Е. Фаворского // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80, № 3. С. 245–250; *Трофимов Б. А.* Чтения памяти академика А. Е. Фаворского в Иркутском институте химии им. А. Е. Фаворского СО РАН // Вестник СПбГУ Сер. 4. 2013. Вып. 3. С. 131–135; *Schmidt E. Yu.* New Horizons of the Favorsky Chemistry // Вестник СПбГУ. Сер. 4. 2013. Вып. 4. С. 103–110; *Трофимов Б. А.* Вторые чтения памяти академика Алексея Евграфовича Фаворского в Иркутске // Вестник СПбГУ Сер. 4. Т. 1 (59). 2014. Вып. 3. С. 427–432; и др.

вия. Первым представителем династии, получившим всероссийскую известность, стал Максим Андреевич Фаворский (1806–1867) – знаменитый врач, профессор Ме дико-хирургической академии. Благодаря средствам М. А. Фаворского, у которого своих детей не было, образование получили дети его брата, священника Евграфа Андреевича Фаворского (1821–1876). Помимо будущего химика Алексея Евграфовича, это его старший брат Андрей (1843–1926), который был выдающимся юристом своего времени, общественным и политическим деятелем, членом партии октябристов, членом Государственной думы. Его сын Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) стал выдающимся художником-графиком. Младшая сестра А. Е. Фаворского Елизавета (1863–1941) стала женой коллеги брата по университету – профессора, впоследствии академика В. Е. Тищенко (1861–1941), – кстати, также одного из героев этой книги. На ее страницах мелькают и другие известные фамилии, в родстве с которыми в разное время оказались Фаворские, – Дервиз, Шервуд, Полежаевы, Римские-Корсаковы, Домнины и другие.

Перед читателем чередой проходят как политические и общественные деятели, с которыми довелось встречаться А. Е. Фаворскому или самой Татьяне Алексеевне (например, Николай II, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин), так и многочисленные деятели науки и культуры: ученые, писатели, художники, артисты. Очень важное место в воспоминаниях занимают ученые, трудившиеся в разное время в Петербургском университете – учебном и научном заведении, которое прочно ассоциируется с фигурой А. Е. Фаворского и его школой.

Герои повествования не только известные персоны, но и простые люди, яркие портреты которых дают представления о разных национальностях, профессиях, стратах населения России и тех стран, где побывала Татьяна Алексеевна.

Не вызывает сомнения, что в основе воспоминаний – дневниковые записи автора. Сама Татьяна Алексеевна отмечает, что начала систематически писать дневник только в 1907 году. Однако стиль изложения воспоминаний, изобилующий многочисленными подробностями, зарисовками частных встреч и событий, наводит на мысль, что какие-то записи делались еще в период детства и ранней юности – с начала 1900-х годов. Вероятно, преимущественно летом – каждый каникулярный сезон в эстонском Безо описан мемуаристкой с потрясающей детализацией. Вообще, значительная часть записей, охватывающих хронологически почти шестьдесят лет (с 1890-х по 1950-е годы), связана с описанием летнего отдыха семьи, иногда эти описания предельно детальны – скорее всего, данное обстоятельство как раз отражает возможность Татьяны Алексеевны подробно вести свои дневники. Всю жизнь она интенсивно трудилась и, по-видимому, время для подробных записей оставалось в основном на отдыхе.

В книге приведены не только воспоминания Татьяны Алексеевны с раннего детства до 1953 года. Специальная глава посвящена детству и юности отца, а отдельные эпизоды и фразы относятся к более позднему времени (вторая половина 1950-х – 1960-е годы). Последнее означает, что создание воспоминаний, вероятно, относится к периоду не ранее середины 1950-х годов, их редактирование несомненно проходило в более позднее время. В 1968 году появилась небольшая брошюра Татьяны Алексеевны об отце в серии «Выдающиеся ученые Ленинградского университета»[6]. В 1980 году в свет выходит уже книга Татьяны Алексеевны монографического характера, подготовленная в академической серии «Научно-биографическая литература»[7]. В ее текст в отредактированном и сокращенном варианте вошли отдельные части публикуемых в настоящем издании воспоминаний.

Безусловно, как и всякие воспоминания, текст Татьяны Алексеевны субъективен, иногда внутренне противоречив. Подобная противоречивость связана отчасти с тем, что ее воспоминания основываются на фрагментах дневника, созданного в разное время. Иногда это касается оценок людей, но чаще – явлений и событий, по отношению к которым позиция автора меня-

[6] *Фаворская Т. А.* Алексей Евграфович Фаворский. Л., 1968.

[7] *Фаворская Т. А.* Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). Л., 1980.

лась, в чем видится достоинство данного текста как исторического источника. Воспоминания отражают мировосприятие автора, все многообразие событий, людей и явлений, с которыми он сталкивался. Это «роман» его жизни. Основная линия – история семьи Фаворских, на долю которых выпало много радости и горя. Но история семьи включает в себя сюжеты, связанные с историей науки и академического мира России, драматических событий социально-политической истории, яркие зарисовки бытового уклада русской интеллигенции. Текст Татьяны Алексеевны написан хорошим литературным языком. Режим плотного, насыщенного описания событий чередуется с четкими и глубокими аналитическими оценками ученого.

Вся жизнь героя воспоминаний А. Е. Фаворского неразрывно связана с университетом[8] в славном городе на Неве. В 1878 году он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В воспоминаниях Татьяны Алексеевны отмечается, что ее отец попал в лабораторию А. М. Бутлерова в 1881 году и сразу активно включился в работу Этот факт вполне подтверждается тем, что в первый раз о работах студента Алексея Фаворского упомянуто в отчете университета за 1881 год, где указано, что он работал под руководством профессора А. М. Бутлерова и лаборанта М. Д. Львова «над уплотнением валериена»[9]. Само упоминание фамилии студента в отчете о научной деятельности университета уже являлось определенным поощрением его работы, выделением его из общего ряда. Вообще, встреча с А. М. Бутлеровым – важнейшее событие в жизни А. Е. Фаворского. Свою принадлежность к школе А. М. Бутлерова он всегда подчеркивал, а память учителя глубоко чтил[10].

Университет конца 1870 – начала 1880-х годов – место формирования многочисленных революционных кружков, постоянного студенческого брожения и фронды. Ни в воспоминаниях Татьяны Алексеевны, ни в других известных источниках нет свидетельств участия А. Е. Фаворского в революционной деятельности. Происходящий из духовного сословия религиозный молодой человек вряд ли был склонен к чрезмерному радикализму. В то же время общее, характерное для молодежи 1870-1880-х годов оппозиционное отношение к тогдашнему политическому режиму он, вероятно, разделял и даже принимал участие в незаконных студенческих сходках. Во всяком случае, как свидетельствует журнал совета университета от 30 марта 1881 года, студент Алексей Фаворский получил выговор от университетского суда за участие в несанкционированной сходке и подписание петиции по поводу дела студента Ивана Шеталова. Последний был «репрессирован» университетским судом за попытку организации самосуда над студентом, которого «товарищество» подозревало в доносительстве[11]. Свои оппозиционные по отношению к самодержавию взгляды А. Е. Фаворский пронес до революции 1917 года.

31 мая 1882 года Алексей Фаворский решением совета был удостоен степени кандидата по разряду естественных наук при условии представления диссертации и одобрения ее физико-математическим факультетом[12]. Кандидатской диссертацией в рамках университетской системы того времени являлось дипломное сочинение студента. Отметим, что представляла такие сочинения (и становилась кандидатами) лишь меньшая часть выпускников университета, большинство кончало университет со званием действительного студента. Наличие

---

[8] Кстати, Татьяна Алексеевна всегда пишет «Университет» с прописной буквы, когда речь идет об alma mater, и такое написание сохранено в данной публикации.

[9] Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности ученого его сословия за 1881 г., составленный экстраординарным профессором И. В. Помяловским и читанный на акте 8 февраля 1882 г. ординарным профессором О. Ф. Миллером // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1881–1882 академического года. СПб., 1882. № 25. С. 93.

[10] *Фаворский А.Е.* А. М. Бутлеров как глава школы русских химиков // А. М. Бутлеров. 1828–1928. Л., 1929. С. 73–92.

[11] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1880–1881 академического года. СПб., 1881. № 24. С. 64.

[12] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1881–1882 академического года. СПб., 1882. № 26. С. 65.

кандидатской степени было необходимым условием оставления в университете и подготовки магистерской диссертации.

Судя по отчетам руководителя лаборатории А. М. Бутлерова, «кандидат Фаворский» продолжал в ней свои исследования и по окончании курса[13]. Однако сразу оплачиваемой позиции в университетской лаборатории не нашлось. Как отмечает Татьяна Алексеевна, с 1882 года А. Е. Фаворский «занял место лаборанта-химика в Первом реальном училище». Правда, официальная документация фиксирует начало службы А. Е. Фаворского с 22 апреля 1883 года. А с 1 июля 1886 года (с уходом в отставку Н.Н. Любавина) освободилось место лаборанта, которое занял А. Е. Фаворский (согласно воспоминаниям, это событие произошло также на год раньше – в 1885-м)[14]. Надо отметить, что физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета отличался от гуманитарных факультетов более жесткими требованиями к кандидатам на преподавательские позиции. Поэтому официальное занятие должности даже младшего преподавателя (приват-доцента) до защиты магистерской диссертации было практически невозможным. С другой стороны, после введения в действие нового университетского устава 1884 года в университетском преподавании значительно увеличивается вес лабораторных и практических занятий, что приводит к тому, что лаборанты начинают нести значительную педагогическую нагрузку, работая со студентами. Таким образом, преподавательскую деятельность в университете А. Е. Фаворский начинает со второй половины 1880-х годов – до формального обретения преподавательского статуса. Как отмечает Татьяна Алексеевна, именно в это время у ученого появляются первые ученики – К. И. Дебу и К. А. Красуский. За почти шестьдесят лет преподавательской деятельности около девяноста химиков начали свой научный путь под непосредственным научным руководством А. Е. Фаворского. Ряд из них добились выдающихся результатов, сделали большую карьеру, сами воспитали многочисленных учеников. Среди питомцев школы А. Е. Фаворского можно назвать имена С. Н. Данилова, Н. А. Домнина, В. Н. Ипатьева, Ю.С.Залькинда, И. Н. Назарова, М. Ф. Шостаковского и многих других известных в России и мире ученых разных поколений[15]. На страницах воспоминаний присутствуют фигуры многих учеников А. Е. Фаворского, становление которых как специалистов-химиков пришлось как на время сознательной жизни и профессиональной деятельности самой Татьяны Алексеевны, так и на более ранние годы. Некоторые первые ученики А. Е. Фаворского стали близкими к учителю людьми на всю жизнь. Особые отношения связывали А. Е. Фаворского с С. В. Лебедевым, который сам стал всемирно известным ученым. Татьяна Алексеевна описывает тяжелое состояние отца, узнавшего о преждевременной кончине этого любимого ученика и друга. Вообще, из книги мы узнаём, сколь много значили для него ученики, которые были частыми гостями в доме Фаворских, ездили к ним на дачу. Татьяна Алексеевна многократно описывает ежегодные приемы по поводу именин профессора, на которые ученики всегда приглашались. Один из поздних учеников А. Е. Фаворского, Никита Домнин (в будущем известный ученый и ректор ЛГУ), со временем вошел в семью профессора, женившись на Ирине Фаворской.

15 сентября 1891 года А. Е. Фаворский защитил магистерскую диссертацию на физико-математическом факультете. Примечательно, что еще до ее формального утверждения в университетском совете он был допущен попечителем к чтению лекций в университете в звании

---

[13] [Отчеты по химической лаборатории за 1884. 1885] // А.М. Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность. Сборник документов. М., 1961. С. 141, 142.

[14] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. СПб., 1887. № 35. С. 68.

[15] *Сосницкий Д. А., Ростовцев Е. А.* Фаворский Алексей Евграфович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). URL: http://bioslovhist.spbu.ru/person/627-favorskiy-aleksey-yevgrafovich.html (дата обращения: 23.08.2018).

приват-доцента[16]. Приват-доцентура открыла дорогу А. Е. Фаворскому к чтению по поручению факультета обязательных курсов лекций, а следовательно, дала возможность укрепить позиции внутри университетской корпорации. Однако стать профессором на физико-математическом факультете столичного университета, как правило, можно было только с получением докторской степени. Докторскую диссертацию молодой ученый готовит в крайне сжатые сроки – за четыре год, в полтора раза быстрее, чем было принято на факультете![17] 8 мая 1895 года совет университета утвердил решение физико-математического факультета о присвоении А. Е. Фаворскому степени доктора химии за диссертацию «Исследование изомерных превращений в рядах карбонильных соединений, охлоренных спиртом и галоидозамещеных окисей». Блестящий отзыв о диссертации представили профессора А. Н. Меншуткин и Д. П. Коновалов[18].

В 1896 году происходит поворотное событие в академической карьере А. Е. Фаворского – его избирают на должность сверхштатного ординарного профессора по кафедре технологии и технической химии[19]. Обретение профессуры в тридцать шесть лет, хотя и не могло считаться факультетским рекордом, все же было существенно более быстрым в карьерном отношении, чем средние показатели по факультету. Для сравнения можно сказать, что его университетский товарищ Вячеслав Евгеньевич Тищенко получил профессуру только в сорок шесть лет.

Как отмечается в литературе, в глазах общества в дореволюционной России был очень высок статус столичного профессора[20]. Профессор обладал значительными возможностями, связанными с выбором и привлечением к научной деятельности лучших молодых людей, организацией лабораторных исследований, получением финансирования, изданием научных трудов. Иначе говоря, должность профессора открывала перед ученым возможность создания собственной научной школы, реализации научно-исследовательской программы.

В то же время оплата работников интеллектуального труда на пути к профессуре оставляла желать много лучшего. Жалование лаборанта было очень скромным (порядка 70 рублей в месяц). Вплоть до конца 1890-х годов доходы семьи были не слишком велики. Оплата труда приват-доцента зависела от факультета и целого ряда обстоятельств, связанных с поручением обязательного курса. Надо отметить, что

А. Е. Фаворский такое поручение получил сразу, и в ноябре 1891 года по представлению физико-математического факультета университетский совет принял решение о выделении на 1892 год А. Е. Фаворскому годового вознаграждения в размере 600 рублей (аналогичная сумма выделялась и в последующие годы). Эта же сумма выплачивалась ему затем как сверхштатному профессору[21]. Гонорар (плата за лекции, вносимая студентами) у А. Е Фаворского, по крайней мере до 1902 года, также был небольшим. Например, в 1896 году он составлял 142 рубля (для

---

[16] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 года. СПб., 1892. № 45. С. 9, 11, 26.

[17] *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Международные отношения и диалог культур: сб. науч. ст. 2016. № 4 (2015). С. 206.

[18] Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб., 1896. № 51. С. 49–50.

[19] Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1896 год, составленный и. д. ординарного профессора Н. И. Веселовским. С приложением речи ординарного профессора П. И. Георгиевского. СПб., 1897. С. 11.

[20] См., напр.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М., 2013; *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015; *Иванов А. Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.

[21] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1891 г. СПб., 1892. С. 26; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1892 г. СПб., 1893. С. 15; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1893 г. СПб., 1894. С. 20; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1894 г. СПб., 1895. № 50. С. 32; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 г. СПб., 1896. № 51. С. 33.

сравнения: у Н. А. Меншуткина – 1414 рублей, у Д. П. Коновалова – 4844 рубля)[22]. Получавшаяся таким образом сумма позволяла семье не бедствовать, но стандарты жизни, принятые в кругу, в котором вращались Фаворские, требовали дополнительного заработка. Вероятно, в том числе и с этим обстоятельством связаны многочисленные приработки отца, о которых вспоминает Татьяна Алексеевна, – в Михайловском артиллерийском училище, Михайловской артиллерийской академии, затем на Высших женских курсах и в Технологическом институте.

Правда, уже с 1 января 1899 года А. Е. Фаворский стал штатным экстраординарным, а через несколько месяцев (с 1 сентября) – ординарным профессором[23]. Разумеется, некоторые сложности были вызваны тем, что занимаемая им кафедра (технологии и технической химии) не вполне соответствовала его специализации, связанной с органической химией, курс которой традиционно читался профессором по «основной» кафедре химии. С 1902 года, после ухода профессора Н. А. Меншуткина в Политехнический институт, А. Е. Фаворский стал читать в университете курс органической химии, передав курс технической химии приват-доценту В. Е. Тищенко[24]. После же ухода из университета профессора Д. П. Коновалова в 1907 году А. Е. Фаворский наконец стал ординарным профессором кафедры химии, а В. Е. Тищенко обрел искомую профессуру по бывшей кафедре А. Е. Фаворского[25]. Надо отметить, что Татьяна Алексеевна (как и другие биографы А. Е. Фаворского) не придает значения бюрократическим формальностям. Для Татьяны Алексеевны переход А. Е. Фаворского и В. Е. Тищенко состоялся уже в 1902 году с началом фактического исполнения ими новых обязанностей. Она иначе передает названия кафедр, именуя кафедру технологии и технической химии – кафедрой аналитической и технической химии, а кафедру химии – кафедрой органической химии, что отражает более поздние (послереволюционные) реалии. Можно отметить, что, кроме обретения кафедры и лаборатории с любимой специализацией, А. Е. Фаворский значительно упрочил материальное положение семьи – университетский заработок колебался в зависимости от численности студентов, но, учитывая гонорар, составлял после 1902 года не менее 5000 рублей (Т. А. Фаворская пишет о профессорской зарплате в 3000 рублей, но эта сумма не учитывает гонорарных выплат). Вскоре после формального закрепления за ним искомой кафедры химии в университете А. Е. Фаворский передал Л. А. Чугаеву кафедру в Технологическом институте.

Итак, со второй половины 1900-х годов ученый смог сосредоточиться на работе в двух «университетах»: «мужском» (Императорском столичном) и «женском» (Высших женских (Бестужевских) курсах), оставив заработки в других учебных заведениях. Говоря о материальном достатке семьи, немаловажно подчеркнуть, что уже с лаборантских лет, то есть со второй половины 1880-х годов, А. Е. Фаворский был обеспечен казенной университетской квартирой. С продвижением в университетской иерархии ученый улучшал свои жилищные условия – с обретением профессуры семья обрела и подобающую пятикомнатную квартиру, а с переходом А. Н. Меншуткина в Политехнический институт в 1902 году Фаворские перебрались в его более просторную квартиру, в которой семья ученого жила более столетия. Татьяна Алексеевна подробно описывает жизнь и быт профессорско-преподавательского флигеля – соседями Фаворских были Меншуткины, Коноваловы, Тищенко, Погоржельские и другие. Мы не случайно акцентируем внимание на материальных аспектах жизни семьи Фаворских. Данное обстоятельство вызвано самим характером воспоминаний Татьяны Алексеевны, одним из достоинств которых является насыщенное описание профессорского быта во всех его проявлениях. Доходы профессора позволяли содержать большую квартиру, дачу, несколько человек

[22] Список профессоров и приват-доцентов, получивших в 1895 и 1896 г. гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий. СПб., б. г. С. 5.

[23] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. № 55. С. 62.

[24] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 65.

[25] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907. СПб., 1908. № 63. С. 163–165.

прислуги, нанимать учителей для воспитания детей, устраивать регулярные приемы большого количества гостей, путешествовать по России и за границу, лечиться в Швейцарии, материально помогать родственникам. Все эти подробности жизни «высшей интеллигенции», к которой обоснованно причисляла себя Татьяна Алексеевна, наглядно показывают характер социального статуса профессора в начале XX века.

Вообще, нужно отметить, что очень много петербургских событий из воспоминаний Татьяны Алексеевны территориально происходило на очень ограниченном пространстве, в районе так называемого академического центра, примыкавшего к стрелке Васильевского острова, – университетские здания (Двенадцати коллегий, химическая лаборатория, профессорский флигель, университетская столовая), Бестужевские курсы, гимназия Шаффе, Ларинская гимназия, Институт Отта. Напротив стрелки Васильевского острова, на Ватном острове, располагался опытный завод Военно-химического комитета, а затем РИПХ/ГИПХ (Российский / Государственный институт прикладной химии), одним из основателей которого был А. Е. Фаворский. Это был очень тесный во всех отношениях мир петербургской интеллигенции, ведь численно весь «академический мир» Петербурга составлял в начале XX века ничтожный процент (1–2 %) от населения быстрорастущего города, число жителей которого к началу Первой мировой войны перевалило за 2,2 млн человек.

Центром этого «академического мира» были Академия наук и, конечно же, университет. Несмотря на то что целый ряд ученых совмещали работу в университете и Академии, между двумя корпорациями существовало некоторое напряжение[26]. В области химических наук оно, по-видимому, присутствовало со времен конфликта, связанного с «неизбранием» в Академию Д. И. Менделеева, кандидатуру которого активно отстаивал академик и одновременно профессор университета А. М. Бутлеров. Вероятно, этим напряжением можно объяснить очень позднее (только в 1922 году) избрание А. Е. Фаворского в число членов-корреспондентов Академии. Впрочем, уже к началу XX века университет явно обошел Академию по масштабу научной деятельности. Причина заключалась в том, что штаты университета росли быстрыми темпами, главным образом за счет так называемых младших преподавателей (число которых постепенно увеличивалось с ростом числа студентов). Если в Академии по химическим наукам традиционно было занято две позиции, то в университете к 1915 году числилось десять преподавателей химии – помимо профессоров А. Е. Фаворского, В. Е. Тищенко, Л. А. Чугаева – приват-доценты В. Н. Ипатьев, А. Н. Сапожников, М. С. Вревский, П.П. фон Веймарн, С. В. Лебедев, Ю. С. Залькинд, Г. Н. Антонов, каждый из них уже обладал именем в науке и вел активную исследовательскую деятельность[27]. Однако главными фигурами и на кафедрах, и в факультетских и университетском советах были профессора, которые принимали все основные кадровые и организационные решения, связанные с жизнью университета. Сами профессора дореволюционного университета воспринимали себя как отцов в университетской семье, несущих ответственность и за науку, и за студенчество. Кроме всего прочего, профессорское служение в условиях дореволюционного университета подразумевало решение огромного количества административно-финансовых вопросов, в том числе связанных с работой над составлением различных регулирующих документов, в чем А. Е. Фаворский активно принимал участие, включая управление многочисленными «капиталами»[28], подготовку отзывов на диссертации[29], участие в разных университетских комиссиях и депутациях[30]. О некото-

[26] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 344–348.

[27] Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 и в весеннем полугодии 1916 года. Пг., 1915.

[28] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1898 г. СПб., 1898. № 54. С. 23–24.

[29] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1900 г. СПб., 1901. № 56. С. 55–

рых из этих дел есть зарисовки на страницах книги. Так, например, Татьяна Алексеевна пишет о поездке отца вместе с ректором А. М. Ждановым в Стокгольм на «съезд математиков и астрономов» в 1900 году. Результаты поездки запомнились Татьяной Алексеевной прежде всего подарками. По ее словам, «отец остался очень доволен поездкой; на заседания, кроме торжественного, он, конечно, не ходил, но провел время очень хорошо». Однако такого рода поездки представляли, так сказать, лаковую сторону профессорской жизни. Основное ее содержание – напряженная каждодневная работа, темп которой несколько снижался в каникулярное время, поскольку Алексей Евграфович был вдали от своей лаборатории. Так же как и у других его коллег, деятельность Фаворского не ограничивалась исполнением многочисленных служебных обязанностей в официальных учреждениях, ее важнейшей составляющей была научно-организационная работа общественного характера.

Так, важнейшей частью жизни ученого стали труды в Русском физико-химическом обществе при Санкт-Петербургском университете. Общество, состоявшее в этот период из двух отделений – химического и физического, – каждое из которых фактически было автономно, объединяло лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке[31]. Общество было создано в 1878 году путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 году по инициативе Д. И. Менделеева)[32] и Физического общества (учреждено в 1872 году)[33]. Занимали должность президента общества поочередно председатели двух его отделений[34]. Общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического института, Технологического института, Михайловской артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. На эти средства издавался печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным специальным печатным органом русских физиков и химиков[35].

А. Е. Фаворский стал членом РФХО вскоре после окончания университета, в 1883 году, и на протяжении десятилетий выполнял различные поручения общества. Самым значимым из них была редакторская работа. А. Е. Фаворский (об этом вспоминает и Татьяна Алексеевна) с 1901 года в течение почти сорока пяти лет руководил химическим отделом журнала общества (с 1931 года назывался Журналом общей химии). Благодаря инициативе общества в декабре 1907 года в Петербурге в стенах университета состоялся Менделеевский съезд по общей и прикладной химии, который собрал более тысячи участников; на заседаниях съезда было сделано более 150 докладов[36]. Впоследствии такие съезды стали регулярными[37]. Татьяна Алексеевна описывает послереволюционные менделеевские съезды, где ее отец также играл важную

57.

[30] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1903. № 59. С. 101.

[31] См. материалы отчетов Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г… С. 86–100; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г… С. 137–153; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г… С. 197–200; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г… С. 190–206; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г… С. 194–207; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г… СПб., 1911. С. 222–231; и др.

[32] См., напр.: *Волкова Т. Б.* Русское физико-химическое общество и Петербургский – Ленинградский университет // Вестник ЛГУ 1950. № 5. С. 119–123.

[33] См.: *Чугаев Л. А.* Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 14–20.

[34] Устав Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9934. Л. 32 об. § 11.

[35] История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред.В. В. Мавродин. Л., 1969. С. 122.

[36] Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. С. 199.

[37] 2 75 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / сост. Г. Л. Соболев, И. Л. Тихонов, Г. А. Тишкин; под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999.С. 270.

роль. Особенную память оставил у Татьяны Алексеевны первый после окончания Гражданской войны съезд, проходивший в мае 1922 года в Петрограде, организацией которого занимались местные химики, в том числе и сама Татьяна Алексеевна.

Профессор дореволюционного университета – значительная общественная фигура не только в научном, но и в политическом смысле. В условиях университетской автономии второй половины XIX – начала XX века «профессорское сословие» являло собой особый слой интеллигенции, который в литературе иногда называют «сословием мандаринов». «Мандарины» – термин, введенный немецким историком и социологом Ф. Рингером относительно германской интеллектуальной и научной элиты Нового времени, претендующей не только на создание нового знания, научное лидерство, но и на общественное и политическое влияние. Очень быстро стало понятно, что этот термин применим не только к германской, но и к другим европейским научным элитам XIX – начала XX века. Не являлась исключением и Российская империя. Конечно, в большей степени претензии на политическое и идеологическое влияние выражали представители профессуры, относящийся к гуманитарным и социальным наукам. Из Петербургского университета это такие видные общественные (в том числе политические) деятели, как юристы Л. И. Петражицкий, Д.Д. Гримм, историки Н. И. Кареев, М. И. Ростовцев, социологи М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, филологи А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и многие другие. Однако и среди естественников и математиков были фигуры, игравшие несомненную общественную роль – достаточно вспомнить имена И. М. Сеченова, А. С. Фаминцына, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева. В отличие от перечисленных ученых, А. Е. Фаворский, конечно, не уделял столько времени общественной деятельности. Однако в целом его либеральные общественно-политические взгляды вполне совпадали со взглядами большинства «мандаринов». Конечно, в условиях российского государственно-крепостнического строя роль профессоров в политической сфере преувеличивать не стоит…

В литературе есть свидетельства обращения профессора к властям по поводу поддержки репрессированных по политическим мотивам студентов[38]. В сентябре 1902 года А. Е. Фаворский оказался избранным в число кураторов естественного отделения физико-математического факультета (вместе с Д. П. Коноваловым, П. И. Броуновым, Н.Е. Введенским)[39]. Комиссия кураторов играла существенную роль в организации системы студенческого самоуправления и была своеобразным центром политического диалога между радикальным студенчеством и либеральной профессурой[40].

Как известно, события 1905–1907 годов не только захватили университет, парализовав в нем учебную жизнь, но и сделали его одним из основных центров демонстраций, проходивших в столице[41]. Татьяна Алексеевна, вспоминая о революционной ситуации в университете, иронически пишет об «орателях» (митингующих), но не скрывает, что симпатии ее семьи, как и всего общества, были на их стороне. Вообще, с данного момента можно начать прослеживать интереснейшую сюжетную линию повествования – важную для понимания такой актуальной темы, как власть и интеллигенция в России. Речь идет о самой Татьяне Алексеевне. Именно тогда, после разговора с Г.Ф.Ярцевым, она многое поняла: «…как бы завеса спала с глаз, я как бы воочию увидала тот мир произвола и насилия, о котором я и раньше слышала и знала, но теперь увидала хороших, честных людей, которых я уважала, ставших жертвой этого произвола. Я стала задумываться о том, что я буду делать, когда совсем кончу учиться, хотела делать какое-нибудь действительно полезное дело, мечтала достать какие-нибудь “политические” книги, познакомиться с политическими деятелями. Обо всем этом можно было только писать в моей

---

[38] *Шостаковский М.* Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. М.; Л., 1953. С. 92–95.

[39] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С.75.

[40] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи… С. 503–513.

[41] См., напр.: *Марголис Ю. Д.* Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 18–27.

тетрадке, говорить об этом было не с кем, ни Липа, ни гимназические подруги для таких разговоров не подходили. Единственной, с кем я могла говорить на волновавшие меня темы, была Маргарита, хотя она сама и не принимала участия в революционной работе, у нее были знакомые среди социал-демократов». Впрочем, революционной деятельностью Татьяна Алексеевна так и не занялась, но, как и отец, сохраняла весьма скептическое отношение к власти. События же 1905–1907 годов отблесками и зарницами мерцали где-то в параллельном мире…

Между тем эти события привели к устранению ограничений университетской автономии, установленной уставом 1884 года, в частности к восстановлению системы выборов должностных лиц университета, в том числе ректора. В сентябре 1905 года сравнительно молодой А. Е. Фаворский в числе ряда других профессоров предпринял попытку побороться за позицию ректора университета. Выборы, в которых приняло участие 14 кандидатов, проходили по сложной схеме в два этапа – рейтинговым голосованием. На втором этапе А. Е. Фаворский занял третье место (30 избирательных, 38 неизбирательных шаров), что свидетельствовало о его высокой популярности в корпорации. Победил же коллега А. Е. Фаворского по факультету профессор И. И. Боргман: 40 голосов – за, 28 – против[42].

Нужно отметить, что во время революции А. Е. Фаворский примкнул к группе так называемой левой профессуры, которую, впрочем, составляло большинство активных членов профессорской коллегии. Группа образовала своеобразное политическое ядро совета, которое проводило совещания перед его официальными заседаниями. На этих совещаниях неформально согласовывались основные решения по вопросам общественной и кадровой политики университета, выборов на различные университетские и общественные позиции: членов советской комиссии, профессорского университетского суда, различных комиссий, коллегии выборщиков в Государственный совет. То, что А. Е. Фаворский пользовался доверием корпорации, показывает и целый ряд голосований, связанных с выборами на различные административные должности. Так, с сентября 1905 года А. Е. Фаворский стал членом полулегальной Советской комиссии – органа, не предусмотренного никакими уставами и правилами, но обладавшего всей полнотой власти в университете в 1905–1914 годах[43]. В 1907 году А. Е. Фаворский избран кандидатом, в 1908 году – членом, а в 1911 году – председателем профессорского дисциплинарного суда[44], органа, имевшего в условиях революционной ситуации в университете большое общественно-политическое значение и стоявшего скорее на стороне студентов, чем власти, защищавшего «автономию университета»[45].

Университетскому суду приходилось разбирать самые разные дела – от кражи книг в библиотеке до травли в студенческом общежитии. Значительную долю дел составляли так называемые политические дела. А. Е. Фаворский, который сам в свое время проходил подобный процесс в качестве обвиняемого, всячески способствовал оправданию революционно настроенных студентов. Об отношении А. Е. Фаворского к политическим практикам в стенах университета ярко свидетельствует дело студента А. Нестерова (члена академической корпорации)[46].

В числе других политически активных профессоров А. Е. Фаворский принимает участие в обсуждении вопросов, касавшихся нового университетского устава, разрабатываемого мини-

---

[42] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 78–79.

[43] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. С. 86–87; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. № 64. С. 257.

[44] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. С. 335; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. С. 250–259; Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. № 67. СПб., 1913. С. 216.

[45] *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. П. Золотарева. Л., 1990. С. 244.

[46] Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. № 69. Пг., 1915. С. 114.

стерством П. М. фон Кауфмана[47]. Важнейшим общественным свершением А. Е. Фаворского и В. Е. Тищенко стала организация музея Д. И. Менделеева, настоящий культ которого стал формироваться еще при жизни великого ученого. После его кончины по инициативе участников РФХО, учеников и бывших коллег был поднят вопрос об открытии Менделеевского музея. Представление бывших коллег ученого о выделении средств на организацию музея было составлено прочувствованно и патетически: «Для оценки личности и деятельности великих умов, сошедших в могилу, становятся важны не только их печатные труды, неизданные рукописи, письма, заметки, но даже мелкие подробности личной жизни и домашней обстановки»[48]. В отличие от большинства деятелей эпохи, образ Д. И. Менделеева, сформированный в массовом сознании, уже в начале посмертной судьбы ученого носил консенсусный характер – в качестве положительного персонажа и великого ученого он был органично вписан в различные версии российской истории (впоследствии эта тенденция только укрепилась). В этом смысле интересы власти, либеральной общественности и университета редким образом совпали. С высочайшего одобрения с подачи премьера П. А. Столыпина на организацию музея и покупку библиотеки у наследников ученого в обход обычного порядка выделения государственных кредитов в кратчайшие сроки было найдено финансирование[49]. Первыми посетителями музея в декабре 1911 года стали участники II Менделеевского съезда (А. Е. Фаворский был его вице-председателем). Менделеевскому музею в числе немногих университетских центров удалось пережить революцию и Гражданскую войну и достичь наибольшего расцвета в советское время[50].

Завершение организации музея Менделеева проходило уже на фоне «кризиса Кассо» [51]. Суть его заключалась в противостоянии нового министра Л. А. Кассо и высших учебных заведений империи. В октябре 1911 года, когда шел поиск новых кадровых комбинаций, кандидатура А. Е. Фаворского как известного ученого, умелого администратора и умеренного либерала, приемлемого как для власти, так и для корпорации, вновь оказалась в центре внимания. Протоколы университетского совета лишь отчасти маскируют очевидное соперничество за пост ректора, которое развернулось между двумя лидерами «левой группы» – А. Е. Фаворским и В. М. Шимкевичем. В ходе предвыборной борьбы первый получил 25 голосов, а второй – 15. На следующем заседании собрания, на которое В.М. Шимкевич не явился, была проведена баллотировка избранных кандидатов.

В. М. Шимкевич получил 25 избирательных шаров, 20 неизбирательных, А. Е. Фаворский получил 37 избирательных, 7 неизбирательных. Таким образом, А. Е. Фаворский оказался избранным на должность ректора.

Однако профессор с этим решением совета не согласился, заявив, что он «ввиду целого ряда соображений и основательных причин от должности ректора отказывается, на отказ свой просит товарищей не сетовать и сделанное заявление о том просит считать окончательным» [52].

---

[47] Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. С. 10.

[48] Попечитель С.-Петербургского учебного округа – министру народного просвещения, 30 января 1910, № 2092 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 7.

[49] Председатель Совета министров – Министру народного просвещения, 21 января 1910 г., № 379 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 1–1 об.; Председатель Совета министров – Министру народного просвещения, 13 февраля 1910 г., № 861 // Там же. Л. 17; Министр народного просвещения – Председателю Совета министров, 17 февраля 1910 г. № 4528 // Там же. Л. 15–16; Министр финансов – Министру народного просвещения // Там же. Л. 23; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 10 февраля 1911 г., № 6 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 80 об.-81; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 24 февраля 1911 г., № 7 // Там же. Л. 99 об.-100.

[50] См.: *Макареня А. А., Филимонова И. Н.* Д. И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 98–107.

[51] *Баринов Д. А.* Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10. С. 106–117.

[52] См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. С. 159–162; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1911 г. // Там же. С. 163–166; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1911 г. // Там же. С. 167–169; Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1911 г. // Там же. С. 171; Протокол заседания Совета СПб. университета.

После отказа победителя выборов пост ректора было предложено занять В. М. Шимкевичу. Впрочем, в новых условиях он также не мог принять эту должность. В итоге «левой группе» профессоров пришлось вернуться к своим старым административным кадрам из числа гуманитариев. 26 октября 1911 года на должность ректора был избран профессор-историк Э.Д. Гримм[53], оказавшийся последним ректором дореволюционного университета. Кстати, проректором университета в октябре 1912 года был избран многократно упоминающийся родственник и коллега А. Е. Фаворского В. Е. Тищенко[54].

Вероятно, Татьяна Алексеевна оставалась в стороне от этих административных коллизий, связанных с карьерой отца. Основное внимание ее, конечно же, привлекают важнейшие события жизни семьи, предопределившие и ее собственную судьбу. В 1908 году уходит из жизни Наталья Павловна – первая жена ученого, мать Татьяны Алексеевны, долго болевшая чахоткой. Для Татьяны Алексеевны это одно из самых трагических воспоминаний. В 1910 году Алексей Евграфович женился во второй раз, на своей бывшей студентке Высших женских курсов Марии Маркеловне Домбровой, с которой Татьяна Алексеевна была в теплых, дружеских отношениях. От этого союза родились две дочки (Ирина и Марина) и сын (Алексей), описание жизненного пути, учебы, научной карьеры которых занимает немало места на страницах книги.

В 1913 г. профессор А. Е. Фаворский, отслужив по учебной части тридцать лет, получил право на пенсию с выплатой полного профессорского оклада, что открывало перед ним перспективы спокойной работы по собственному научно-исследовательскому плану. Но внешние обстоятельства не дали им реализоваться. Грянула Первая мировая война, ставшая началом серии социальных катаклизмов, которые вместе со страной пришлось пережить и семье Фаворских. Первая трагедия, которую испытала Татьяна Алексеевна, – гибель в ноябре 1914 года на фронте двоюродного брата – «милого… Андрюши» Тищенко, с которым она была очень близка и который первым из университетской корпорации стал жертвой этой войны. А. В. Тищенко был оставлен на кафедре русской истории, являлся учеником известного историка и археолога А. А. Спицына. В последний путь сына проректора провожал весь университет – это событие освещалось в прессе[55], и в воспоминаниях похороны А. В. Тищенко описаны подробно.

Татьяна Алексеевна очень кратко описывает работу отца на оборону – в частности, о его участии в «каких-то комиссиях, связанных с оборонными работами», о том, что даже летом он должен был время от времени ездить в Петербург на заседания, а также упоминает, что часть работ велась в лаборатории Военно-химического комитета Русского физико-химического общества. О работе А. Е. Фаворского в Военно-химическом комитете также кратко пишет в своей книге один из учеников ученого – М. Ф. Шостаковский[56], а затем и сама Татьяна Алексеевна[57]. Между тем эта деятельность примечательна, с нашей точки зрения, как пример патриотической самоорганизации русских ученых в сложное для страны время. Упомянутая работа профессора проходила в Физико-химическом обществе при Петроградском университете (РФХО), ставшем той организацией российского научного сообщества, которой пришлось дать ответ на вызов военного времени, связанный с появлением химического оружия[58]. Именно ученые – специалисты в области естественных и технических наук «брали на себя инициативу ускоренного поиска решения возникших проблем, преодолевая бюрократическую косность чиновников и находя понятные промышленникам доводы об исключительной экономической

24 октября 1911 г. // Там же. С. 209.

[53] Там же. С. 211–212.

[54] Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 138–140.

[55] Похороны героя // Биржевые ведомости. 1914. 25-го ноября (8-го декабря). № 14516. С. 4.

[56] *Шостаковский М.* Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. 1953. С. 90–91.

[57] *Фаворская* Г. А. Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). С. 235.

[58] См. подробнее: *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Мобилизация интеллекта и отравляющие газы: к истории науки в Петроградском университете в период I Мировой войны // Клио. 2016. № 8. С. 40–48.

выгоде от скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны»[59]. В этом контексте и следует рассматривать вклад в работу по созданию и производству химических веществ, который внес Военно-химический комитет при РФХО при Петроградском университете.

Первоначальным ядром для образования комитета послужила группа петроградских химиков, принимавшая участие в Комиссии по заготовлению удушающих средств по приглашению ее председателя, генерал-майора И. А. Крылова. В сентябре 1915 г. Совет РФХО вошел в Особое совещание по обороне с ходатайством об отпуске средств для организации Военно-химического комитета. Также было озвучено пожелание об организации опытного завода, «на котором можно было бы после лабораторных исследований испытать в малом заводском масштабе выработанные методы получения нужных для военного дела химических продуктов»[60]. Всего в состав комитета входило 106 членов, включая практически всех сотрудников кафедры химии физико-математического факультета Петроградского университета. Общее наблюдение за делами Комитета лежало на делопроизводителе, которым был назначен профессор университета Л. А. Чугаев[61]. Заседания проходили в основном в здании химической лаборатории университета или в химической лаборатории Горного института[62].

В сферу занятий комитета входил разнообразный круг научных и военно-технических вопросов, связанных с разработкой удушающих и взрывчатых веществ, производством различных химических препаратов, учетом наличности и запаса месторождений сырых материалов и т. п. Важным пунктом обсуждений комитета была перестройка, наладка и эксплуатация Опытного завода[63]. Для его оборудования в конце января 1916 года комитету было предоставлено помещение на угольном заводе второго казенного винного склада на Ватном острове. На заводе осуществлялось производство удушающих веществ, в разработке которых активнейшее участие принимали ученые Петроградского университета. В частности, там было налажено производство хлорпикрина из ацетона, подготовительная лабораторная работа по которому была выполнена в университетской лаборатории Л. А. Чугаева[64]. В университетской лаборатории органической химии профессора А. Е. Фаворского проводились подготовительные работы для получения фосгена «из четыреххлористого углерода и олеума с утилизацией хлорсульфоновой кислоты для получения удушающих средств»[65].

Начиная со второй половины 1916 года Военно-химический комитет обратился к проблеме перевода химической промышленности на мирные рельсы. Комитет подчеркивал, что уже с первых шагов своей деятельности он, «имея в виду прежде всего обслуживать стоящие на очереди нужды армии и флота, не терял из виду и других задач, более отдаленных, но зато еще более обширных и заманчивых, – задач, разрешение которых было рассчитано на мирное время»[66]. В первую очередь речь шла о медикаментах, вкусовых веществах, красках и т. п. Таким образом, всего за несколько лет существования комитет превратился из добровольной организации ученых-химиков, стремящихся помочь страдающей от тягот войны стране, в постоянное государственное учреждение – ГИПХ (Государственный институт при-

---

[59] *Колчинский* Э. *И.* Первая Мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 12.

[60] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1: 1867–1917. С. 496.

[61] Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Он. 1. Д. 28. Л. 12 об.

[62] Результаты пленарных заседаний, 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 974 Оп. 1. Д. 6.

[63] Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года. Л. 10 об.

[64] Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года. Л. 14.

[65] Там же. Л. 14 об.

[66] Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии // Там же. Л. 16.

кладной химии)[67]. Разумеется, эффективность таких научно-технических центров снижалась в условиях отсутствия четкой системы и планов управления военно-химической отраслью со стороны государства, но это обстоятельство скорее отражало общие трудности, связанные с мобилизацией промышленности в годы войны[68]. Однако не вызывает сомнений, что деятельность Военно-технического комитета показала способность российских ученых к эффективной работе, направленной на решение государственных задач[69].

Что же касается воспоминаний Татьяны Алексеевны, то в них содержатся уникальные сведения о работе и атмосфере одного из госпиталей, открытых во время войны в университете. Напомним, что для медицинских нужд университет предоставил четыре помещения в комплексе на Васильевском острове (там были организованы лазареты на 466 кроватей), попечителями которых выступали профессора университета. В управлении лазаретами принимали участие также жены профессоров и приват-доцентов университета[70]. Татьяна Алексеевна поступила на работу (без оплаты) медсестрой в лазарет, размещенный в актовом зале университета. Ее яркий рассказ о работе врачей и младшего персонала госпиталя, пациентах, проводимых операциях – единственное известное нам подробное описание больничной жизни в стенах университета этого периода.

Татьяна Алексеевна закончила Высшие женские курсы еще в 1914 году, а в 1916 году сдала экзамены университетской государственной комиссии, получив соответствующий диплом. С сентября 1916 года по настоянию отца Татьяна Алексеевна начала трудиться в лаборатории завода по производству оптического стекла под руководством И. Л. Гребенщикова. Здесь и застала ее Февральская революция, которая первоначально мало повлияла на налаженный жизненный уклад всей семьи Фаворских. Вот что пишет Татьяна Алексеевна: «после Февральской революции на заводе у нас мало что изменилось», правда, «все были рады свержению самодержавного строя, отречению царя Михаила». Это была всеобщая эйфория. В заявлении совета профессоров университета, принятом единогласно 3 марта 1917 года, говорилось: «… довести до сведения Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок, что в этот ответственный момент, переживаемый родиной, Совет считает своим долгом предоставить в полное распоряжение Временного правительства все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка»[71]. Но, как и предрекали пожилые и опытные люди, впереди ждали серьезные проблемы с транспортом, питанием и прочим.

На этом печальном фоне как-то незаметно прошла Октябрьская революция, но захватившие власть большевики вызывали ненависть ученого сословия. В данном отношении показательны слова Татьяны Алексеевны, относящиеся к 1919 году: «Как я ненавидела тогда большевиков, виновников разрухи и голода, неотвратимой гибели, медленно, но верно приближавшейся к нам! Могу только сказать, что, несмотря ни на что, я всегда работала добросовестно, одинаково охотно занималась с любыми студентами, рада была успехам любого пролетарского юноши или девушки, но правителей наших в то время я ненавидела, не кого-то

---

[67] *Залъцберг М.* Три жизни академика В.Н. Ипатьева // Химия и жизнь. 1992. № 12. С. 18.

[68] *Brooks N.* Munitions, the Military, and Chemistry in Russia *11* Frontline and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–1924 / eds R. Macleod and J. A. Johnson. Dordrecht, 2006. P. 75–101.

[69] См. подробнее: *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Мобилизация интеллекта и отравляющие газы… С. 40–48.

[70] См.: Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 88–89; Всероссийский Союз городов. Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг., 1916. С. 116, 117, 119; Высшие учебные заведения в 1914 г. [Всеподданнейшая докладная записка министра народного просвещения о деятельности высших учебных заведений в 1914] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170. Л. 3; Отношение к настоящей войне // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 91–93.

[71] Протокол экстренного заседания Совета Петроградского университета 3-го марта 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30–30 об. Ср.: *Koneczny P.* Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999. P. 40.

конкретно, а большевиков вообще. Никаких достижений, ничего хорошего, за что их можно было бы похвалить, мне пока не было видно, а горе и несчастья, которые они несли не только мне, но и многим другим, я замечала на каждом шагу. Всего тяжелее был, конечно, голод». Действительно, большинство университетских преподавателей и научных сотрудников относили к третьей продовольственной категории, что обрекало их на голодание. В декабре 1919 года совет Петроградского университета поручает президиуму довести «до сведения высшей власти», что из-за сложившихся условий жизни ученые «вымирают»[72]. Эти слова не являлись образным преувеличением. Уже к 1920 году из жизни ушло около сорока человек из числа преподавательского состава: академики М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, Б.А.Тураев, А. А. Шахматов, профессора А. А. Иностранцев, А. А. Жуковский, Л.В.Ходский, И. М. Волков, Н.Н. Розин, Х. Я. Гоби, В. М. Гессен, Я. И. Смирнов, О. О. Розенберг, П. О. Сомов и многие другие[73]. Как писал одному из своих корреспондентов профессор Н. Н. Глубоковский в марте 1920 года, «Университет частью разбегается, а еще более того вымирает “пачками” (иногда до 7–8 человек разом)»[74]. В начале 1920 года ректор В. М. Шимкевич с болью сообщает в Комиссию по улучшению быта ученых о гибели коллег, о том, что ввиду условий питания «состояние здоровья многих профессоров таково, что в ближайшем будущем надо ожидать дальнейшей убыли». Ректор рассказывает о том, что «некоторые преподаватели физико-математического факультета уже давно едят мясо “лабораторных мучеников”, т. е. собак и кошек, использованных для научных и учебных целей», однако подчеркивает, что «таких счастливцев, которые это могут делать, очень немного». В. М. Шимкевич констатирует, что «нельзя не отметить и роста в ученой среде полного индифферентизма к своей личной судьбе, приводящего к нежеланию бороться за жизнь и даже к потере желания жить»[75]. Татьяна Алексеевна описывает действия, которые Фаворские предпринимали, для того чтобы выжить – среди них организация огорода на лужайке рядом со зданиями Кадетского корпуса, но главное – эвакуация Марии Маркеловны с маленькими детьми в деревню Усадищи (более 100 километров от Петрограда), где они прожили с 1919 по 1922 год.

Несмотря на голод, красный террор, гибель близких, работа в университете и других научных учреждениях не замирала. Ученые старались продолжать поддерживать дорогие им институты и традиции. В воспоминаниях есть любопытная зарисовка празднования столетия университета[76]: «В феврале 1919 г. по старому стилю было очень скромно отмечено столетие со дня основания Петербургского (Петроградского) университета. Народу собралось немного, в зале было холодно, сидели в шубах. Многие уехали из Петрограда, некоторые жили настолько плохо, что относились ко всему безразлично, интересовались лишь разговорами о продовольствии. Мы с отцом, конечно, были». Интересно сравнить эту запись с показаниями другого источника – дневника жены профессора русской истории С. Ф. Платонова Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной): «Вчера, сегодня и завтра – юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра – начало Масленицы – в нормальное время какие бы это были торжествен-

---

[72] Ректор Петроградского университета – в Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений, в комиссариат народного просвещения и Отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 17 декабря 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 116. Л. 45–45 об.

[73] Ректор Единого Петроградского университета – В отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 13 декабря 1919, № 6189, копия // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 119. Л. 209–209 об.; Список скончавшихся из состава университета в последнее время лиц // Там же. Л. 260. См. также: *Шилов А. В.* Из историиПетроградского университета: судьбы ученых в послеоктрябрьский период // Петербургские чтения – 97. 1997. С. 255.

[74] Цит. по: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* «“Род ученых” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.). // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 3 (11). С. 134.

[75] Ректор Петроградского университета – в комиссию по улучшению быта ученых [1920. копия] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 119. Л. 246–247 об.

[76] См.: *Казакевич Я А., Манделъ* С. 3. К истории столетнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 159–166.

ные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. <…> Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду… и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[отому] ч[то] наука нужна народу, и т. д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто – это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам»[77].

Скорее всего, и Фаворские не аплодировали советскому наркому просвещения. Но так же, как, кстати, и С. Ф. Платонов, их семья активно включилась в сотрудничество с новой властью. Как пишет Татьяна Алексеевна, «советская власть не внушала доверия, а представители ее вызывали ненависть. Однако и от возвращения к власти буржуазных элементов тоже нельзя было ждать ничего хорошего. <…> Были, конечно, среди тогдашней интеллигенции люди, ждавшие прихода белых, но большинство было настроено подобно мне и честно работало. Не помню, кто-то из знакомых сказал тогда по поводу ничтожной зарплаты, которую тогда платили профессорам и преподавателям: “Только русская интеллигенция может так работать, ничего почти не получая за свою работу”». Это кредо российских ученых: режимы меняются, а наука остается – и ей надо служить! А через какое-то время и большевики стали вызывать определенные симпатии, особенно когда А. М. Горький уговорил В. И. Ленина вплотную заняться бытом ученых (версия Татьяны Алексеевны).

В 1919 году, как уже упоминалось, А. Е. Фаворский принял активное участие в организации Государственного научно-исследовательского института прикладной химии. Это был один из первых опытов масштабного сотрудничества старых ученых с советской властью, показавший в 1920-е годы блестящие результаты. 1920–1922 годы были переломными и в выборе дальнейшего пути для университетских ученых. Около четверти работавших в 1917 году преподавателей Петроградского университета сделали выбор в пользу эмиграции из страны (в своем абсолютным большинстве – специалисты в области гуманитарных и социальных наук)[78]. Для А. Е. Фаворского такой вариант был категорически неприемлем. Как вспоминает Татьяна Алексеевна, знакомый купец «звал отца уехать в ним вместе в Новую Зеландию. Отец с негодованием отверг это предложение и сказал, что он никуда и никогда со своей Родины не поедет».

В 1919 году началась трансформация структуры Петроградского университета, связанная с объединением вузов и факультетов, а также со всей структурой управления университетом. К 1922 году этот процесс привел к фактической ликвидации университетской автономии, университетская корпорация была поставлена под полный контроль нового режима. Эпоха «мандаринов» закончилась, время претензий профессорского сословия не только на собственную общественную политическую позицию, но и на управление университетом ушло, и вместе с тем поменялось и восприятие окружающего мира. Характерно воспоминание о похоронах В. И. Ленина, о котором в 1917 году в среде Фаворских говорили как об агенте, засланном немцами: «Настал январь 1924 года. День смерти Ленина, короткий зимний день, трескучий мороз. По всей стране в одну и ту же минуту замерла жизнь, остановилось движение… А потом жизнь пошла снова вперед, возобновилась работа, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Работали и мы, в лаборатории и дома, и время бежало все быстрее и быстрее». Фаворские видели свою задачу исключительно в профессиональной работе, дистанцируясь от обсуждения «внешних факторов», одним из которых стала организация приема по принципу социального происхождения и соответствующие чистки состава студенчества. Так, Татьяна Алексеевна вспоминает заседание совета университета в 1923/24 году, на котором она присутствовала: «…представители реакционной профессуры говорили, что самое большое зло – это то, что

---

[77] Дневник Н. Н. Платоновой. 9/22 февраля 1919 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5699. Л. 4–4 об.

[78] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2016. Вып. 1. С. 64–75.

“им подменили аудиторию, кого они будут учить, кого готовить?” Мы об этом не думали и старались вложить начатки химических знаний во все различные головы, которые приходили к нам, желая их получить». В 1924 году А. Е. Фаворский входит в университетскую делегацию, отправившуюся просить денег на проведение научных исследований к Л. Д. Троцкому, который в итоге «очень помог».

Татьяна Алексеевна ярко описывает злоключения российской системы образования в связи с большевистским экспериментом. Фаворские должны были мириться с постоянными реформами в высшей школе, где «все время менялись методы преподавания: комплексный метод, Дальтон-план, бригадный метод». Отчасти спасало чувство юмора. Вот что пишет Татьяна Алексеевна о занятиях младшей сестры в Технологическом институте в 1929 году: «…экзамен был отменен, и изучали органическую химию путем очередного эксперимента – бригадным методом. В университете мы как-то избежали этого удовольствия». Провалившиеся реформы конца 1929–1930 года по созданию «Единого химического вуза» Татьяна Алексеевна описывает критически, особенно важным для нее было сохранить лабораторию отца в университете. 1929 год ознаменовался для Фаворских и позитивным событием, связанным с долгожданным избранием А. Е. Фаворского в Академию наук, которое, естественно, было предметом гордости Татьяны Алексеевны.

Вообще текст воспоминаний, относящийся к 1920–1940 годам, на наш взгляд, любопытен прежде всего с точки зрения роста тех же симпатий к большевикам, что, в свою очередь, вероятно, отражает процесс изменения мировоззрения «старой интеллигенции». Несмотря на постепенное восстановление материального достатка семьи в 1920-е годы, бытовой уклад заметно меняется. Церковные праздники год за годом теряют прежнее значение, зато появляется новый «октябрьский праздник», который отмечают даже в семейном кругу, но, самое главное, меняется восприятие правящей партии и советского строя.

Пожалуй, здесь в высшей степени показательны зарисовки, связанные с убийством лидера партийной организации Ленинграда: «Убит Киров! Убит выстрелом, чуть не в упор. Весь город кипел, негодовал, возмущался. Весь день шел народ к Таврическому дворцу, посмотреть в последний раз на любимого вождя, поклониться его праху. Шли рабочие, служащие, студенты, аспиранты. Лаборатория Алексея Евграфовича опустела в этот день, все аспиранты – Домнин, Назаров, Ирина и другие – все влились в общую процессию, в скорбном молчании идущую к Таврическому дворцу. Всю ночь шли с факелами представители заводов и учреждений. От университета в числе прочих шел Алеша [Фаворский] с Наташей Полевой. Трудно было поверить, что нет больше Кирова – “трибуна революции” – такого простого, доступного. Такого умного, так трезво разбирающегося в сложной современной обстановке, так серьезно и заботливо вникающего во все вопросы, с которыми к нему обращались. Человека большой души, любившего людей и которого любили люди. Алексей Евграфович искренно горевал о гибели Кирова. Такого человека трудно было опорочить, обвинить в каких-нибудь вымышленных преступлениях, за ним стояли народные массы, его можно было только убрать, и его убрали. На его место в Ленинграде поставили Жданова. Какая замена! Когда Университет обратился к нему с какой-то просьбой, он даже не счел нужным ответить на нее».

Что ж, Кирова страстно любили все ленинградцы! Гораздо труднее было разобраться в дальнейших «поворотах и изгибах» созревшего культа личности Сталина. Например, Татьяна Алексеевна так рассуждает о Московском процессе 1937 года: «мы хорошо бы отдохнули за несколько дней, проведенных на даче, если бы не чтение газет, в которых печатался процесс бывших вождей – Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и других.

<…> С утра приносили газеты, и все сидели и читали двойные газетные листы, целиком заполненные описанием процесса, ответами подсудимых. Зиновьев, Каменев, Рыков – это еще было допустимо, но Бухарин – академик, известный своими трудами и своим умом, с которым Алексей Евграфович встречался на сессиях Академии, которого я видела своими глазами…

<…> Пусть Каменев, Зиновьев, о которых много писали плохого, пусть Рыков, который так много пил водки, что представление о нем было неотделимо от водки, которую в народе называли “рыковкой”, но Бухарин, Бухарин… Тяжело и неприятно было читать всю ту грязь, которой обливали подсудимых».

Страницы книги, посвященные временам культа личности, крайне интересны для понимания восприятия российской интеллигенцией этого страшного явления. Татьяна Алексеевна приводит некоторые имена репрессированных. Как известно, Ленинградский университет во времена большого террора (1936–1938) понес тяжелые утраты. Среди «врагов народа», арестованных (ряд из них затем был расстрелян) в эти годы, – профессора В. Р. Бурсиан, Ю.А. Крутков, П.Т. Соколов, П. И. Лукирский, В. К. Фредерикс, А. К. Дрезен, М. Д. Кокин, Г. Д. Карпеченко, С. М. Дубровский,

В. Н. Бенешевич и многие другие[79]. Точный подсчет потерь, который понес университет в эти годы, еще следует провести. Татьяна Алексеевна, будучи очевидцем этих страшных событий, описывает ужасы режима, тотальный страх: «Народ уже давно привык молчать, боялся вслух высказывать свои мысли и только шепотом». Некоторые сведения уникальны, например о деяниях сталинских опричников, сравнимых с практикой нацистских концлагерей: «… многим арестованным, в том числе и Сереже, впрыскивали экстракт, выделяемый из органов животных, больных раком. Трудно поверить, что возможна была такая жестокость, но общая мрачная обстановка того времени была такова, что вряд ли можно сомневаться, что человек этот говорил правду». Интересно, что большевики при этом уже воспринимаются «своими». Татьяна Алексеевна, в частности, пишет об одной из жертв режима (В. П. Краузе): «Будучи студентом, он был вожаком студентов-химиков, пользовался у них большим авторитетом и уважением со стороны преподавателей. Очень энергичный и умный, убежденный коммунист, он представлял собой тип настоящего большевика и настоящего человека».

Татьяна Алексеевна Фаворская вспоминает: «Репрессии шли нарастающими темпами. Ширился круг лиц, исчезавших неведомо куда: члены правительства, академики, ученые, инженеры, учителя, рабочие, военные всех рангов, лица иностранного происхождения и прочие мирные граждане. Никто не был застрахован от того, что глухой ночью раздастся звонок, войдут три-четыре человека, велят собираться и увезут в недавно построенный Большой дом. И сколько за это время погибло людей! Не знаю, как это объяснить, но почему-то этот террор, эта неслыханная жестокость не ассоциировалась в умах людей лично со Сталиным. Представлялось, что это какая-то безликая сила творит все это зло, через выдвигаемых лиц вроде Ежова, Ягоды и других. Конечно, многое тогда скрывалось, никаких подробностей не доходило до широкой публики, только слухи, намеки, тревожные рассказы об арестах, о том, что творится в Большом доме на Литейном. Слишком много писали тогда о Сталине в газетах, журналах, изображали в театрах и кино всенародную любовь и преклонение перед гениальным вождем народа, чтобы люди могли здраво ассоциировать творившееся жуткое беззаконие с личностью человека, окруженного таким ореолом славы и любви».

Извечный русский вопрос «Кто виноват?» так и остался без ответа, зато остался страх… Уже после «оттепели» она писала: «…до сих пор мне делается не по себе, когда я слышу на улице или в общественном месте “вольные” разговоры».

Что касается самой Татьяны Алексеевны, А. Е. Фаворского и вступивших во взрослую и профессиональную жизнь в 1930-е годы его младших детей (Ирины, Марины и Алексея), репрессии их обошли стороной. После переезда Академии наук в Москву в 1934 году А. Е. Фаворский стал часто ездить в столицу – помимо собраний Академии, к этому его вынуждало директорство в Институте органической химии Академии наук. В 1940 году широко отмечалось восьмидесятилетие А. Е. Фаворского, весной следующего, 1941 года пожилой ученый

[79] 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999. С. 307-

получил Сталинскую премию за разработку методов синтеза изопренового каучука. Несмотря на суровое время, семья обрела внешнее благополучие – Ирина и Алексей были счастливы в браке, в семье появились внуки. Сама Татьяна Алексеевна увлеченно завершала работу над докторской диссертацией, Алексей и Ирина защитили кандидатские, Марина над ней работала. Глава рода Фаворских мог быть доволен как профессиональным признанием своего труда, так и достижениями своего семейства. Академик купил новую дачу в Луге, где все семейство могло собираться вместе. Существенным ударом для Фаворских стала почти одновременная кончина от рака старшего поколения семьи Тищенко в начале 1941 года – Елизаветы Евграфовны (урожденной Фаворской) и Вячеслава Евгеньевича. Однако полностью поломала налаженную уже, как казалось, жизнь война.

Воспоминания Татьяны Алексеевны о войне интересны описанием быта эвакуированной в Казахстан (Боровое) академической интеллигенции. Статус академика и лауреата Сталинской премии позволил А. Е. Фаворскому вывезти вместе с собой большинство женщин и детей своей большой семьи – как отмечает Татьяна Алексеевна, «в общей сложности нас должно было ехать десять человек: шестеро взрослых и четверо детей». Во время войны, несмотря на слабость, А. Е. Фаворский продолжал работать, создав вместе со своим учеником «бальзам Фаворского – Шостаковского», применяемый при ожогах и ранах. Отдельные наблюдения Татьяны Алексеевны очень интересны и в литературе не встречаются. Например, предположение о том, что эвакуация из Ленинградского университета группы лиц, работавших на военную тематику, была не столько связана с ее государственным значением, сколько со стремлением университета «сохранить молодых, способных сотрудников». Текст Татьяны Алексеевны фиксирует драгоценные воспоминания всего военного поколения – например, выступления Сталина 6 ноября 1941 года, 9 мая 1945 года.

8 августа 1945 года не стало А. Е. Фаворского – для мемуариста это хотя и ожидаемое, но трагическое событие. Однако, разумеется, после смерти отца жизнь не остановилась – Татьяна Алексеевна и ее сестры активно работали. Муж Ирины Никита Домнин бы назначен ректором. Но обстановка в стране была тяжелой: светлое ликование по поводу славной победы постепенно тонуло в повседневном болоте мрачного режима. «Послевоенное послевкусие» оказывалось весьма неприятным, что тонко передано в воспоминаниях: «Сколько страдало совершенно невинных людей. Снова начались аресты, снова люди исчезали неизвестно куда»; «Холодная война была в разгаре, иностранные контрразведки засылали диверсантов, пытались проникнуть в институты, заводы, лаборатории, где велись секретные работы, пытались вывести из строя, ликвидировать ведущих ученых и практических работников»; «Опять разные лица объявлялись врагами народа, опять устраивались процессы, где в тяжелых преступлениях обвинялись группы лиц различных специальностей и национальностей: микробиологи, врачи, евреи и т. п. Пострадал и исчез с лица земли и председатель Госплана, известный экономист Н. А. Вознесенский. Вслед за ним был арестован и погиб его брат, наш ректор».

Воспоминания Татьяны Алексеевны вполне передают ту атмосферу, которая царила в обществе и Ленинградском университете послевоенного времени – борьба с космополитизмом, «факультетские дискуссии», «суды чести» над заслуженными профессорами, увольнения, аресты[80]. Вообще, со смертью основного героя жизнь

[80] См., напр.: Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении «многих математиков» перед «иностранщиной». 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474 (дата обращения: 23.08.2018); *Маркузе А. И., Гиммельштейн Е. Е.* Дискуссия в Ленинградском Государственном университете о роли личности в истории // Вестник ЛГУ 1948. № 2. С. 167–171; *Гинецинская* Г. А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 114–125; *Чеснова Л. В.* Ю. И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20-60-е годы) // Там же. С. 212–222; *Ганелин Р Ш.* О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Уроки истории – уроки историка: сб. статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 204–224; *Гессен В. Ю., Дмитриев А. Л.* Большой террор на политико-экономическом факультете Ленинградского университета в 1948–1950 гг.

Татьяны Алексеевны (и повествование воспоминаний) идет как бы по инерции. Своеобразным эпилогом служит описание национальных проводов и похорон «отца народов». Слова автора ярко показывают всю сложность тех образов и ощущений, которые она связывала с этой личностью. Татьяна Алексеевна описывает народную скорбь, радость наших врагов, желающих развала Советского государства, и одновременно надежды «честных людей», на то, что кошмар сталинизма закончится.

Воспоминания Татьяны Алексеевны Фаворской являются ценнейшим источником по истории Петербургского университета конца XIX – первой половины XX века. Без сомнения, он займет достойное место среди публикаций источников личного происхождения, принадлежащих университетским ученым той эпохи[81]. Это любопытнейший материал по истории России в целом, ее быту, нравам, культуре. Воспоминания будут интересны и специалистам-историкам, и историкам науки, и всем, кто неравнодушен к истории и культуре родной страны.

(по архивным документам и воспоминаниям) // Там же. С. 340–362; *Столяр А. Д.* Уроки гражданского мужества историков: научное содружество В. В. Мавродина и М. И. Артамонова (1937–1972) // Мавродинские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 15–39; *Аль Д.* [Алыниц Д. Н.] Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007. С. 217–272; и др.

[81] Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917; *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое; *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005; *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1–2; *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991; *Лосский Н.* О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994; *Гревс И. М.* За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; *Платонов* С. Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / отв. ред. В.П. Леонов; изд. подгот. В. П. Захаров, М. П. Лепехин, Э. А. Фомина. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288; Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию со дня основания: сб. документов и воспоминаний / под ред. С. И. Фокина. М., 2011; Профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев / подгот. текста В. В. Аркадьева, коммент. В. А. Прозоровского, И. Л. Тихонова. СПб., 2014; и др.

Глава 1
Территории детства: папиного и моего (1890–1908)

1.1. Род Фаворских. Отец, его детство, родители и семья. Учеба в Санкт-Петербургском университете

Отец мой, Алексей Евграфович Фаворский, родился 20 февраля (4 марта) 1860 года в селе Павлове Нижегородской губернии, ныне город Павлово. Отец его, Евграф Андреевич Фаворский, был благочинным[82] села Павлова, настоятелем Троицкого собора, главной церкви этого села. Женат он был на Марии Григорьевне Добронравовой. Ни фотографии, ни портрета Марии Григорьевны не сохранилось, но, по словам Алексея Евграфовича, она была красива. Особой близости с матерью у него не было, характер у нее был довольно тяжелый, резкий и частенько сварливый, особой ласки и нежности к детям она не проявляла. Отца своего Алексей Евграфович горячо любил и уважал. Это был спокойный, выдержанный, справедливый человек, строго исполнявший свой долг. Он был любим и уважаем своими прихожанами. В любую погоду зимой и летом по первому зову ехал он иногда в довольно отдаленные деревни, входившие в состав его прихода. Общаясь с прихожанами, он не только проповедовал им слово Божье, но и беседовал с ними об их делах и нуждах, любил слушать народные песни и былины, записывал их. Некоторые из этих былин он послал в Академию наук, за что и получил от нее «признательность».

Евграф Андреевич оставил после себя небольшую памятную книжку, в которой были записаны краткие биографические сведения обо всех его родных, начиная с деда, Федота Михайловича Епифанова, жившего с 1748 по 1807 год. Отец Евграфа, Андрей Федотович, тоже носил фамилию Епифанова, а самому Евграфу и брату его, Максиму, при поступлении их в духовное училище была дана фамилия Фаворских, которая и перешла к потомкам.

Предки моего отца были священниками, обучались сначала в духовном училище, а затем в семинарии. Первым членом семьи, изменившим духовному поприщу, был дядя его – Максим Андреевич, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге. Евграф Андреевич довольно подробно описывает в своей памятной книжке жизненный путь своего знаменитого брата. Максим Андреевич был старше его на пятнадцать лет, жил с 1806 по 1867 год, тоже обучался в духовном училище и в семинарии. Но в священники не пошел, а поступил в Московский университет на медицинский факультет, окончив который работал сначала в московском Лефортовском госпитале, а потом перешел в петербургский Артиллерийский госпиталь. У него с детства в результате сильной простуды болели ноги, а после сделанной ему операции он остался хромым на всю жизнь. В петербургском климате болезнь его – ревматизм – значительно ухудшилась, и Максим Андреевич отправился лечиться на минеральные воды в Аахен. Лечение ему помогло, но, боясь возобновления болезни, Максим Андреевич не торопился возвращаться на родину, а отправился в Париж, где провел несколько лет, в том числе и «исторический 48-й год», как пишет Евграф Андреевич. В Париже пополнял свое медицинское образование, слушал лекции лучших профессоров.

Вернувшись на родину, он решил держать экзамен на степень доктора медицины и хирургии. Чтобы иметь достаточно времени для подготовки к экзамену и написания диссертации,

---

[82] *Благочинный* – в православной церкви административная должность священника, при назначении на которую он становится одним из помощников епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии, называемым благочинием.

Максим Андреевич не поступил на государственную службу, а принял предложение нескольких донских помещиков, в том числе генерала Отечественной войны 1812 года Иловайского[83], об устройстве в их имениях больниц и обучении для них фельдшеров. Устроив больницы, обучив фельдшеров и написав диссертацию, Максим Андреевич вернулся в Петербург, сдал экзамен, защитил диссертацию и получил искомую степень. Став профессором оперативной хирургии Петербургской медико-хирургической академии, он продолжил углублять и совершенствовать свои знания и с этой целью ездил в каникулярное время в Берлин, Вену, Лондон. Скончался он от удара шестьдесят одного года от роду. Максим Андреевич не был женат и завещал свои сбережения брату, для того чтобы все дети могли получить образование. Похоронен он на Волковом кладбище. В одной ограде с Максимом Андреевичем похоронен и Евграф Андреевич. В 1876 году он приехал из Павлова в Петербург показаться врачам, но здесь и умер.

[83] Под такой фамилией известен ряд генералов и полковников – участников войн с Наполеоном. См.: *Сапожников А. И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 280 и след.

Фото 1. Андрей Евграфович Фаворский

У Евграфа Андреевича было десять человек детей, из них предпоследним был мой отец. Старший сын – Андрей Евграфович – был на семнадцать лет старше Алексея Евграфовича (фото 1). В памятной книжке есть запись: «1843 года Декабря 10 дня в день моего Ангела, в час по полуночи родился первенец мой, нареченный в память незабвенного моего родителя Андреем». Окончив духовное училище, Андрей Евграфович поступил в Нижегородскую семинарию, но был исключен из богословского класса и стал гимназистом. По окончании гимназии поступил на юридический факультет Казанского университета, а потом перевелся в Петербургский университет тоже на юридический. Во время учения в Университете Андрей Евграфович жил на средства, которые посылал ему дядя, Максим Андреевич.

Фото 2. Антонин Евграфович Фаворский

Фото 3. Александр Евграфович Фаворский

Родившаяся после Андрея дочь Евпраксия умерла в младенчестве, после нее родилась дочь Енафа, а затем два сына: Антонин (фото 2) и Александр (фото 3). Енафа Евграфовна впоследствии вышла замуж за священника Александра Михайловича Прилежаева. Антонин Евграфович тоже вышел из духовного звания и был учителем в уездном училище в городе Сергаче. Александр Евграфович по окончании семинарии поступил в Медико-хирургическую академию, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов студентом пятого курса был послан на фронт и погиб там от тифа.

Родившегося после Александра сына родители назвали Аркадием, ребенок вскоре умер, а когда родился еще один сын, его опять назвали Аркадием. И этот Аркадий прожил немного более года. После этого родился еще один мальчик, опять был назван Аркадием и опять умер через полтора года. Когда после третьего Аркадия родился еще один сын, родители опять хотели назвать его Аркадием, но тут взмолился сын Александр: «Не называйте его Аркадием, а то он опять умрет!». Родители послушались и назвали мальчика Алексеем. Через три года после этого родилась последняя дочь – Елизавета.

Фото 4. Дом в Павлово

Несмотря на большую семью, Мария Григорьевна управлялась с хозяйством одна, только изредка на помощь приглашалась старуха-нянька Петровна. На более длительное время ее приглашали после рождения детей. Целый день топчется старушка по хозяйству, устанет, а вечером младшие ребята просят: «Няня, расскажи сказку». Рассказывает няня сказку, а у самой глаза слипаются, и вдруг вместо сказки раздается легкий храп. Только две сказки Петровны запомнил Алексей Евграфович – «Сказку про Фитюлюшку-батюшку» и про «Лукшу и Першу» – и потом изредка рассказывал их мне.

Дом, в котором родился и вырос мой отец (фото 4) – бревенчатый, темный, двухэтажный, самой простой постройки, стоял на высоком берегу Оки, на круче. От дома Евграфа Андреевича шла довольно крутая дорога вниз к мосту через речку Тарку. По этой дороге зимой ребятишки катались на санках и на самодельных лыжах, это называлось «кататься от попа Евграфа». Около дома был небольшой сад и огород с самыми простыми овощами. В саду рос огромный вяз, а под его тенью была устроена небольшая дерновая скамья.

Уклад домашней жизни в семье Евграфа Андреевича был установлен раз и навсегда: строгое соблюдение постов, строго определенное время для обеда и ужина, за которыми должна была собираться вся семья. Когда дети подрастали, они должны были посещать церковные службы, мальчики пели при этом на клиросе. Посты соблюдали не только взрослые, но и дети. Самый тяжелый был великий пост, продолжавшийся семь недель, он был и самый строгий: за все семь недель только дважды было «разрешение вина и елея» (то есть масла). Еду составляли хлеб, квас, капуста, огурцы – ни молочного, ни рыбного не давали. Еду наливали в большую чашку и все по очереди опускали в нее свои ложки. Первым начинал есть глава семьи, если кто-нибудь из детей нарушал порядок, отец ударял его ложкой по лбу. В скоромные дни варили щи или лапшу с мясом, перед началом обеда Евграф Андреевич вынимал мясо из чашки, крошил его и складывал обратно в чашку; во время еды он следил, чтобы всем доставалось поровну. Рыбу ели главным образом соленую, которую запасали осенью на всю зиму. В детстве все кажется вкусным неизбалованному ребенку. Алексей Евграфович любил вспоми-

нать, как вкусно они ели, какая была в те времена жирная говядина, какие вкусные соленые судаки, какая рассыпчатая гречневая каша…

Так как три мальчика, три Аркадия, родившиеся перед Алексеем Евграфовичем, умерли один за другим, то у отца в своей семье не было сверстника. Дружнее всего он был с братом Александром, хотя тот был на семь лет старше. Каждый раз Алексей с нетерпением ждал приезда братьев из Нижнего Новгорода на каникулы. Однажды зимой, заслышав скрип подъезжающих саней, на которых приехали братья, он так крепко прижался лбом к оконному стеклу, желая поскорее увидеть приехавших, что раздавил стекло и глубоко порезал себе лоб над самым глазом. Чтобы остановить кровь и дезинфицировать рану, ему засыпали ее толченым углем, благодаря чему у него навсегда остался синеватый рубец, пересекавший бровь. Вообще, домашние лекарства, применявшиеся тогда, были довольно своеобразны. Ребятишки летом бегали босиком, и вот однажды Алексей бежал по мосту через Тарку и наткнулся большим пальцем на острый сук, торчавший из доски. Недолго думая, он приладил на место отворотившийся лоскут кожи, замотал тряпочкой и побежал бегать и играть. Дня через два он почувствовал, что что-то щекочет ему палец под тряпкой. Когда он развязал ее, то увидел, что в ране ползают червячки. Он страшно испугался и побежал домой. Там ему промыли рану керосином, завязали чистой тряпкой, и все быстро прошло.

Ближе всех по возрасту к Алексею Евграфовичу была его младшая сестра, Елизавета Евграфовна, разница между ними была три года, но дружбы между ними не было. Отец предпочитал играть с мальчишками и лишь изредка снисходил до игры с сестрой и ее подругами, эти попытки общения обычно заканчивались для него плачевно. Так, например, однажды, в начале лета, отец предложил сестре съездить на лодке за Оку за щавелем и диким луком, в изобилии росшими на заливном берегу реки. Ему в это время было лет семь, сестре и ее подружке – года по четыре. Отыскав чей-то ботник (плоскодонную лодку), он усадил гостей и довольно успешно переправил их на ту сторону. Наевшись вдоволь щавеля и луку и набрав их про запас, путешественники отправились в обратный путь. За время довольно длительной стоянки старый ботник дал течь; несмотря на это, Алексей усадил девочек на скамейку и принялся храбро грести. Вода постепенно прибывала, пассажирки подняли крик и плач; когда ботник наконец причалил к берегу, все были по пояс мокрыми. Все в слезах, девочки побежали к матерям жаловаться, после чего отца постигла заслуженная кара. Обычно столь же печально кончались и другие попытки игры с сестрой: начав играть, отец очень скоро начинал ее тормошить, дразнить, она бежала к матери жаловаться, а та спешила его наказать, во-первых, как старшего, а во-вторых, потому, что младшая дочка была ее любимицей. Последнее, впрочем, вполне понятно: старшая дочь Енафа была уже замужем и жила в соседнем селе Копосове, и с матерью оставалась лишь младшая девочка, а ведь младших обычно больше балуют; к тому же считалось, что Елизавета Евграфовна похожа на мать (фото 5).

В те времена основным населением села Павлово были кустари, изготовлявшие всевозможные ножи и ножницы. Сами они жили очень бедно, так как сдавали свою продукцию за бесценок скупщикам. Среди их многочисленных босоногих ребятишек и нашел мой отец друзей детства. С одним из них, Михаилом Ляпуновым, он переписывался в течение всей своей жизни. Под его влиянием «Мишак Ляпунов» стал учиться, кончил учительскую семинарию и был сельским учителем. Своим детям он тоже дал образование, дочери его были учительницами, а сын – доцентом Педагогического института в Горьком, приезжал позже в Ленинград с целью поступления в аспирантуру в Академию педагогических наук.

Фото 5. Алексей и Елизавета Фаворские в детстве

Босоногая команда была настолько многочисленна, что оказалось возможным разбить ее на две армии, во главе которых находились два «императора», одним из них был Алексей. Вооруженные деревянными копьями и мечами и луками со стрелами, они устраивали настоящие сражения, объявляли войны, заключали мирные договоры. Во время перемирий они устраивали совместные набеги на чужие сады. В Павлове почти при каждом доме был хотя бы небольшой сад, но в своем саду родители не позволяли зря рвать вишни и яблоки, да, кроме того, известно, что запретный плод сладок. Такие экспедиции не всегда кончались благополучно: в богатых садах часто бывали караульщики, да и сами хозяева берегли свои сады. Дождавшись, чтобы все воришки перелезли через забор, хозяин, запасшись большим пучком

крапивы, принимался за охоту: поймав одного из них, он без церемоний спускал ему штаны, накладывал в них крапивы, застегивал их и отпускал, задав на прощание несколько увесистых шлепков. Однако такие неприятности не останавливали маленьких мародеров, их было много, всех не переловишь, а крупные черные горбатовские вишни сладкие, сочные яблоки так вкусны!

Но больше всего радости и развлечения доставляла летом река. Пока отец был маленький, ему разрешали купаться только в присутствии старших братьев. Но вот как-то за обедом родители узнали, что Алексей купался один. В ответ на грозные упреки, Алексей со слезами воскликнул: «Да ведь я умею плавать!» Все удивились, когда это он успел научиться, была составлена комиссия из старших братьев для проверки этого факта. Результаты проверки оказались благоприятными, на отца тогда махнули рукой, все равно его было не удержать, и он стал целыми днями пропадать на реке.

Весь берег Оки в Павлове был заставлен несколькими рядами плотов. Вот с этих-то плотов и происходило купанье, с них же удили рыбу. Сидит рыболов с удочкой, терпеливо следит за поплавком, а солнце печет, комары кусают голое тело. Нырнет тогда рыболов в реку, поплавает, сгонит всех комаров, выберется освеженный на плот – и опять за удочку. Впоследствии, когда отец вырос, укусы комаров на него совершенно не действовали, он объяснял это тем, что в детстве его так много кусали комары, что организм его выработал какое-то противоядие, и теперь ему никакой комар не страшен.

Как известно, рыба лучше всего клюет рано утром и на вечерней заре. Большой помехой вечернему уженью было обязательное посещение церковной службы, отец в этом отношении был неумолим – сыновья знали: как только раздадутся первые удары благовеста к вечерне, так сматывай удочки и беги в церковь. В один жаркий июльский вечер особенно хорошо клевали ерши. Но вот в тихом воздухе раздались первые удары колокола. Пора идти… «Подожду еще немножко, успею, уж очень хорошо клюет». В азарте удачной ловли Алексей не заметил, что колокол перестал звонить. Опоздал! Ну, теперь уж все равно наказания не избежать, торопиться некуда, можно еще поудить, и он удил до тех пор, пока совсем стемнело. Пробираясь в темноте по скользким бревнам плотов, он поскользнулся и упал в воду. Весь мокрый выбрался он на берег. Что теперь делать? Он не пришел в церковь, не пришел к ужину, весь вымок; в окнах темно, может быть уже легли спать и заперли дверь? Страшась наказания, голодный и мокрый, Алексей не решился идти домой, он прошел в сад, улегся на дерновую скамью, свернулся клубочком, чтобы немного согреться, и весь в слезах заснул.

Отец, конечно, заметил, что Алексея не было в церкви, сердитый пришел он домой, собирался как следует отчитать лентяя, но тот не явился и к ужину; стемнело, а его все нет и нет. Родители заволновались, послали к соседям узнать у ребят, где его последний раз видели. Узнав, что он удил на плотах, решили, что он упал в воду и утонул. Всю ночь не спали и плакали родные, а чуть свет решили собрать народ искать его тело, но вдруг смотрят – робко отворяется дверь и входит пропавший сын. «Алешенька!» – раздался общий радостный крик. Всеобщая радость была так велика, что Алексея так и не наказали.

Вообще же детей воспитывали строго, взыскивали за всякую вину. О больших провинностях докладывали отцу, и он чинил суд и расправу: или задавал виновному порку, или читал ему нравоучение. Алексей Евграфович всегда предпочитал первое. Когда же отец начинал его отчитывать, увещевать, простые прочувствованные слова хорошего, справедливого человека глубоко проникали в душу мальчика. Алексей очень любил отца, и сознание, что он огорчил его, было ему тяжело.

Но мальчишки есть мальчишки, что только не взбредет им в голову за длинный летний день, который они проводят без всякого надзора на улице или на реке. Одна из их проделок могла окончиться очень плохо, но, к счастью, не имела никаких последствий. Каждый год в конце августа в Павлово приходили баржи из Астрахани и других городов Нижнего Поволжья,

наполненные арбузами и дынями. Хоть они и были очень дешевы, детям редко удавалось ими лакомиться: матери были бережливы, и если покупали арбузы, то главным образом для того, чтобы солить их на зиму, а дыни вялили на солнце. Настал холерный год, бороться с этой болезнью по-настоящему еще не умели, но знали, что она передается через фрукты и всякую зелень. Власти распорядились запретить торговать с баржей арбузами; а баржи уже были нагружены и буксиры тащили их вверх по Волге и по Оке. Тогда вышло новое распоряжение: бросать весь груз арбузов и дынь в реку. Арбузы и дыни поплыли по рекам, некоторые прибивало течением к берегу, и они становились добычей мальчишек, но большая часть плыла по течению, и тут начиналась за ними охота.

Ребята уходили подальше от села, раздевались, входили в воду, подплывали к облюбованному арбузу или дыне и подталкивали их постепенно к берегу. В прибрежных кустах начинался пир; досыта наелись этим летом ребята запретными плодами, к счастью, это им благополучно сошло с рук.

Но не вечно лето. Наступает осень, дождь, грязь, сырость, босиком холодно, а до валенок еще далеко, кожаная обувь бережется для церкви. Приходится больше сидеть дома, придумывать себе занятия. Большим развлечением служили тогда Алексею Евграфовичу различные певчие птички, жившие у него в комнате. Тут были синички, снегири, зяблики, скворцы. Попадали они к нему различными путями: тут были выпавшие из гнезда птенчики, выросшие в доме и ставшие ручными, синичек он подкармливал, бросая разную еду через форточку на подоконник, они становились совсем ручными и сами залетали в дом через дверь или форточку. Для скворцов он уже ранней весной приделывал скворечники к старому вязу.

После смерти матери Марии Григорьевны, отец ее, Григорий Еремеевич Добронравов, поселился у дочери и прожил с ней и с зятем до самой смерти. У него был большой, толстый старый кот. Он был так стар и ленив, что совершенно не обращал внимания на птиц, свободно летавших по комнатам. По утрам, в солнечную погоду, кот любил лежать на полу, на который из окна светило солнце. Остальное время он проводил на печке. В феврале – марте больше бывает солнечных дней, и солнышко уже начинает пригревать. Раскинется кот, закроет глаза и нежится на солнце, а синичка тут как тут – дернет его за хвост и отлетит в сторону, а потом, расхрабрившись, сядет коту на спину, упрется ножками и давай таскать клочки шерсти из его широкой спины. Шерсть она таскала недаром: на большом фикусе она решила устроить себе гнездо. Любовь к птицам отец сохранил на всю жизнь, он хорошо их различал по голосу и по оперению, когда я была маленькой, у меня на окнах всегда стояли клетки с птицами, подаренные мне отцом.

Но и зимой не обходилось без шалостей и приключений. Старшая сестра отца, Енафа Евграфовна, была его крестной матерью. Она жила с мужем А. М. Прилежаевым в селе Колосове, в нескольких верстах от Павлова (фото 6). Отца как-то раз возили туда в гости, крестная ласково его принимала. И вот как-то зимой ему опять захотелось в Копосово, и так как никто их взрослых туда не собирался, он решил отправиться туда сам. Никому не сказавшись, после обеда он двинулся в путь. Он шел довольно долго, устал, стало темнеть; он сел отдохнуть в надежде, что кто-нибудь проедет мимо и подвезет его. Действительно, вскоре показалась лошадка с розвальнями, она тихонечко трусила рысцой, хозяин ее сидел закутавшись и дремал. Когда отец с криком «Дяденька, подвези!» бросился к саням, возница спросонья испугался, схватил кнут и давай настегивать лошадь, которая пустилась вскачь и вскоре исчезла из виду. Неудача совсем обескуражила отца; он устал, замерз, заливаясь слезами, уныло побрел дальше. Совсем стемнело, вспомнились волки, и стало страшно. Неизвестно чем бы кончилось его путешествие, если бы, к счастью, его не догнал А. М. Прилежаев, ездивший в Павлово и возвращавшийся домой. Он очень удивился и испугался, увидав Алешу: «Ты как сюда попал? Что здесь делаешь?» Алексей очень обрадовался неожиданной встрече, сразу повеселел и важно заявил: «Я к вам в гости иду». Александр Михайлович усадил гостя в сани, привез

в Копосово, отогрел, накормил и сейчас же повез его обратно, как ни хотелось отцу погостить подольше у крестной. Александр Михайлович легко себе представил тот переполох, который царил в доме у тестя, когда обнаружилась пропажа Алеши.

Фото 6. Енафа Евграфовна

Но вот незаметно промелькнуло счастливое детство, пора приниматься за учение. Самое начальное обучение происходило у Алексея своеобразно: его отдали учиться к «черничкам». Это были две сестры, пожилые девушки, ходившие всегда в черном, хорошо знавшие Священное Писание и церковнославянскую грамоту. За неимением в селе начальных школ родители, желавшие обучать своих детей грамоте, прибегали к помощи черничек. Каждое утро бежал Алеша на другой конец Павлова на уроки. Начали с букваря; каждая буква называлась по-славянски, а за ее названием следовало несколько слов, начинавшихся с этой же буквы. Все это нужно было учить наизусть. Вот начало этого букваря:

А – АЗ, ангел, ангельский, архангел, архангельский, апостол, апостольский;

Б – БУКИ, бог, божество, богородица;

В – ВЕДИ, Владыко, владычица.

И так далее все буквы алфавита. Каждое утро все ученики хором «повторяли зады», а потом учили кусочек нового. После букваря читали Псалтырь и другие священные книги.

Все старшие братья Алексея Евграфовича учились сначала в духовном училище, а потом в семинарии, условия жизни и обучения в этих учебных заведениях правдиво и красочно описал Н. Г. Помяловский в его «Очерках бурсы». Братья Алексея Евграфовича испытали все прелести жизни «бурсаков», только последние годы, в старших классах, они жили на вольной квартире.

В 1867 году, как было сказано выше, умер Максим Андреевич Фаворский, и оставшиеся после него деньги решено было употребить на обучение двух младших детей – Алексея и Елизаветы – в гимназии. С семи до восьми лет Алексей обучался у черничек, а после них у дьячка Троицкого собора, который обучал его русской грамоте. Десяти лет его отвезли в Нижний и определили в приготовительный класс Нижегородской гимназии. Жить он стал с братьями в маленькой комнатке, которую они снимали у хозяйки. Антон кончал в то время учительскую семинарию, а Александр учился в последнем классе духовной семинарии. Братья хозяйничали сами: рано утром до занятий ходили на базар, варили щи и кашу. Главным поваром был Александр, отец был у него подручным. Какой вкусной казалась приготовленная собственноручно еда! Алексей Евграфович любил вспоминать, какую хорошую жирную говядину они покупали, какие наваристые были щи.

Что же касается преподавания, то в младших классах Нижегородской гимназии оно было поставлено достаточно плохо. Так, например, на уроках естественной истории учитель диктовал новый материал, который потом заучивали ученики. На уроках чистописания гимназистам давали списывать прописи, среди которых была, между прочим, такая фраза: «Талант питается хвалою». Учитель не потрудился объяснить малышам, что такое талант и как он может питаться хвалою. Алексей решил, что тут что-то напутано и написал: «Талант питается травою». На преподавание языков и математики обращали мало внимания. По немецкому языку он запомнил одно лишь стихотворение, которое учил в первом классе. Впоследствии он мог читать только научную литературу, и ту недостаточно свободно. Большего всего времени отводилось на преподавание латинского и – в старших классах – греческого языка.

Преподавание истории, географии, по-видимому, было неплохим. Отец на всю жизнь сохранил любовь к этим наукам, полученные им в гимназии знания прочно засели в его памяти. Из различных эпох истории больше всего времени отводилось на изучение древней истории, главным образом Греции и Рима, и русской истории. Когда я приступила к изучению истории Греции, отец подошел однажды к стоявшей в моей классной комнате черной доске, взял мел и с одного приема вычертил очертания Греции. В гимназии умение чертить карты Греции в целом и отдельных греческих государств, так же как и карту Рима, было обязательным. Алексей любил читать исторические романы, особенно Вальтера Скотта, жизнеописания великих

людей древности Плутарха. Любимые книги перечитывал по много раз и некоторые знал почти наизусть. В течение нескольких лет он выписывал журнал «Исторический вестник».

Географические названия сохранились у него в памяти до глубокой старости. Когда я начала изучать географию в гимназии, мы с ним часто проверяли друг друга: то начнем перечислять правые и левые притоки Волги, то острова в Средиземном море или в Тихом океане, вершины различных горных хребтов, и все он помнил и знал гораздо лучше меня. С древними языками был не в ладу; правда, ни разу не оставался из-за них на второй год, всегда подтягивался к экзаменам, не желая огорчать отца, но в памяти у него эти языки не оставляли следа, кроме некоторых общеизвестных латинских изречений. Евграф Андреевич умер, когда отцу было шестнадцать лет; на следующий год, в седьмом классе, он еще больше пренебрегал древними языками, учитель заявил, что он его обязательно оставит на второй год. Но тут, к счастью для Алексея, старший брат его Андрей был сослан в Вологду за участие в деятельности группы лиц, старавшихся улучшить жизнь павловских кустарей[84] организацией артели. Это должно было освободить их от тяжелой зависимости от скупщиков. История этого начинания описана В. Г. Короленко в «Павловских очерках». Алексей перевелся в Вологодскую гимназию и на следующий год благополучно ее окончил.

Лет через двадцать после этого он приехал в Нижний Новгород и встретил там упомянутого учителя латинского языка. Тот его узнал и снисходительно поздоровался с ним. «А, Фаворский, помню, помню, ты был старательным учеником, но способностей у тебя не было. Чем ты сейчас занимаешься?» – «Я сейчас живу в Петербурге, состою профессором Университета». – «Да?!» – глаза у учителя стали круглыми от удивления, и он ничего не мог больше сказать. Зато потом, как узнал отец, он всем своим знакомым рассказывал, что вот, мол, какой я учитель, мой ученик – профессор Университета.

После привольной жизни дома трудно было привыкать к суровой гимназической дисциплине – понятно, с каким нетерпением ожидалось наступление рождественских и летних каникул. От Павлово до Нижнего всего сто верст, но, кроме как на лошадях, других способов передвижения не было. Родители договаривались с кем-нибудь из павловских крестьян: нагрузив на розвальни тулупы и валенки, запрягали в розвальни лошадку, и путешествие начиналось.

Надевши валенки и закутавшись в тулупы, отправлялись братья в родное Павлово. Выезжали утром, к вечеру проезжали полпути и останавливались на ночлег на постоялом дворе. Проехать пятьдесят верст без остановки не шутка, не спасали и тулупы – мороз пробирал путешественников до костей. Но возница их, человек бывалый, чуть заметит, что кто-нибудь начинает замерзать, живо столкнет его с саней и начнет погонять лошадь. Хочешь не хочешь – беги, догоняй. Бежит мальчик, тулуп тяжелый, бежать трудно, пока догонит, даже пот прошибет. На постоялом дворе напьются горячего чаю, закусят присланными из дома припасами и улягутся спать на печи или на полатях. Изба полна народа, по дороге из Нижнего в Павлово и обратно всю зиму идут обозы с разными товарами, и постоялый двор, где останавливались мальчики, служил ночлегом и для извозчиков. Прежде чем заснуть, отец любил наблюдать, лежа на печи, как закусывают извозчики. Один ведерный самовар выпьют, другой требуют, а напившись чаю, начинают ужинать. В избе жарко, лица у всех красные, так и лоснятся. Затем укладываются спать на полу и на лавках. Ночью в избе такой воздух, что «хоть топор вешай», говорил отец. Утром, чуть свет, отправляются в дальнейший путь, не терпится скорее попасть домой.

Две недели промелькнут незаметно, пора собираться тем же порядком в обратный путь. Летние каникулы продолжались около двух месяцев. Когда Алексей стал постарше, он не сидел все лето в Павлове, а побывал во многих окрестных селах, в которых жили многочисленные родственники, бродил там по лугам и лесам, ловил рыбу и охотился. Среди родных было много

[84] *Кустарь* – тот, кто занимается штучным или мелкосерийным производством на дому или в небольших мастерских, ремесленник.

охотников, и еще мальчиком пристрастился он к охоте. Увлечение это сопровождало его до глубокой старости. Сначала он присутствовал на охоте старших в качестве зрителя или в лучшем случае заменял охотничью собаку, вытаскивая из камышей упавшую туда утку. Позднее он уже сам бродил с ружьем и собакой по просторам нижегородских лесов. Один из его родственников состоял лесничим в громадном казенном лесу, простиравшемся на многие десятки верст. Это лес Алексей посещал особенно охотно.

Дом, в котором жил лесничий, стоял в самой глубине леса, во все четыре стороны ближе сорока верст не было никакого жилья. Отец так часто рассказывал мне про него, что я до сих пор живо представляю себе этот небольшой домик, расположенный на зеленой полянке, со всех сторон окруженный лесными великанами. В домике так уютно, лесничий и его жена такие радушные, гостеприимные, так рады гостю. На столе сейчас же появляются соленые грибки, хлеб с маслом, молоко, душистый липовый мед в сотах, чудесная круглая лесная земляника, поет свою песню пузатый самовар. Как сладко спалось на сеновале, на свежем, душистом сене! А как много там было птиц! Певчие птички распевали с раннего утра до позднего вечера, когда со всех сторон слышалось пение соловьев; были там и совы, и филины, различные ястребы и коршуны парили над лесом, высматривая добычу. А сколько там было дичи пернистой и четвероногой! На охоту обыкновенно уходили не на один день, ночевали у костра; эти ночевки в лесу доставляли отцу не меньше радости, чем сама охота. Многому научился он, бродя по лесам со старым охотником: голосам и повадкам лесных обитателей, умению разжигать костер и безошибочно находить дорогу. Леса здесь главным образом лиственные, ель и сосна встречаются редко. Но вскоре, навещая брата, Алексей хорошо познакомился и с вологодскими хвойными лесами. Здесь тоже сошелся со многими охотниками и вместе с ними не раз охотился.

Приехав на жилье в Вологду, брат Андрей поселился в доме Дубровиных, туда-то к нему и приехал отец вместе с младшей сестрой, Елизаветой, которая теперь перевелась в вологодскую гимназию.

Фото 7. Наталья Павловна Дубровина

Дом стоял на набережной реки, а напротив, на другом берегу, возвышался старинный Духов монастырь. Хотя Вологда и была губернским городом, но представляла собой небольшой, довольно захолустный городок. На письмах, которые писались обитателям дома Дубровиных, стоял такой адрес: «Вологда, дом Дубровиных, против Духова монастыря» – и все, этого было достаточно. В этом доме Алексей познакомился со своей будущей женой, моей матерью, Натальей Павловной Дубровиной (фото 7). Отец моей матери, Павел Константинович Дубровин[85], вырос в имении, расположенном недалеко от Вологды, под неусыпным надзором матери. Он очень рано лишился отца, кроме него, детей у его матери больше не было, она постоянно дрожала за его здоровье и вырастила его изнеженным, неприспособленным к жизни. Сама она

[85] *Дубровин П. К.* – в 1870–1887 гг. губернский гласный Сольвычегодского уезда, член Сольвычегодского уездного училищного совета от земства, член вологодской городской управы, мещанский староста вологодской мещанской управы, член вологодского сиротского суда.

была очень властная натура и, возможно, подавляла его индивидуальность. Она была неграмотна я, но обладала большим природным умом и большой житейской мудростью, впоследствии в семье сына она была главой дома и царила в нем как полновластная хозяйка. Кроме сына и невестки, все звали ее «бабинькой», я ее только под этим именем и знала, помню, что звали ее Елизаветой, а отчество ее забыла, я ее никогда не видала, но так много о ней слышала, что ясно себе ее представляю.

Павел Константинович женился на Олимпиаде Семеновне Паршаковой. «Бабинька» купила в Вологде дом напротив Духова монастыря и поселила в нем молодых. Павел Константинович стал работать в городской управе. У бабушки моей было восемь человек детей: старший сын, Константин Павлович, был талантливым художником, другом известного художника Константина Коровина[86]. Он рано начал пить и умер довольно молодым. За ним следовала моя мать, потом дочь Ольга Павловна, которая потом вышла замуж за ветеринарного врача А. П. Крашенинникова. Следующей дочерью была Мария Павловна, она кончила бухгалтерские курсы. Замужем не была, и жила у нас с 1900 года до конца жизни. После нее родился сын Семен Павлович, врач, специалист по кожным болезням. Затем было две дочери – Елизавета Павловна и Александра Павловна, обе вышли замуж за ветеринарных врачей: А. А. Лебедева и В.П.Аляпринского. Самым последним был сын Николай, который умер еще маленьким.

Пожив некоторое время с сыном и невесткой, «бабинька» уехала обратно в имение. Когда дети немного подросли, мою мать и ее сестру Ольгу отправили жить в имение к «бабиньке», потом туда же отправили и Марию Павловну. Они прожили там несколько лет, пока не пришло время матери поступать в гимназию. Вместе с ними переехала в город и «бабинька». Скучая по любимому сыну и любимому внуку, «бабинька» решила постоянно жить в Вологде, поэтому она продала имение и переехала в город. Продав имение, она допустила большую ошибку. Для того чтобы быть гласным городской управы, нужно было иметь определенный имущественный ценз. Когда «бабинька» продала имение, дед лишился возможности работать в городской управе, где он общался с развитыми, культурными людьми, и принужден был перейти работать в уездную управу, где попал в плохую компанию малокультурных людей и вместе с ними начал пить.

[86] *Коровин К. А.* (1861–1939) – живописец, театральный художник, педагог и писатель.

Фото 8. Алексей Евграфович Фаворский

Дом бабинькин был бревенчатый, двухэтажный, простой постройки, около дома был двор и небольшой сад. Во дворе была баня. Второй этаж сдавали жильцам, в нижнем жили сами. Мать моя родилась 24 августа (6 сентября) 1863 года, была на три года моложе отца. Но в женских гимназиях было тогда семь классов, поэтому она окончила гимназию через два года после того, как окончил гимназию отец. Окончила она ее отлично, с золотой медалью, такая медаль присуждалась каждый год только одна. Несмотря на то что преподавание иностранных языков в казенных гимназиях обычно было плохо поставлено, Наталья Павловна хорошо знала французский язык, не только свободно читала, но и говорила по-французски.

Алексей Евграфович по окончании гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета (фото 8). Как уже говорилось, во время пребывания в гимназии отец жил и учился на средства, оставленные ему дядей. Когда он окончил гимназию, он отказался от своей доли оставшихся денег в пользу сестры, отдал их «на приданое Елизавете», как говорил он мне. Будучи студентом, он существовал на небольшие суммы денег, которые присылали ему Андрей Евграфович и Енафа Евграфовна, его крестная.

Судя по расписанию, занятий у Алексея Евграфовича было немного, посещение лекций было необязательно, лабораторных занятий было на первых курсах совсем немного. Немуд-

рено, что живого, увлекающегося юношу после захолустной Вологды захватила, закружила свободная студенческая жизнь в столице. Скоро появились товарищи и, как тогда говорили, товарки: курсистки, слушательницы медицинских и бестужевских курсов. В гимназии у него близких друзей почти не было, ближе всего он был с Григорием Хрисанфовичем Херсонским, который впоследствии был в Москве директором гимназии[87] (фото 9). С ним он всю жизнь поддерживал отношения, они и переписывались, и лично встречались в Москве или в Петербурге. В Университете у отца было больше товарищей: Вячеслав Евгеньевич Тищенко[88], Сергей Сильвестрович Колотов[89], преподававший потом химию в офицерских минных классах в Кронштадте, Владимир Робертович Тизенгольд, доцент Технологического института, Семен Петрович Вуколов[90], профессор этого же института, Федор Яковлевич Капустин[91], профессор физики на Высших женских курсах, Александр Маркелович Жданов[92], профессор астрономии в Университете.

В 1879 году отец увлекся бильярдом и на втором курсе проводил за игрой много времени. Позднее он к нему охладел и предпочел отдавать свободное время театру, русской и итальянской опере. Посещение театров было уже более дорогим удовольствием, но Алексею удалось достать абонемент в итальянскую оперу на галерку около самой сцены. С этого места ему ничего не было видно, иногда только какая-нибудь балерина, выскочившая к самой рампе, попадала в его поле зрения. Несмотря на это, отец не пропускал ни одного спектакля, сам он обладал очень хорошим баритоном и хорошим слухом и с увлечением повторял дома любимые арии. Из русских певцов он особенно любил Мельникова[93], когда он позднее слушал Шаляпина[94], то говорил, что Мельников все-таки был лучше. Любимыми его операми были «Руслан и Людмила», охотнее всего он сам исполнял арию Руслана «О поле, поле» и Фарлафа «Близок уж час торжества моего». Любил он также «Русалку», ария мельника тоже часто им исполнялась. Охотно пел он также арию деда Мороза из «Снегурочки» и арию Мефистофеля из «Фауста». Пел он и разные романсы, одним из любимых его романсов был «Хотел бы в единое слово».

---

[87] *Херсонский Г. Х.* (1859–1927) – математик, директор 7-й мужской гимназии в Москве, затем профессор математики в ряде высших учебных заведений.

[88] *Тищенко В. Е.* (1861–1941) – химик-органик, академик, профессор Петербургского университета.

[89] *Колотов* С. С. (1859–1916) – химик, выпускник Петербургского университета, служил в Минных офицерских классах в Кронштадте и в Петербургском университете.

[90] *Вуколов* С. *П.* (1863–1940) – химик, эксперт в области взрывчатых веществ, работал в ГИПХе, Военно-морской академии, преподавал в Ленинградском университете, Технологическом институте.

[91] *Капустин Ф. Я.* (1856–1936) – профессор, преподавал физику на ВЖК, автор учебных пособий.

[92] *Жданов А. М.* (1858–1914) – российский астроном, геодезист, профессор.

[93] *Мельников И. А.* (1832–1906) – русский певец (баритон), солист и режиссер Мариинского театра.

[94] *Шаляпин Ф. И.* (1873–1938) – русский певец (бас).

Фото 9. Алексей Евграфович Фаворский, Григорий Хрисанфович Херсонский, Д. И. Жбанков

Ни самого Алексея Евграфовича, ни его друзей не удовлетворяла та жизнь, которую они вели. На большинство лекций можно было не ходить, лабораторных занятий было мало, а учить к экзаменам большое число различных предметов при краткости и сухости тогдашних учебников тоже было неинтересно. Алексей переходил с курса на курс, ни на одном не задерживался, но такое учение большого удовольствия не приносило, и на него временами находили скука и хандра.

Когда отец был на третьем курсе, в Петербург приехала Наталья Павловна Дубровина и поступила учиться на Женские врачебные курсы. С ней приехала и Елизавета Евграфовна, которая поступила на Высшие женские курсы. Последняя недолго на них проучилась, она вышла замуж за только что окончившего врача Пантелеева и поехала с ним к месту его работы в земскую больницу. Поехали они зимой, в сильный мороз. Дорогой, после длительной езды на лошадях, они легли спать в жарко натопленных комнатах и угорели. Елизавету удалось спа-

сти, а ее муж умер. Через несколько лет она вышла замуж за товарища Алексея – Вячеслава Тищенко, который давно ее любил. Наталья Павловна окончила Женские курсы и получила диплом женщины-врача.

В 1881 году, будучи на четвертом курсе, Алексей попал в лабораторию А. М. Бутлерова[95] (фото 10). Из всех наук, которые он изучал в Университете, органическая химия привлекала его больше всего. Но в то время лаборатории были маленькие, они все помещались в главном здании Университета, и из оканчивающих студентов Бутлеров мог взять к себе в этом году только пять человек. Так как желающих попасть в эту лабораторию было больше, чем имелось свободных мест, была организована запись. Алексей успел записаться только седьмым. Не имея уже надежды попасть к Бутлерову, он устроился в лабораторию профессора Овсянникова[96], который читал в Университете анатомию и гистологию. Отцу была поручена работа по отысканию нервных окончаний в легких лягушек. Но ему не суждено было стать гистологом. Один из попавших к Бутлерову студентов должен был уйти из лаборатории, так как оказался недостаточно подготовленным для работы в ней. Следующий за ним кандидат, не попав к Бутлерову, устроился к почвоведу Докучаеву[97], был доволен своей работой и отказался переходить. Таким образом, очередь дошла до Алексея, и он с радостью бросил своих лягушек и стал работать в области той науки, которая его интересовала. Забыты были скука и хандра, среди игроков на бильярде не было видно больше Алексея Евграфовича, всю свою энергию и настойчивость он отдавал работе. Велика должна была быть любовь к своей науке, терпение, настойчивость и вера в свои силы, чтобы не бросить, не отчаяться, терпя неудачи в работе в течение первых трех лет.

[95] *Бутлеров А. М.* (1828–1886) – химик-органик, создатель теории химического строения, академик Петербургской АН.

[96] *Овсянников* Ф. *В.* (1827–1906) – физиолог, профессор Санкт-Петербургского университета, академик Петербургской АН.

[97] *Докучаев В. В.* (1846–1903) – русский геолог, минералог.

Фото 10. Алексей Михайлович Бутлеров

Бутлеров в то время, когда Алексей попал в его лабораторию, уже сравнительно мало там работал, а в 1886 году[98] совсем ушел из Университета. Бывая в лаборатории, он сам работал за своим рабочим столом, стоявшим в той же комнате, где работали и студенты.

Наблюдение за работой такого искусного экспериментатора, каким был Бутлеров, было, конечно, чрезвычайно полезно для начинающих химиков. К сожалению, тема, предложенная Алексею Бутлеровым, хотя и была очень интересна по замыслу, оказалась невыполнимой в то время, в тех лабораторных условиях и при существовавшем тогда оборудовании. Три года бился Алексей, стараясь получить желаемые вещества, но в результате получал лишь какие-то крохи. Помощник Бутлерова, ассистент Михаил Дмитриевич Львов[99], предложил Алексею несколько изменить предмет его исследования, получить вместо одного ацетиленового углеводорода другой такого же типа. Тут все сразу изменилось, полученные результаты послужили

[98] В 1885 г. А. М. Бутлеров отчислен из штатных профессоров с оставлением при Университете.

[99] *Львов М. Д.* (1848–1891) – химик-органик.

основой для его магистерской диссертации. В 1884 году результаты эти доложены на заседании Физико-химического общества и принесли ему известность не только в России, но и за границей.

В 1882 году Алексей Евграфович окончил Университет и занял место лаборанта-химика в Первом реальном училище[100]. В реальных училищах в то время древние языки не изучались, программы по математике и естественным наукам были значительно шире, чем в гимназиях, а преподавание химии не ограничивалось меловой химией, но сопровождалось практическими занятиями. Вот этими-то занятиями и должен был руководить Алексей. Молодые преподаватели, влюбленные в свою науку, обычно увлекают своих учеников. Так случилось и с Алексеем: по окончании обязательного практикума он прочел по просьбе своих учеников краткий курс органической химии, а один из них, Василий Яковлевич Бурдаков, занялся изготовлением органических препаратов и между прочим получил изопропилацетилен, нужный Алексею для его научной работы. Этот первый ученик Алексея Евграфовича был впоследствии профессором химии Днепропетровского горного института.

Все время, свободное от занятий в реальном училище, отец по-прежнему отдавал своей научной работе. В 1885 году[101] он получил место лаборанта (по-нынешнему – ассистента) в Университете на кафедре аналитической и технической химии, которой в то время заведовал Дмитрий Петрович Коновалов[102]. Вместе с местом он получил и казенную квартиру в Университете в небольшом трехэтажном доме, который стоит во дворе Университета и в настоящее время. До этого Алексей Евграфович снимал комнату у хозяек. Одно время он снимал комнату в немецкой семье. Он часто рассказывал потом про уклад жизни в этой семье, столь непохожей на жизнь русских семейств.

Став ассистентом и руководя занятиями студентов в лабораториях качественного и количественного анализа, отец по-прежнему все остальное время отдавал своей научной работе. Интересная область, в которой он работал, его экспериментальное мастерство, педагогический талант и творческий энтузиазм привлекали студентов, и у него сразу же появились ученики: Константин Ипполитович Дебу[103], Константин Адамович Красуский[104] и многие другие. Глядя на то, с каким воодушевлением работали его ученики, старшие товарищи говорили ему: «У вас будет много учеников». Действительно, Алексей Евграфович явился создателем одной из крупнейшей школы химиков-органиков. За своей научной работой и будучи студентом, отец постоянно напевал свои любимые арии. Он не знал нот и не играл ни на одном инструменте, но благодаря прекрасному слуху пел всегда совершенно верно.

Голос его к этому времени значительно окреп и превратился в очень приятный баритон, пел отец всегда очень выразительно. Слышавший его пение немного подвыпивший антрепренер какого-то опереточного театра настолько пленился его голосом, что не на шутку стал уговаривать его бросить все и переходить в его театр, обещая большой гонорар. «Да чем же ты занимаешься?» – воскликнул он, когда отец отклонил его блестящее предложение. «Ацетиленовыми углеводородами», – отвечал Алексей. «Ну, и дурак же ты, братец!» – с огорчением воскликнул антрепренер и махнул рукой на молодого человека, не понимающего своей выгоды и отказавшегося от блистательной будущности.

---

[100] Официально – с 22 апреля 1883 г.

[101] Официально – с 1 июля 1886 г.

[102] *Коновалов Д. П.* (1856–1929) – химик, государственный деятель, академик АН СССР с 1923 года. Согласно тексту книги Т. А. Фаворской, А. Е. Фаворского пригласил другой профессор кафедры химии – А. Н. Меншуткин (*Фаворская Т. А.* Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). Л., 1980. С. 24).

[103] *Дебу К. И.* (1865–1941) – сын петрашевца И. М. Дебу, химик-органик, профессор ВЖК, Петербургского университета, Сельскохозяйственного института.

[104] *Красуский К. А.* (1867–1937) – химик, чл. – кор. АН СССР, приват-доцент Петербургского университета, профессор Харьковского университета, Азербайджанского политехнического института.

В 1887 году, 28 августа (старого стиля), отец женился на Н. П. Дубровиной, которая к тому времени окончила Женские врачебные курсы. Знакомы они были уже давно, с 1877 года. О своем романе с матерью отец мне никогда ничего не рассказывал, но по некоторым письмам, адресованным ей, которые хранились у отца и которые, возможно, и не были вручены матери, можно думать, что роман этот был длительным и не таким простым. Обаятельные внешние и внутренние качества отца привлекали к нему сердца многих девушек. Но в конце концов Алексей Евграфович и Наталья Павловна «почувствовали, что они друг без друга жить не могут», как сказала мне однажды мать, и решили пожениться. Свадьба состоялась в Вологде, приехавший на свадьбу старший брат матери, художник Константин Павлович, нарисовал красивое меню свадебного пира, меню это сохранилось до сих пор.

Родители мои прожили вместе двадцать один год. 23 августа 1908 года мать моя умерла от туберкулеза легких, которым она болела более пятнадцати лет. Что послужило причиной ее болезни, трудно сказать: плохие условия жизни в родительском доме и во время учения на курсах или тяжелое горе, выпавшее не ее долю. В июне 1888 года у них родился сын Евграф. Отец и оба его брата так любили своего отца, Евграфа Андреевича, что все трое называли в его честь своих первенцев. Из этих троих выжил только Евграф Антонинович, он дожил до преклонного возраста, работал в Москве на заводе «Красный пролетарий» в должности инженера. У Андрея Евграфовича Евграф умер еще совсем маленьким.

Мой брат Гранюшка, как его звали родители, умер, когда ему был один год и десять месяцев. Это был необыкновенно развитый для своего возраста мальчик. В этом возрасте он уже говорил, знал даже небольшие стишки. Веселый и ласковый, он целый день бегал по комнатам. Утром, как только услышит, что родители проснулись, он хватал со стола утреннюю газету, а со стула – юбку матери, выставленную для чистки, и вбегал в спальню, говоря: «Маме – юбки, папе – газету!» Нечего и говорить, что родители в нем души не чаяли. 19 апреля 1890 года он гулял с матерью вечером перед сном. Мать много рассказывала мне, как они гуляли и как Граня поднял голову, посмотрел на небо и сказал: «А мамы там нет!» На следующий день он заболел молниеносной формой скарлатины, его тотчас же увезли в больницу, так как мать через две недели ожидала рождения второго ребенка.

1.2. Мое детство. Главный человек – отец! Впервые в Европу… Наша жизнь в Петербурге и на отдыхе. Наши гости: родные и знакомые

Болезнь сына так потрясла Наталью Павловну, что роды начались у нее преждевременно, и уже 21 апреля (4 мая) она родила дочь, которую назвали Татьяной. Так как я родилась раньше времени, то была маленькая и худенькая, весила всего лишь два кило. На следующий день, 22 апреля, Гранюшка умер. Его похоронили на Волховом кладбище рядом с Евграфом и Максимом Андреевичами. О горе моих родителей не приходится и говорить, но жизнь не дает спокойно предаваться горю: нужно было работать, нужно было кончать диссертацию, а матери нужно было заботиться о новорожденной дочке. Молока у нее не было, пришлось взять кормилицу. Крестными моими были Вячеслав Евгеньевич Тищенко и Ольга Владимировна Фаворская, жена Андрея Евграфовича; они поженились в 1883 году и жили в Москве, где Андрей Евграфович работал помощником присяжного поверенного[105].

Ольга Владимировна была дочерью художника Владимира Осиповича Шервуда, художественные способности передались от него детям: Ольга Владимировна хорошо рисовала, а сын его, Леонид Владимирович, был известным скульптором[106] (фото 11). После умершего маленького Евграфа у Андрея Евграфовича и Ольги Владимировны родилось еще двое сыновей: Владимир Андреевич[107], известный художник-гравер, и Максим Андреевич, ветеринарный врач. В год моего рождения Андрей Евграфович и Ольга Владимировна проводили лето с детьми в Пушкино под Москвой. Они пригласили моих родителей провести лето вместе с ними. Когда я подросла, я очень полюбила свою крестную. Ольга Владимировна по характеру несколько похожа на мою мать: добрая, мягкая, она была совсем непрактичная, то, что называют «не от мира сего». Говоря о них обеих, отец и Андрей Евграфович называли их почему-то странным названием «наши небесные курицы».

---

[105] *Присяжный поверенный* – адвокат в Российской империи при окружном суде или судебной палате. Звание существовало в период с 1864 по 1917 гг.

[106] *Шервуд Л. В.* (1871–1954) – советский скульптор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Был в числе первых скульпторов, осуществлявших ленинский план «монументальной пропаганды».

[107] *Фаворский В. А.* (1886–1964) – график, мастер портрета, книжной графики, искусствовед, сценограф, живописец-монументалист, педагог и теоретик изобразительного искусства, академик Академии художеств, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.

Фото 11. Ольга Владимировна Фаворская

Зима 189091 года была опять тяжелой для моих родителей: вследствие неправильной беременности мать должна была лечь в клинику Военно-медицинской академии, где ей делали серьезную операцию, после которой она очень плохо поправлялась. У нас в это время жила сестра моей матери, Мария Павловна, которая училась в Петербурге на бухгалтерских курсах. Весной отец снял дачу на берегу Волхова в районе Новой Ладоги. Мать перевезли туда, врачи рекомендовали ей солнечные ванны. Лето в тот год было исключительно жаркое, матери устроили на балконе солярий, и она за лето значительно окрепла, но, к большому огорчению и ее и отца, врачи объявили, что детей у них больше не будет. Таким образом, я росла единственным ребенком. Отец в это время с головой ушел в работу. Потеря любимого сына, болезнь жены сделали его более суровым и замкнутым. Магистерская диссертация на тему «По вопросу о механизме изомеризации в рядах непредельных углеводородов» была готова, и 15 (28) сен-

тября 1891 года состоялась ее защита. Таким образом, Алексей Евграфович был вознагражден за свою настойчивость и терпение, он сразу выдвинулся из рядов своих товарищей, далеко опередив их.

Итак, с работой (и с научной, и с педагогической) все обстояло хорошо. Дома же не все было благополучно: Наталья Павловна чувствовала себя неважно, а я умудрилась где-то подцепить брюшной тиф. В то время никаких лекарств против этой болезни не существовало, приходилось терпеливо ждать, когда недуг кончится сам собой. Наталья Павловна, сама врач, следила за ходом болезни и позднее говорила мне, что у меня был классический брюшной тиф, протекавший точно по учебнику. Лечил меня и наблюдал за здоровьем матери старик-англичанин – доктор Дункан. Он был высокообразованный человек, очень интересовался химией и подолгу беседовал с Алексеем Евграфовичем о его работах. Раза два он приносил в подарок отцу бутылку старого английского портвейна.

Расходы в связи с болезнью жены и ребенка были большие, а лаборантское жалование было очень маленькое, поэтому и сам Алексей Евграфович, и многие его товарищи подрабатывали, делали различные анализы, используя для этого летние каникулы. Каникулы в Университете в то время продолжались три месяца – с июня по сентябрь, один месяц посвящали анализам, а два отдыхали. Дачи для семьи обычно снимали недалеко от города, и часть отдыха посвящали поездкам в город для работы. В 1892 году дача была снята неудачно. Ездить искать было некому, Алексей Евграфович снял ее по совету знакомых, которые прельстили его хорошей охотой. Когда же мы приехали на дачу, то оказалось, как говорил отец, что там все болото, болото, посреди болота плешь, и на этой плеши стоит наша дача. Лето было неважное, единственным развлечением отца были хождения за грибами с Марией Павловной. Возвращались они из этих походов мокрые до колен. К завершению удовольствия, в болотах водилось много змей. Однажды я играла на крыльце, няня стояла на улице, а взглянув на меня, она испустила дикий крик: на крыльцо не спеша вползала гадюка. Отец, бывший поблизости, вовремя подоспел с большой палкой и убил змею. Убитую змею он зарыл в большой муравейник и некоторое время спустя вытащил оттуда отличный скелет гадюки.

Вскоре после моего рождения отец получил новую квартиру на первом этаже главного здания Университета, в той половине его, которая обращена к Биржевой линии. Здания Физического института в то время еще не было, и днем в окна, выходившие в коридор, светило солнце. К одному из окон, выходивших в сад, из комнаты и из сада были приставлены низкие лесенки и, таким образом, из квартир можно было попадать прямо в сад. В это время получил там же квартиру и В. Е. Тищенко. Здоровье матери все не налаживалось: слабость после операции давно прошла, но зато появился кашель, и она стала временами температурить. Вот с этого времени постоянным помощником Натальи Павловны стал Петр Малафеев (лабораторный служитель Алексея Евграфовича). В химических лабораториях в то время не было уборщиц и вообще никакого женского обслуживающего персонала. Уборку лабораторий и всякую подсобную работу выполняли мужчины, которые назывались лабораторными служителями. Холостые служители или те, у которых семьи жили в деревне, жили в общежитии во дворе Университета (здание рядом с Физическим институтом). Большинство из них работало в лабораториях до самой старости. Хотя казенное жалование было невелико, многие из них прирабатывали, оказывая различные услуги профессорам и ассистентам.

Петр Малафеев каждое утро приносил свежие булки и хлеб к утреннему чаю. Алексей Евграфович обычно пил чай с московским калачом, утром завтрака горячего у нас не полагалось, а только пили чай или молоко с булками и маслом. Рано утром почтальон приносил всегда свежую газету, которую Алексей Евграфович читал за чаем. По своему здоровью матери трудно было ходить за покупками, и поэтому целый ряд закупок по ее поручениям делал Петр. Помню, как я примеряла черные башмачки на пуговицах, которые купил Петр; когда я начала кататься на лыжах, он же покупал мне валенки. Весной при переезде на дачу он нанимал извоз-

чиков и перевозил вещи. Телефонов тогда не было, и за врачами ездил тоже Петр. Летом он присматривал за ремонтом квартиры и тому подобное. Петр Малафеев был небольшого роста, коренастый, с рыжими волосами и бородой. До поступления в лабораторию он отбывал воинскую повинность и ушел в запас бравым фельдфебелем. Когда отец возвращался с охоты, Петр чистил и смазывал его ружье, а когда зимой Алексей Евграфович привозил с охоты зайцев, Петр обдирал их, за что получал шкурку и переднюю часть зайца. За все эти услуги Петр получал ежемесячную плату. Петр любил маленьких детей, когда он приходил к нам после работы, то охотно играл со мной, я звала его Петей и любила с ним играть.

Лето 1893 года мы провели с семьей Тищенко в имении сестры Вячеслава Евгеньевича, Лидии Евгеньевны, бывшей замужем за помещиком Дейхманом. Имение их называлось Белое и было расположено в Витебской губернии, где-то около Себежа. Отца, как всегда, привлекла охота, а также дешевизна деревенской жизни. Ко времени жизни в Белом относится мое первое воспоминание об одном маленьком факте, о котором я помню сама, а не по рассказам взрослых. Я помню солнечный день, я сижу на траве на обочине полевой дороги, вдоль которой колышется ржаное поле, в нем так много васильков! Рядом со мной няня плетет мне из них венок.

Следующая зима была опять тяжелой для моих родителей, особенно для моей больной матери – я заболела дифтеритом. В то время еще не была изобретена сыворотка, и лекарств против этой болезни не было. Лечил меня доктор Дункан. Каждый приход его я встречала криками и плачем. Когда он смотрел на мое распухшее, покрытое пленками горло и вынимал ложечку, которой он придерживал мой язык, она всегда была в крови. Форма заболевания у меня была и на этот раз типичная. Доктор Дункан очень жалел меня и говорил: «Бедная девочка, борется с кокками». Когда мне стало лучше, осторожный доктор останавливал радость родителей и говорил, что до истечения шести недель с начала болезни все еще можно ожидать паралича сердца. Паралича не случилось, я поправилась, только в детстве и в юности у меня бывали частые ангины.

Алексей Евграфович, как я говорила, очень любил маленьких детей, и ему было очень тяжело смотреть на страдания любимого беспомощного существа. Когда мне бывало лучше, он старался развлекать меня, купил мне первые книжки. Хороших дешевых детских книжек для таких маленьких детей издавалось мало. У меня уже была одна книжка, которую мне подарила О. В. Фаворская, она называлась «Прочная книжка», в ней все страницы с хорошими рисунками и сказочками были наклеены на толстый картон. Она жила у меня в целости в течение нескольких лет, когда же я выросла, ее отдали моим двоюродным братьям Тищенко; не прошло и года, как от «Прочной книжки» остались одни лоскуты.

Алексей Евграфович купил мне одну или две небольшие книжки без переплета, в которых были собраны некоторые наиболее известные былины о русских богатырях. Когда я поправилась, я выучила эти книги наизусть, былинный язык мне, конечно, был малопонятен, и я перевирала трудные места. Например, то место, где «слетались на его чело хищные вороны», в моем изложении звучало «слетались на него челохичные вороны». Алексей Евграфович много смеялся над последней фразой, ловил меня, тискал и говорил: «Ах, ты моя, челохичная Титика!» (фото 12).

Фото 12. Татьяна Фаворская. 1895 г.

Несмотря на домашние огорчения и заботы, работа в лаборатории шла полным ходом, Алексей Евграфович заканчивал свою докторскую диссертацию. Вероятно, в связи с этим летом 1894 года мы никуда далеко не поехали, а проводили лето недалеко от Петербурга в деревне Лопухинки. Лето это было неудачное, отец отмечал каждый день погоду и насчитал за три месяца семьдесят шесть дождливых дней! На обратном пути в город мы, по-видимому, обедали в ресторане на вокзале, я первый раз была в таком учреждении, и мне показалось, что это какой-то дворец, меня поразили также блестящие никелированные вилки с четырьмя зубьями, дома у нас вилки были о трех зубьях с черными деревянными черенками. Плохо про-

веденное лето сказалось неблагоприятно на здоровье моей матери, всю последующую зиму она чувствовала себя плохо.

В 1894 году была закончена постройка здания новой химической лаборатории (теперешнее здание НИХИ). Помещения химических лабораторий в главном здании Университета уже давно не удовлетворяли ни по своему объему, ни по оборудованию возросших потребностей в связи с заметным увеличением числа студентов, желающих специализироваться на химии, и большим размахом научно-исследовательской работы (фото 13).

Фото 13. Закладка химической лаборатории

На первом этаже новой лаборатории помещались лаборатории неорганической химии и аналитической химии. На втором этаже – препаровочная, большая аудитория амфитеатром, занимавшая в высоту два этажа, библиотека Химического общества и лаборатория технической химии. На третьем этаже – большая химическая аудитория, над библиотекой – малая химическая аудитория и затем лаборатория органической химии. Помещения были высокие, светлые, в них вместо печного было устроено паровое отопление.

Жилой флигель с квартирами для профессоров и ассистентов был разделен на четыре этажа. На первом этаже были две квартиры для ассистентов, в них поселились справа от входа – Тищенко, слева – К. А. Красуский. На втором и третьем этажах были квартиры профессоров: на втором этаже жил Д. П. Коновалов, на третьем – Н. А. Меншуткин[108]. На четвертом этаже опять было две квартиры: направо жили мы, налево – ассистент Меншуткина Алексеевич Волков. В подвальном этаже поселили лабораторных служителей: кочегара, швейцаров, гардеробщика; кроме того, там были кладовые и подсобные помещения. В подвале помещались водоструйные насосы, от которых шли свинцовые трубки в лабораторию органической химии, к ним присоединяли приборы для перегонки в вакууме; перегонять можно было на каждом рабочем столе.

[108] *Меншуткин Н. А.* (1842–1907) – химик, автор трудов по кинетике органических реакций, профессор Петербургского университета и Петербургского политехнического института.

В квартирах было печное отопление. Из каждой квартиры был выход на внутреннюю теплую лестницу, по которой в любое время можно было пройти в помещение лаборатории, не выходя на улицу. В нашей квартире было пять комнат: детская, спальня, столовая, кабинет, в пятой комнате почти всегда жил кто-нибудь из родственников: сестры матери или племянник Алексея Евграфовича Николай Александрович Прилежаев[109], сын Енафы Евграфовны. Родители его умерли, сам он окончил духовную семинарию и поступал в Университет. Раньше можно было по окончании семинарии поступать в любой Университет, а потом начальство решило, что в семинарии подготовка хуже, чем в гимназии, и разрешило семинаристам поступать только в Варшавский университет. В этот университет поступил и Н. А. Прилежаев, он работал там у Егора Егоровича Вагнера[110], по окончании университета он остался там ассистентом и часто приезжал к нам на зимние и весенние каникулы поработать в лаборатории Алексея Евграфовича и отдохнуть среди родных. Ванной комнаты в нашей квартире не было, отец ходил в баню, а для меня и для матери ставили на кухне большую железную крашеную ванну.

На парадной лестнице внизу, на площадке около квартиры Красуского, был устроен камин, который каждый день топил швейцар Василий Букинин. Рядом с камином стоял табурет, на котором он сидел, на его обязанности была уборка лестницы, которая всегда сверкала чистотой. На черной лестнице в стене были сделаны шкафы для провизии, у каждой квартиры дворники укладывали каждые три-четыре дня поленницу колотых дров. Все квартиры были казенные, и жильцы не платили ни за помещение, ни за дрова, ни за свет, платили только дворникам за колку дров.

[109] *Прилежаев Н. А.* (1877–1944) – российский химик-органик, чл. – кор. АН СССР, член АН БССР.

[110] *Вагнер Е. Е.* (1849–1903) – российский химик-органик, открыватель так называемой камфеновой перегруппировки первого вида.

Фото 14. Николай Александрович Меншуткин

Мы жили на четвертом этаже, а на одной площадке с нами жил А. А. Волков с семьей, детей у него не было, сам он был еще молодой человек, но с больным сердцем, он умер несколько лет спустя. Под нами жил Николай Александрович Меншуткин с женой и двумя сыновьями: Борис Николаевич[111] учился в это время в Университете, младший был гимназистом (фото 14). Дети Меншуткина были мне совсем не интересны, а самого Меншуткина я боялась и не любила: он был очень важный, не позволял, чтобы над его квартирой бегали и прыгали. Как только я запрыгаю, меня сейчас же останавливают: «Тихо, тихо, Меншуткин будет браниться!» Зато на двух нижних этажах детей было достаточно. У Дмитрия Петровича (фото 15) и Варвары Ивановны Коноваловой, когда они приехали в эту квартиру, было пять человек детей. Это были четыре дочери: Елена, Олимпиада, Мария и Нина, самый младший был сын Николай, через год после переезда родилась еще одна дочка – Вера. На первом этаже у

[111] *Меншуткин Б. Н.* (1874–1938) – химик, историк химии, профессор Петербургского политехнического института.

Тищенко в это время было трое сыновей: Андрей, Владимир и Николай, позднее родились еще два сына – Дмитрий и Евгений. Липа Коновалова и Андрюша Тищенко были моими друзьями и ровесниками, а вообще нас была большая компания ребят, которые вместе играли во дворе и в саду. В нашей прежней квартире в главном здании поселился геолог Борис Константинович Поленов[112] с женой Марией Федоровной и двумя дочками – Натальей и Татьяной, последняя была на полтора года меня моложе, и мы с ней очень дружили.

Фото 15. Дмитрий Петрович Коновалов

В. Е. Тищенко в это время еще не защитил магистерской диссертации, средства его были ограниченны, а между тем каждые два года у них прибавлялось по сыну. Поэтому жили они скромно, специальной няни у них в то время не было, Елизавета Евграфовна справлялась с

[112] *Поленов Б. К.* (1859–1923) – окончил физико-математический факультет Петербургского университета, приват-доцент Петербургского университета. В 1904–1913 гг. – профессор Казанского университета. В 1916 г. был командирован в Пермский университет, где возглавлял кафедру геологии, в 1920–1921 гг. был проректором Пермского университета.

хозяйством и с детьми с помощью только помощницы, Вячеслав Евгеньевич целые дни проводил на работе. В квартире у них тоже было пять комнат.

С Меншуткиным и его семьей ни мы, ни Тищенко не были знакомы и не бывали друг у друга. С Коноваловыми мы бывали друг у друга на елках, на всяких детских праздниках. У них в квартире было восемь комнат, но такое помещение для них было мало, и им отдали еще одну очень большую комнату и одну маленькую. Варвара Ивановна была еще очень молодая и интересная женщина, она вышла замуж за Дмитрия Петровича пятнадцати с половиной лет в 1887 году, а в 1894 году у нее уже было четыре дочери и один сын. Несмотря на это, она выезжала в гости и устраивала приемы. Она была дочь богатого помещика Екатеринославской губернии, имела собственные значительные средства. У Дмитрия Петровича кроме профессорского жалования других средств не было.

Вернувшись домой из Лопухинки, отец много времени проводил дома, у себя в кабинете, писал свою докторскую диссертацию. Очень часто я потихоньку пробиралась в кабинет, садилась где-нибудь в уголке с тетрадкой на коленях и что-то усердно чирикала в ней. Это я «писала диссертацию». Когда мы переехали в новую квартиру, Алексею Евграфовичу пришлось покупать кое-что из мебели, чтобы ее обставить: он купил себе большой письменный стол, книжный шкаф, диван, по два мягких кресла и стула. Одно из этих кресел стояло потом около его письменного стола, и он проводил в нем почти все свое время, обдумывая результаты и планы работы. Алексей Евграфович не признавал никаких занавесок на окнах, говорил, что в них только разводится пыль; он очень любил комнатные растения, и у нас их всегда было очень много.

Я была единственной дочкой, родители меня очень любили, боялись меня потерять, но я не была центром внимания всего дома, кумиром, все желания которого выполняются в обязательном порядке. Главным человеком в доме был отец, на первом месте были его желания, его привычки, его удобства. Образ жизни, распорядок дня, устройство квартиры, меню обедов и завтраков, все устраивалось по его вкусу. Благодаря этому я не выросла балованной эгоисткой, этому же способствовало и разумное воспитание матери, которая с малых лет приучала меня к исполнению долга, учила всему доброму, хорошему. Причем лучше всяких наставлений и рассуждений действовал ее личный пример. Несмотря на развивавшуюся тяжелую болезнь, она всегда была спокойна, выдержанна, никогда не жаловалась и не причитала, всегда была занята. На меня она никогда не кричала, не шлепала меня. Она была со мной ласкова, но целовала редко, боясь передать мне свою болезнь, много читала мне вслух, пока я сама не научилась. Когда я хворала, она целые дни не отходила от моей постели, готовила мне какое-то необыкновенное прохладительное питье и подолгу читала.

Если Алексей Евграфович был недоволен матерью или мной, он не кричал и не бранился, а переставал разговаривать с ней или со мной на день-два, а иногда и на неделю. Такое его молчание было мне всегда очень тяжело и неприятно, мать тоже страдала от этого. Проснувшись утром, он любил, когда я прибегала к нему в постель, дурачился со мной, заставлял рассказывать ему сказки или говорить стихи. Родителей своих я очень любила, считала, что мама у меня самая хорошая, а папа всех умней, что он все знает лучше, чем все другие папы. С ним я всегда чувствовала себя в полной безопасности, с ним я ничего не боялась, он все может, от всего спасет.

Елизавета Евграфовна иначе обращалась со своими сыновьями: она и кричала на них, и наказывала, редко их ласкала, иногда высмеивала, когда они болели, она не сидела около них. Это, конечно, можно было понять, учитывая ее занятость. Но я, конечно, сравнивала свою мать с теткой и больше всего боялась, что вдруг мои мама и папа умрут и меня отдадут тете Лизе!

Зима близилась к концу, диссертация Алексея Евграфовича была написана и представлена к защите. Тридцати пяти лет Алексей Евграфович стал доктором. Научная работа его все ширилась, появлялись все новые ученики. Кроме Университета, он преподавал в 1891–1894

годах органическую химию в Михайловской артиллерийской академии и артиллерийском училище. В училище до него химия была в загоне, юнкера относились к ней спустя рукава. Когда же настало время экзаменов, Алексей Евграфович стал требовать от них настоящих знаний, а так как их не было, то он поставил двойки почти всему курсу. Юнкера подняли бунт: «Как, из-за какой-то органической химии получать двойки! Где это видано!» – и пошли с жалобой к директору. Директор был человек неглупый, он выслушал юнкеров, выслушал Алексея Евграфовича, понял, что последний совершенно прав и приказал всем в кратчайший срок ликвидировать двойки и впредь относиться к органической химии со всей серьезностью, так как для артиллериста эта наука является одной из важнейших. В следующие годы юнкера относились уже с подобающим уважением и к органической химии, и к самому Алексею Евграфовичу и двоек больше не получали. В Артиллерийской академии он приобрел учеников: Владимира Николаевича Ипатьева[113], Алексея Васильевича Сапожникова[114] и Николая Михайловича Витторфа[115], которые впоследствии все были профессорами, а Ипатьев – академиком.

Путь от Университета до Артиллерийского училища и Академии, находившихся на Выборгской стороне, был не близкий, я помню, что в дни лекций отец вставал в семь часов, пил чай и уезжал. Он не пропускал этих занятий, даже когда был болен. Помню, что он ездил однажды на лекции больной ангиной, мы с матерью узнали об этом, только когда он поправился. В те времена он вообще не любил говорить о том, что ему нездоровится, и продолжал работать, не обращая внимания на болезни. В молодости я вспомнила такое поведение Алексея Евграфовича, оно мне очень импонировало, и я в этом отношении всегда старалась ему подражать.

Настало лето 1895 года. Здоровье матери настолько ухудшилось, что решено было везти ее за границу. Отец занял для этой поездки сто рублей у брата Андрея, и мы втроем поехали сначала в Берлин к Роберту Коху[116], чтобы окончательно установить болезнь матери. При исследовании ее мокроты были обнаружены туберкулезные палочки. По совету докторов отец повез Наталью Павловну в Швейцарию, недалеко от города Веве, в местечко Mont Signal. Из Берлина мы сначала проехали в Гейдельберг, где в то время училось и работало много русских студентов, а некоторые окончившие химики совершенствовали свои знания в Гейдельбергском университете, у известных немецких профессоров. В Гейдельберге мы пробыли дней десять в пансионе фрейлины Керн, у которой жили преимущественно русские. Несмотря на многолетнее пребывание русских под ее кровом, Керн никак не могла научиться русскому языку. Она была очень ласкова с матерью и со мной, и все поражалась, что такая маленькая девочка так хорошо говорит по-русски. В Берлине и Гейдельберге мы заходили в пивные, и отец давал мне пробовать пиво, которое мне очень понравилось. Сидя за столиком, отец заговорился со знакомыми, оглянулся, а меня рядом на стуле нет! Смотрит, а я хожу между столиками, улыбаюсь и приветливо раскланиваюсь с немцами.

Как уже говорилось, Алексей Евграфович плохо знал немецкий язык, особенно разговорный, химические книги он еще читал, а говорить или понимать разговорную речь ему было трудно. Из-за этого с ним случались курьезы и неприятности. Как-то пошел он в булочную за белым хлебом и вместо Weissbrod (белый хлеб) стал спрашивать Weissbett (белую кровать). В каком-то городе нам надо было пересаживаться с поезда на поезд; отец спросил, сколько времени остается до отхода поезда, – ему ответили: «Funfzein minute», то есть пятнадцать минут, а Алексей Евграфович услышал: «Funfzig minute», то есть пятьдесят минут и не спеша пошел

---

[113] *Ипатьев В. Н.* (1867–1952) – химик, военный инженер, академик Петербургской АН (с 1917 г. – РАН). Организатор российской нефтехимической промышленности.

[114] *Сапожников А. В.* (1868–1935) – химик, профессор Михайловской артиллерийской академии, Института инженеров путей сообщения и других учебных заведений.

[115] *Витторф Н. М.* (1869–1929) – химик-неорганик и металлограф, профессор Михайловской артиллерийской академии.

[116] *Кох R* (1843–1910) – немецкий микробиолог, один из основоположников бактериологии и эпидеомиологии.

с нами на нужную платформу. Идем мы, вдруг видим – наш носильщик бежит бегом с нашими вещами, вталкивает нас в вагон, вещи пришлось бросать уже на ходу.

В этом возрасте я была очень храбрая и общительная: в поездах я выходила из нашего купе, заходила в другие и заводила там знакомства. У меня с собой была книжка «Веселые рассказы» Буша, я ее почти всю знала наизусть, вот с этой книжкой я и переходила из одного купе в другое и показывала картинки новым знакомым. Долгое путешествие все же утомило не только мою мать, но и меня. Особенно утомительны бывают длительные остановки, проводимые в вагоне. Раз как-то поезд наш особенно долго стоял в каком-то городе, как будто во Франкфурте-на-Майне, я устала, мне все надоело, я стала капризничать и просить у отца купить мне куклу. Никакие уговоры не действовали, Алексей Евграфович махнул рукой и отправился в город. В незнакомом городе с его знанием немецкого языка быстро найти игрушечный магазин было очень трудно. В какой магазин попал отец, не знаю, только спустя некоторое время он вернулся в вагон и принес мне фарфоровую статуэтку – девочку в кружевной фарфоровой юбочке. Я успокоилась и играла такой неудобной куклой, и даже привезла ее в Россию, только юбочка немного обломалась.

Но вот мы и в Швейцарии, в отеле «Signal». Здесь все говорят по-французски, так что здесь уже свободно объяснялась мама. В первый же день по приезде со мной случилось приключение: я храбро вышла из отеля, прошла по двору и завернула за угол. Там был молодой лесок, я зашла в него и пошла по дорожке, оглянулась, а кругом деревья, дома не видно. Заблудилась! Я бросилась бежать со слезами и криком «Батюшки, спасите!». Выбежала на лужайку, на которой росла громадная липа, к ней были приставлены лестницы, и мужчины и женщины собирали липовый цвет, который во Франции и в Швейцарии заваривают и пьют в качестве потогонного. Работники увидали, что к ним бежит маленькая девочка, плачет и что-то кричит на незнакомом языке. Они окружили меня, стали успокаивать и подарили большую ветку цветущей липы. В этот момент подоспел отец, который издали услыхал, как я кричала: «Батюшки, спасите!» – и бросился мне на помощь.

Я живо освоилась в отеле и в саду и не скучала, так как мне нашлась хорошая подруга, русская девочка Оля Вернер, шести лет, приехавшая со своей матерью и тетей. Все звали ее не Олей, а Зайкой. Мать ее была полная, краснощекая, трудно было поверить, что она больна туберкулезом. Когда отец ей это сказал, она ему ответила: «Ничего-то вы не понимаете!» – и, как мы потом узнали, она умерла вскоре после возвращения в Россию. Зайка осталась круглой сиротой, и ее воспитала тетя. Мы с ней встретились лет через восемь и потом бывали друг у друга. Она окончила географический факультет Университета и работала на кафедре климатологии, где мы с ней вновь случайно встретились в начале 30-х годов и крупно поспорили из-за какой-то аудитории. Больше я ее не видала.

Но тогда, в Швейцарии, она была веселая, бойкая девочка, и мы с ней очень хорошо проводили время. Однажды мы с ней сильно провинились. В нашем отеле было много пансионеров – и больных, и здоровых, разных национальностей: немцев, французов, англичан. Был старик-англичанин, который не мог ходить, и его катали в кресле. Он, по-видимому, любил детей, всегда здоровался с нами, приветливо нам улыбался и иногда угощал нас конфеткой или шоколадом. Мы часто устраивались играть неподалеку от него и во время игры погладывали на него. Как-то утром после завтрака его повезли кататься, мы и раньше любили сопровождать его, побежали с ним, никому не сказав. Вернулись мы с этой прогулки только к обеду, никто не видел, что мы с ним ушли, родные наши переволновались, не могли понять, куда пропали девочки. Когда мы вернулись, нам здорово досталось.

Не знаю, насколько помогла моей матери Швейцария, во всяком случае, она стала чувствовать себя лучше. Когда пришло время возвращаться на родину, решено было, что отец один вернется в Петербург, а нас с матерью оставит погостить в Витебске, у гимназической ее подруги Е. И. Кузнецовой, по мужу Андреевой. В том году лето в Швейцарии было жаркое,

но жара не была утомительной, так как почти каждую ночь шли дожди. Чтобы не повредить окрепшему здоровью матери резкой переменой климата, и решено было пожить нам в Витебске. Мне у Андреевых было очень весело: у них в то время было трое детей: Вера, которая была старше меня года на три, Павел, старше меня на год, и Глеб, мой ровесник. Позднее у них родилась еще одна девочка. Мальчики оба умерли, еще перед Первой мировой войной, а Вера Павловна жива до сих пор. Она окончила Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету и много лет преподавала в Университете русский язык иностранцам и народам Севера, сейчас она на пенсии. О жизни в Витебске у меня осталось мало воспоминаний: помню, как мы гуляли по бульвару и собирали желтые и красные кленовые листья, которыми была усеяна дорожка. Помню еще, что у Андреевых была няня, которая рассказывала очень страшные сказки про разбойников. Как-то вечером Андреевы с матерью пошли к кому-то в гости, и я очень боялась, что без них на нас нападут разбойники.

Мы прожили в Витебске, должно быть, месяца полтора и вернулись домой. Я рада была вернуться к своим игрушкам и книжкам и к своим друзьям – Андрюше Тищенко и Тане Поленовой. Еще прошлой зимой мы с ними начали заниматься французским языком. Учительница француженка приходила к нам, к нам же приходили и Таня с Андрюшей. Начинались занятия, должно быть, часов в десять, кончались в двенадцать часов. Таня Поленова была здоровая, толстая, она еле выдерживала до двенадцати часов, начинала повторять: «Хочу домой, котлетку хочу».

Фото 16. Андрей Тищенко. 1895 г.

По приезде из Витебска занятия наши возобновились, к весне мы уже знали порядочно слов и пели хороводные песенки. В двенадцать часов за Таней приходили и уводили ее домой, а Андрюша обыкновенно оставался. Он приходил к нам почти каждый день и уходил домой уже вечером. Если он уходил раньше, я вцеплялась в его куртку и кричала: «Не уходи!» И я, и родители мои его очень любили, у него были очень оттопыренные уши, и отец звал его не по имени, а «Вислоухий». Он был тихий, спокойный мальчик (фото 16), добрый и справедливый, он никогда не участвовал ни в каких нехороших шалостях, я его считала гораздо лучше себя, тем более что и мать всегда ставила мне его в пример, я искренне огорчалась, что не могу быть такой хорошей, как он, – не слушаюсь, шалю, стараюсь скрыть свои проступки, как-нибудь вывернуться, а он всегда честно признается, если в чем-нибудь провинится. Мы с ним очень дружили, ему у нас было хорошо, дома братья были моложе, следующий за ним Володя был большой шалун (фото 17). Тетя Лиза была недовольна, что его так тянет к нам, дразнила его, называя «Фаворский сын», и доводила его до слез.

Фото 17. Андрей, Владимир, Николай и Дмитрий Тищенко. 1898 г.

Наступила весна, когда надо было думать, куда ехать летом. Врачи рекомендовали повезти мать куда-нибудь, где теплее. Старинные знакомые отца Митропольские ехали на Украину, или, как тогда говорили, в Малороссию, в Полтавскую губернию в город Гадяч, там они жили прошлым летом в слободе на берегу Псёла и собирались снова туда поехать. «Приезжайте, остановитесь у нас и поживите, пока не найдете себе помещение», – говорили они. Родители рискнули. Оказалось, однако, что найти подходящее помещение нелегко: в хатах комнаты низенькие, душные, а матери нужен свежий воздух. Наконец, нам указали на краю слободы большой рубленый дом с садом, хозяин которого переехал в город. И дом, и сад оказались хорошими, мы очень удобно устроились. Когда мы снимали дачу под Петербургом, мы возили с собой домработницу, сюда же мы ее не повезли, дорога была дорогая. К счастью, нам порекомендовали местную стряпуху Явдоху, которой мы остались очень довольны. Она жила у нас со своим пятилетним сыном Ванько.

У Митропольских мне не было подходящих товарищей, я об этом не жалела, мы с Ванько прекрасно проводили время. Мать сама не купалась, меня же она водила купаться на Псёл каждый день; с нами, конечно, бегал и Ванько. Он купался только до Ильина дня (20 июля старого стиля), хотя вода и после этого была еще очень теплая. Мы с ним играли или в саду, или во дворе, где упражнялись в прыгании с высокого помоста или играли с дворовой собакой. У нас было много знакомых слободских ребят, с которыми мы играли на широкой, поросшей травой улице слободы. Это лето мы провели хорошо. Погода была большей частью хорошая, но бывали и грозы.

Я запомнила одну грозу, которая случилась ночью: бушевал ветер, лил дождь, я проснулась и видела, что в комнате было светло от непрерывно следовавших одна за другой молний, беспрерывно раздавались страшные удары грома. Наутро со всех сторон слышались рассказы о поваленных деревьях и сорванных крышах.

Мы с матерью часто делали недалекие прогулки, я раньше никогда не видела такого изобилия шиповника различных цветов – розового, малинового, желтого, белого; мы сушили эти цветы в толстом французском словаре, но, к сожалению, цвет лепестков нам не удалось сохранить. Украина славится своими вишневыми садами, но нам не повезло, в это лето был неурожай вишен. Вообще же зелени и всяких продуктов там было изобилие, и Явдоха нас очень вкусно кормила. Между прочим, в большом ходу были жареные голуби, их продавали на базаре наравне с курами. Мясо у них очень нежное, немного сладковатое. К концу лета я стала понимать украинский язык благодаря постоянному общению со слободскими ребятишками. Вечерами мы часто слушали, как «спивали» девчата в слободе. Я-то, конечно, не понимала, но отец говорил, что у них у всех от природы поставленные голоса, во всяком случае, пели они очень хорошо задушевные украинские песни. С длинными лентами в косах, в вышитых рубашках и пестрых плахтах, они были очень живописны. Мать купила там плахту[117]. Она долго служила у нас вместо коврика. Плахты эти очень красивы и очень прочны. Мы накупили также глиняных игрушек местного изготовления для подарков «тищенятам», как Алексей Евграфович называл своих племянников, и детям Андреевых, так как мы опять собирались заехать ненадолго в Витебск. В Витебске на этот раз мы прожили недолго.

Алексей Евграфович вернулся в Санкт-Петербург один, с 1 сентября 1896 года он стал профессором Университета по кафедре аналитической и технической химии. Вскоре и мы с матерью вернулись домой. Когда мы возвращались с дачи, нас всегда встречал Петр Малафеев. Для нас бывала уже приготовлена карета (извозчика не брали из-за боязни, чтобы мать не простудилась в открытом экипаже), а для багажа, которого всегда бывало много, Петр нанимал ломового и сам с ним приезжал во двор. Карета въезжала с набережной во двор, в конце двора отец высовывался из окошка и командовал: «Налево, а потом направо», – и мы подъезжали к нашему подъезду, я сразу же бежала в детскую, к своим игрушкам, которые казались особенно милыми и интересными после трехмесячной разлуки. Радостно было встретиться с петербургскими друзьями – Андрюшей и Таней, снова стали мы заниматься французским языком, играть и бегать во дворе и в Ботаническом саду.

Мама занималась хозяйством, руководила приготовлением обеда и завтрака, сама она не могла стоять у плиты, но давала точные указания кухарке. Алексей Евграфович любил хорошо покушать и был очень требователен относительно стола, поэтому у нас в семье больше обращалось внимания на еду, чем на одежду. Отец шил себе костюмы редко, носил их аккуратно. Гардероб у него был небогатый: костюм зимний, костюм летний, сюртук и брюки к нему. Фрак он сшил себе в 1887 году к свадьбе и больше, мне кажется, фрака и не шил. Носил он крахмальные рубашки со стоячим воротничком и черным галстуком бабочкой, белый галстук надевал только с сюртуком или фраком на Новый год, на Пасху или торжественные заседания. Летом он

[117] *Плахта* – кустарная украинская шерстяная или хлопчатобумажная ткань, полосатая или клетчатая.

носил русские рубашки из сурового полотна, вышитые по подолу, вдоль ворота руками матери. Мне мать шила все сама – и белье, и платье, сама же шила белье и себе с отцом. Первого числа каждого месяца Алексей Евграфович давал матери определенную сумму денег на расходы, сюда включались и еда, и одежда, плата домработнице и за мои уроки. Дополнительная выдача денег производилось очень редко, в случае необходимости какой-нибудь крупной покупки.

Когда Наталья Павловна хорошо себя чувствовала, мы с ней ходили гулять или за покупками. В то время не принято было ходить с сумками или сетками, все покупки заворачивались, завязывались или с петелькой, или с деревянной круглой палочкой, чтобы удобней было нести. С плетеными из травы сумками или корзинками ходили только домработницы за провизией. Магазины, в которые мы с матерью ходили, почти все были расположены на 1-й линии Васильевского острова. Там был мануфактурный магазин Матвеева, где мы покупали все нужные нам материи, магазин Герша с аптекарскими товарами, магазин Балясова с писчебумажными товарами, гастрономический магазин Баскова и тому подобное. Деньги мать берегла, где можно экономила. Помню, она часто покупала к чаю печеную смесь, но не в коробке, а лом: вкус был тот же, вид был не такой красивый, зато оно было дешевле.

Отец много курил, он покупал табак и гильзы в магазине Асмолова на Невском и сам набивал себе папиросы. Собираясь на охоту, он набивал себе патроны; в одном из ящиков письменного стола у него хранился охотничий порох, дробь разных калибров, патроны и пыжи, там же лежали патронтаж и сетка для дичи.

Из-за болезни матери родители редко ходили в гости, но у нас гости бывали довольно часто. Многие приходили навещать Наталью Павловну, милый и кроткий характер которой привлекал к ней сердца многих знавших ее. К Алексею Евграфовичу приходили его товарищи, друзья его старшего брата Андрея Евграфовича, часто приезжали в столицу по делам московские родственники. Чаще других бывали Орест Нилыч и Елизавета Ивановна Петропавловские. Орест Нилыч был товарищ Андрея Евграфовича, который вместе с ним устраивал в Павлове артель[118] кустарей. Затем Валентин Львович и Клара Андреевна Бианки, жившие в здании Академии наук, где Валентин Львович был сотрудником зоологического музея. Сам он постоянно ворчал и брюзжал, а жена его, немка родом, была милое и тихое существо. У них было трое сыновей: Лев, Анатолий и Виталий; первый был немного старше меня, остальные были меня моложе, все они бывали у нас на елках и детских праздниках. Виталий Валентинович стал потом известным писателем[119].

Часто бывала у нас Лидия Алексеевна Вуколова, жена товарища Алексея Евграфовича, иногда она приходила с дочкой Ольгой, года на два меня старше, мы с матерью тоже иногда у них бывали, у них было еще двое младших детей: Елизавета и Владимир, последний был крестником моей матери. Часто навещал нас морской врач Федор Васильевич Смирнов. В бытность свою врачом на судне, стоявшем на Кронштадском рейде, он свел знакомство с местными химиками, заинтересовался этой наукой, стал читать химическую литературу. Работы отца привлекли его внимание, он попросил разрешения поработать в лаборатории. При этом так увлекся, что проводил в лаборатории все свободное от службы время. Результатом явились две статьи, напечатанные в «Журнале Русского химического общества» в 1905 и 1906 годах. Он стал бывать у нас дома, стал нашим домашним врачом. Он очень хорошо относился к Алексею Евграфовичу и Наталье Павловне и был у нас дома своим человеком. На мои именины и дни рождения он дарил мне хорошие детские книги. Со всеми своим бедами мы обращались к нему: заболею ли я, надо ли устроить в больницу домработницу, нужно ли порекомендовать врача-специалиста. Федор Васильевич много плавал на военных кораблях, совершал и круго-

---

[118] *Артель* – добровольное объединение людей для совместной работы или иной коллективной деятельности, часто с участием в общих доходах и общей ответственностью на основе круговой поруки.

[119] *Бианки В. В.* (1894–1959) – писатель, автор многих произведений (предназначенных прежде всего детям) о живой природе.

светные путешествия, лично наблюдал угнетение порабощенных колонизаторами народов. Он был во владениях многих европейских народов и говорил, что самыми жестокими колонизаторами являются англичане. Сам он был в высшей степени гуманным человеком, сцены жестокости, которые приходилось ему наблюдать во время путешествий на суше и на корабле, глубоко возмущали его. К. М. Станюкович, очень его любивший, описал его в своем произведении «Вокруг света на “Коршуне”» под видом доктора Федора Васильевича. Глубоко образованный, веселый, остроумный, он был интересным собеседником и обаятельным человеком.

Из Москвы часто приезжал по делам в Петербург Андрей Викентьевич Адольф[120], женатый на Надежде Владимировне, сестре моей крестной, О. В. Фаворской. Он всегда привозил мне подарки, большей частью коробки с набором для какого-нибудь ручного труда: для плетения корзиночек из стружек, металлические формочки из проволоки для обматывания их окрашенной в разные цвета длинной шелковистой травой и тому подобное. Не могу сказать, чтобы я особенно была рада таким подаркам, так как никогда не была рукодельницей; готовые, приложенные для образца корзиночки я использовала в своих играх, а материал для дальнейшей работы оставался лежать нетронутым в коробках. Один раз Андрей Викентьевич привез две книжки: «Дружба с природой» Кайгородова[121]и «В царстве черных» Стенли[122], одну для меня, другую для Андрюши Тищенко. Мы решили с ним разыграть эти книги, и мне досталась книга «В царстве черных». Я помню, сначала была недовольна: обложка, на которой был отпечатан африканский материк и рядом с ним фигура негра, ничего мне не говорила, так как я еще не имела понятия о географии и сочла изображение Африки просто за орнамент. Впоследствии, однако, эта книга была одной из самых моих любимых книг; я так часто ее перечитывала, что до сих пор помню многие картинки и подписи к ним и некоторые фразы из нее, так же как и имена всех действующих лиц. Я очень жалела, когда впоследствии эту книгу зачитал один знакомый мальчик.

Иногда Андрей Викентьевич привозил мне подарки, которые присылала мне Ольга Владимировна, крестная. Иногда он передавал их через Андрея Евграфовича, который время от времени тоже приезжал в Петербург. Сама она тоже изредка навещала нас. Ее подарки бывали совсем другого рода: обычно она посылала материи мне на платья. В то время шелковые платья надевали только в театр или на большие вечера; детям вообще таких платьев не шили. У моей матери я не помню ни одного шелкового платья, у нее бывали только шелковые блузы, которые она носила по праздникам. Москва славилась своими хлопчатобумажными материями, и Ольга Владимировна присылала мне обыкновенно какие-нибудь нарядные красивые ткани для летних платьев, иногда вместо московских изделий она посылала заграничные ткани, чаще всего английские.

Довольно часто заходил к нам живший в Петербурге брат Ольги Владимировны, Леонид Владимирович Шервуд, никому еще не известный в то время скульптор. Жил он в то время очень бедно, как обычно жили в те времена начинающие художники; обыкновенно он приходил к обеду. Думаю, что отец оказывал ему и более существенную помощь. Один раз во время его посещения произошел такой инцидент. Леонид, будучи еще молодым, любил возиться с детьми. Он поймал меня, взял за руки, и мы стали с ним кружиться по комнате все быстрее и быстрее. Не знаю, как это случилось: хотел он меня бросить с размаху на диван или просто мои руки выскользнули у него из рук, – только я с размаху упала на пол и стукнулась головой так сильно, что потеряла сознание. Очнулась я на диване, все хлопотали около меня, по лицу у меня текла холодная вода, на голове лежала мокрая холодная тряпка. Леонид Владимирович

---

[120] *Адольф А. В.* (1857–1905) – педагог, переводчик и филолог. Был директором знаменитой московской 5-й гимназии.

[121] *Кайгородов Д. Н.* Дружба с природой. СПб., 1897.

[122] *Стенли Г.М.* В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки. СПб., 1899.

был страшно смущен и расстроен. К счастью, падение мое не имело никаких последствий, только потом я долго не соглашалась, когда мне предлагали кружиться.

Как я уже писала, я не была рукодельницей, не любила ни шить, ни вышивать, и так за всю жизнь этому не научилась. Зато очень охотно я помогала матери в предпраздничной уборке. Каждый год к Рождеству и Пасхе производилась уборка квартиры, ее убирали еще раз в августе перед нашим возвращением с дачи, но этой уборки я не видела. Зимой же и весной я наблюдала весь процесс уборки: для этой цели приглашали поденщицу, которой помогала наша домработница. Все столы и шкафы в комнатах покрывали простынями, на половую щетку навязывали тряпку и обметали все потолки, потом мыли окна, двери, печки, полы. Полы мыли только крашеные, для уборки паркетных полов ходили полотеры, которые раз в месяц натирали полы с мастикой, а каждую неделю – без мастики. Медные ручки у дверей и печек и листы перед печками натирали до блеска, натирали также медную плевательницу – медный тазик с песком, который стоял в углу кабинета отца, хотя я никогда не замечала, чтобы отец или кто-либо туда плевал, но очевидно, тогда полагалось иметь в квартире такой предмет.

Перед тем как натирать полы перед праздником, мы с матерью занимались тем, что мыли цветы: на пол в столовой расстилали газеты, на табуретки ставили тазы с теплой водой, мы вооружались маленькими губками и тщательно протирали каждый листок каждого цветка. Кроме мытья цветов мы еще чистили серебро: зубным порошком мы протирали серебряные ризы у икон и серебряные столовые и чайные ложки.

Отец иногда брал меня с собой в лабораторию: дверь нашей кухни выходила на внутреннюю теплую лестницу, по ней мы проходили в препаровочную[123], затем в полутемную большую аудиторию, освещенную через большие окна светом дугового фонаря, горевшего во дворе и, наконец, попадали в лабораторию. Как только открывалась туда дверь, мне бросался в нос запах различных органических веществ, казавшийся мне необыкновенно приятным. В 1896 году Алексей Евграфович стал профессором кафедры аналитической и технической химии[124] и в 1896/97 учебном году читал уже соответствующий курс лекций[125].

Летом 1897 года по чьей-то рекомендации мы поехали в имение одной обедневшей помещицы в Орловскую губернию, которая брала нас на полный пансион. Жили мы на втором этаже большого помещичьего дома, питаться спускались на первый этаж, на большую террасу. Я провела это лето очень хорошо, у меня опять был очень хороший товарищ, внук нашей хозяйки Юшик (Юрий), очень милый пятилетний мальчик. С Юшиком мы жили душа в душу, он называл меня Танечкой и говорил мне «вы» и не соглашался говорить иначе. С утра мы убегали с ним в сад; кроме небольшого цветника перед домом, остальной сад был запущен, бродя с ним по тенистым аллеям, мы собирали с ним прямые палки, валявшиеся в траве. У меня был небольшой перочинный ножик, этим самым ножиком мы с Юшиком стругали наши палки, освобождая их от сучков. Это были наши лошадки, на которых мы потом целыми днями разъезжали. У каждой лошадки был свое имя, у каждого из нас была своя конюшня.

Хотя имение и было запущено, в нем все же велось хозяйство, был птичий и скотный двор и конюшня с рабочими и выездными лошадьми и каретный сарай с экипажами. Самая быстрая лошадь была рыжая с белой отметиной на лбу. В имении был и запущенный фруктовый сад, в котором росли старые вишневые деревья. Лето было очень жаркое и сухое, когда вишни поспели, их долго не собирали из-за недостатка рабочих рук, и они буквально пеклись на солнце. Нам с Юшиком было разрешено залезать на деревья и рвать вишни, что мы с увлечением делали.

---

[123] *Препаровочная* – помещение, где изготовляются препараты или производится препаровка.

[124] Официальное название кафедры, которую с 1896 по 1907 г. занимал А. Е. Фаворский, – кафедра технологии и технической химии.

[125] Курсы аналитической и технической химии А. Е. Фаворский читал с 1891 г., органической химии – с 1902 г.

По территории имения протекала река довольно широкая и глубокая, которую там все звали Неруч. Мы с Юшиком ходили купаться и весело плескались на мелководье у берега. Часто с нами ходил купаться отец, иногда он брал меня с собой: сажал меня к себе на спину и плавал по глубоким местам. Кроме купания, река доставляло другое удовольствие – ужение рыбы. Отец, как известно, был заядлый рыболов и с детства приохотил меня к этому виду спорта. Он сделал нам с Юшиком маленькие удочки, и мы вместе терпеливо следили за поплавком и таскали маленьких окуньков и плотвичек, отцу попадались и более крупные экземпляры.

Отец стремился сделать из меня товарища по своим прогулкам и всяким занятиям и с малых лет брал меня на купанье, на ловлю рыбы, а летом 1897 года мы с ним занялись энтомологией. Дело в том, что В. Л. Бианки занимался изучением лесных клопов и просил Алексея Евграфовича собрать ему коллекцию клопов, живущих в Орловской губернии, и вот мы с ним осматривали все деревья, кустарники и травы и собрали за лето богатый урожай этих насекомых. Приближался конец августа, надо было собираться домой. Юшик очень огорчился моим отъездом. Сквозь слезы он спрашивал меня: «Танечка, а вы лошадок своих с собой возьмете?» – и немного утешился, когда я сказала, что всех лошадок оставлю ему.

1.3. Моя учеба на дому. Лето в Безо. Крымские впечатления. И снова Безо! Учение и развлечения

1897/98 учебный год ознаменовался двумя событиями: Алексей Евграфович занял пост заведующего кафедрой органической химии в Технологическом институте (фото 18), стал читать там первый большой курс органической химии и поставил там на должную высоту научную работу. Вторым событием было то, что я начала систематически учиться русскому языку, арифметике, Закону Божию и другим предметам. М. Ф. Поленова, очень энергичная женщина с сильно развитой общественной жилкой, видя, что в зданиях Университета живет целая группа детей одного возраста с ее младшей дочерью, предложила родителям этих детей организовать совместное обучение, организовать небольшую школу. Родители охотно согласились. Преподавать в этой школе должны были родители учащихся. Занятия должны были проходить в квартирах родителей по очереди, первый год школа помещалась в квартире Поленовых. В число школьников вошли следующие дети: Таня Поленова, Андрюша Тищенко, Липа Коновалова, Таня Фаворская, Нина Каракаш, Коля Егоров и Настя Александрович. При помощи Настиного отца (экзекутора[126] Университета) были заказаны школьные парты, черная классная доска. Занятия начинались в девять часов и продолжались до двенадцати часов, было каждый день по три урока с двумя переменами по десять минут. Закон Божий преподавала Елизавета Евграфовна Тищенко, русский язык – Вера Ивановна Каракаш, она же преподавала и пение, так как у нее самой было хорошее контральто, и она иногда выступала публично на концертах, арифметику преподавала моя мама. М. Ф. Поленова преподавала рукоделие. Матери, способной преподавать рисование, не нашлось среди родителей, поэтому для этих уроков была приглашена учительница со стороны.

Фото 18. Здание Технологического института

Мы с большим удовольствием бежали по утрам в нашу школу, на переменах бегали и играли в разные игры. После школы мы завтракали и шли гулять в сад и во двор. Этой зимой в занятиях моих произошла еще одна перемена: у нас дома поселилась Mademoiselle Valerie,

[126] *Экзекутор* – в Российской империи чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за порядком в канцелярии.

молоденькая швейцарка из Французской Швейцарии. Она занималась со мной, Андрюшей Тищенко и Таней Поленовой, когда мы возвращались после прогулки. С них же она получала деньги, а со мной она занималась за стол и комнату. Очень милая девушка эта стала скоро членом нашей семьи и благодаря общению с ней я делала большие успехи во французском языке. Мы все ее очень полюбили, и она очень привязалась к нам. Иногда мы ходили с Mademoiselle Valerie гулять. Весной мы брали книжку и сидели в университетском ботаническом саду на скамейке под большим серебристым тополем или под другим каким-либо деревом. Сад этот содержался тогда в большом порядке, в нем и в оранжерее работал большой штат садовников. Заведовал им бойкий еще старичок, немец Ниман, у него была квартира в том здании, в котором теперь помещается кафедра генетики. Мы, дети, его очень боялись. У него в течение многих лет жила собака, белый шпиц под названием Крошка. В этом же доме жил его помощник, поляк Коржело, молодой, высокий человек, его мы боялись еще больше. Таня Поленова почему-то окрестила его Косой черт, хотя он совершенно не косил.

В саду было много больших тенистых деревьев, в том числе большой пробковый дуб, много цветущих кустарников, вокруг пруда росли различные сорта ив. Много было клумб с летними цветами. В той половине сада, которая расположена между оранжереей и нашим домом, росли многолетние цветы и травы. В другой части сада был сделан маленький прудик, поблизости от него росли влаголюбивые растения. В обоих частях сада зимой все дорожки расчищались. Помню, в одну снежную зиму дорожки превратились в снежные коридоры, когда я гуляла по ним с матерью, высота стенок превышала мой рост. Летом многие растения выставлялись из оранжереи и вкапывали их в горшках и в кадках в землю в специально отведенные для этого места. Пруд тоже доставлял нам много радостей: зимой снег на нем разметали, и по нему было очень хорошо кататься на коньках. Около пруда была большая искусственная горка, в которой был сделан грот, обложенный туфом, с нее можно было далеко катиться на санках и лыжах. Осенью мы ловили в пруду колюшек. Вместо удочек нам служил росший по берегам пруда тростник. Мы привязывали червяка верхним листом тростника и закидывали «удочку» в пруд, надо было быстро вытаскивать, чуть только колюшка клюнет. Иногда пруд промерзал до дна, весной льдины отставали от дна и поднимались наверх, получались плоты большей или меньшей величины, достаточно прочные. Первый раз я увидала, как на таких льдинах катались чужие мальчишки с большого университетского двора, и рассказала об этом дома матери как пай-девочка, которая такими вещами не занимается. На следующий день в сад пришла вся наша компания и стала кататься на льдинах, не утерпела и я и благополучно покаталась. Таня же Поленова, залезая на льдину, оступилась и провалилась до колен в воду. Когда она пошла домой, ребята провожали ее с криками «Утопленница, утопленница!». Кататься было интересно, но идти домой и признаваться в том, что нарушила запрещение, было не очень приятно.

Весной, когда таял снег, любимым моим занятием было «помогать ручьям», прорывать им дорогу в снегу и в земле. Я до сих пор не могу весной равнодушно смотреть на бегущие ручейки, так бы и помогла им. Цветов мы не рвали, разве что уж какой-нибудь особенный цветочек, но зато мы таскали из подвала, находившегося под ботаническим зданием, различной величины палки, предназначенные для втыкания в цветочные горшки. Это были наши копья, дротики и стрелы, дома они стояли у меня в комнате в углу (я теперь жила в бывшей спальне Алексея Евграфовича, а родители спали в бывшей детской). Я довольно часто просыпалась и довольно подолгу не спала, прислушиваясь к различным ночным звукам. У нас в квартире было очень сухо, и поэтому довольно часто трещал паркет, а мне чудилось, что кто-то идет. Вот для встречи с таким ночным посетителем я и держала у себя в комнате описанное выше оружие. Кроме сада и двора перед домом, мы любили играть в астрономическом садике, где были расположены будки с различными астрономическими приборами. В маленьком одноэтажном домике там жил сторож по имени Петр, поэтому мы говорили: «Пойдемте играть у Петра в садике».

Фото 19. Безо

Б. К. Поленов получил в наследство порядочное имение Павловское в Костромской губернии, и М. Ф. Поленова стала уезжать туда в конце апреля – начале мая и заниматься хозяйством, возвращалась она в начале октября, и тогда начиналась наша школа. Предыдущее лето она жила с детьми в местечке Безо, Эстляндской губернии, на берегу Финского залива[127], им там очень понравилось, и она рекомендовала эту дачу своим знакомым; сама она уже в ней больше не нуждалась, так как поехала в свое имение. Летом 1898 года в Безо направилась целая компания знакомых: А. В. Сапожников с семьей, Е. А. Егорова с сыном, Тищенко поехали вместе с Глафирой Михайловной и Марией Николаевной Рыбкиной, матерью и сестрой Петра Николаевича Рыбкина[128], соратника А. Н. Попова. Мы поехали вместе с Mademoiselle Valerie. Из химиков в Безо поехал еще К. А. Красуский с женой (фото 19).

Да, Мария Федоровна расхваливала Безо недаром. Расположено оно в глубине небольшой бухты, песчаный пляж, много леса – и чисто соснового, и смешанного; небольшая речка или, вернее, широкий и глубокий ручей протекает и по самому поселку, и по прилежащим лугам и полям. Что же еще нужно для летнего отдыха: море, разнообразный лес, полный грибов и ягод, поля и луга с массой цветов и речка, в которой водятся форели. Чистейшие недорогие дачи с необходимой мебелью, в единственной лавке можно достать хлеб и дрожжи и всякие промтовары, начиная с хомута и кончая материями. А кроме того, можно купить сено для сенников и взять напрокат столовую и чайную посуду и лампы. Разве это не удобство! С продуктами там тоже было очень хорошо: черный и белый хлеб покупали в лавке, молоко и картофель у хозяев, а мясо, овощи и некоторые ягоды привозили по определенным дням мясник и зеленщик. Масло, сметану, чернику, малину, морошку, бруснику приносили местные жители. Рыбаки продавали лососину, камбалу, салаку, угрей, на возах привозили копченую ряпушку, мальчишки продавали раков. Хозяйкам оставалось только платить деньги и стряпать.

---

[127] *Безо (Везу)* – курорт в Эстляндской губернии, ныне поселок Вызу (эст. Vosu) в Эстонии.

[128] *Рыбкин П. Н.* (1864–1948) – радиотехник, выпускник Петербургского университета, участник многочисленных экспериментов по беспроволочной телеграфии.

Сообщение из Петербурга тоже было удобное: девять часов по железной дороге, правда, спальных вагонов в этих поездах Балтийской железной дороги не было. Не было и плацкартных вагонов, но тогда к таким удобствам не привыкли и отсутствия их не ощущали. Ездили мы всегда во втором классе, в мягких вагонах с диванами, крытыми суконной обивкой (в первом классе диваны были бархатные). Выезжали вечером и приезжали часов в шесть-семь утра в город Везенберг[129]. От Везенберга до Безо было тридцать пять верст.

В 1898 году мы сняли дачу в самом начале поселка у эстонца по фамилии Швек, в ней было три или четыре комнаты и открытая терраса. У того же хозяина в глубине двора сняли маленькую дачку Красуские. У хозяина был огород, фруктовый сад, около дома росла черемуха и какие-то кусты, недалеко за забором протекал ручей, окаймленный зарослями черемухи и ольхи. Дача стояла у большой дороги, за которой виднелся смешанный лес. Мы привезли с собой жившую у нас домработницу-эстонку Мину, молодую, веселую, у которой дело так и горело в руках.

Тищенко Безо не понравилось, ни взрослым, ни детям. Они в течение многих лет проводили лето все в одной и той же деревне Лужского уезда по названию Малый Удрай, снимая там отдельную избу за двадцать пять рублей за все лето. Дорога туда и еда там были дешевые, жизнь самая простая, все крестьяне были им там приятели, оттуда у них были и домработницы, жившие по многу лет. Мальчикам Тищенко там было раздолье: в компании с деревенскими мальчишками они возили навоз на поля, удили рыбу, купались в речке Удрайке, ходили в лес за ягодами и грибами, смотрели, как косят сено, жнут рожь. В Безо им было скучно.

У матери последнее время стали болеть уши, и она стала хуже слышать. Этим летом болезнь настолько у нее обострилась, что решено было, что она поедет в город показаться врачу. Она лечилась у морского врача Михаила Валериановича Богданова-Березовского[130], хорошего специалиста, которого рекомендовал ей Федор Васильевич. Поездка ее продолжалась всего два дня, но я никогда нее расставалась с матерью и очень горевала из-за разлуки.

Вскоре после Нового года здоровье матери резко ухудшилось, то ли после простуды, то ли само по себе, но дело в том, что она начала температурить, усилился кашель. Доктор А. Е. Попова, которой она показалась, категорически заявила, что ей нельзя оставаться на весну в Петербурге и необходимо поехать в Крым. Начались сборы: Федор Васильевич написал в Ялту своему знакомому доктору и писателю Сергею Яковлевичу Елпатьевскому[131], просил его найти для матери помещение и пансион и следить там за ее здоровьем. Елпатьевский ответил, что комната с полным пансионом забронирована у художника Ярцева[132]. Решено было, что я поеду с матерью. Говорили, что если она поедет одна, то так будет тосковать об отце и обо мне, что никакой поправки не будет. Все знакомые и друзья приходили навещать мать, желали ей счастливого пути и скорейшего выздоровления.

Ехать надо было до Севастополя, а оттуда уже добираться до Ялты. Поехали мы в скором поезде в спальном вагоне второго класса. С нами в купе ехала дама, которая научила меня играть в карты в «66», и мы сражались с ней почти целый день. Мне очень понравилось смотреть в окно, но был февраль месяц, еще везде был снег. Из Севастополя в Ялту можно было ехать на лошадях или на пароходе. На лошадях мать не рискнула: было холодно, и она боялась простудиться, поэтому мы поехали на пароходе. На палубе было холодно, а в каюте мать скоро укачало, я ходила по ее поручению разыскивать горничную и просить у нее ломтики лимона от тошноты. В Ялту мы приехали утром и отправились прямо к Елпатьевскому. Осмотрев мать и дав ей кое-какие советы, Сергей Яковлевич поехал с нами к Ярцевым, на Гимназическую

---

[129] *Везенберг* – город в Эстляндской губернии, ныне город Раквере (эст. Rakvere) в Эстонии.

[130] *Богданов-Березовский М. В.* (1867–1921) – известный врач, отоларинголог.

[131] *Елпатъевский С. Я.* (1854–1933) – народоволец, русский, советский писатель. После 1917 г. работал врачом Кремлевской больницы.

[132] *Ярцев Г.* Ф. (1858–1918) – русский художник-пейзажист, архитектор и путешественник.

улицу. Дома в Ялте тогда не были нумерованы, и адрес наш был такой: Гимназическая улица, дача Ярцева.

Дом был большой, каменный, двухэтажный, а так как он стоял на косогоре, то с одной стороны был еще внизу третий этаж. Вокруг дома был молодой сад, во дворе хозяйственные постройки. С Ярцевым мать сразу договорилась обо всем, и мы заняли большую комнату с двумя окнами с видом на море. Я сразу же почувствовала себя как дома. Еще бы! Я попала в компанию из пяти девочек: старшая дочь Ярцевых, Мария, была больна костным туберкулезом, у нее было поражено колено, и она ходила на костылях, ей было пятнадцать лет, поэтому я мало с ней имела дела. Вторая дочь, Наталья, была на два года ее моложе. Средняя дочка, Ольга, была на полтора года старше меня, и мы скоро подружились. Следующая за ней, Татьяна, была девочка-сорванец, отец называл ее «Танька-поганка», ей было семь лет. Самая младшая, Анна, четырех лет, была больна хроническим нефритом после скарлатины. Кроме девочек Ярцевых, была еще одна дочка доктора, Зинаида, учившаяся в одном классе с Ольгой Ярцевой, и брат ее, Анатолий, был на два года ее старше. Такова была детская компания, в которую я попала и с которой я прожила около девяти месяцев.

Ярцевы всего несколько лет как поселились в Ялте, до этого они жили в горах в Ялтинском лесничестве, которым заведовал Григорий Федорович Ярцев. Моя приятельница Оля до сих пор не могла забыть, как хорошо было в лесничестве, и с упоением рассказывала мне о жизни среди природы, среди чудного соснового леса. Один раз летом мы ездили с Ярцевыми в это лесничество, и я убедилась, что Оля не преувеличивала, расхваливая красоты этого места. Григорий Федорович и теперь продолжал служить, не знаю, в каком учреждении, но расположенном в Ялте. Но, кроме того, что Григорий Федорович был лесничим и, возможно, геологом, он был еще художником-пейзажистом. Стены его громадного кабинета-мастерской все были увешаны картинами, изображавшими природу Сибири. Какое там было богатство и разнообразие красок, какая масса чудесных диких цветов, какие красивые и суровые виды! Мне эти картины очень нравились. Григорий Федорович продолжал работать и сейчас, на мольберте стояла неоконченная картина, и он временами, надев темную блузу, отправлялся в кабинет, и тогда входить туда было строго запрещено. Почему Григорий Федорович провел столько времени в Сибири, ездил ли он туда в экспедиции или был, может быть, сослан, меня это тогда не интересовало. Последнее предположение не лишено основания, так как в 1905 году Григорий Федорович был выслан из Ялты и переселился со всем семейством в Москву. Григорий Федорович был живой, энергичный человек, любивший пошутить с детьми, особенно с Таней, похожей на него и лицом и характером. Это был разносторонне образованный и культурный человек, он бывал у Чехова, к нему часто заходил художник Нестеров[133], последний даже писал этюд с Мани Ярцевой, в черном платке, накинутом на голову, она должна была изображать послушницу. В итоге лета 1899 года у Ярцевых проездом несколько дней прожил Горький с женой и сыном.

Анна Владимировна Ярцева были симпатичная, спокойная женщина, постоянно занятая семьей и хозяйством. В молодости она болела туберкулезом, и из-за ее здоровья Ярцевы и поселились в Крыму.

Теперь все опасаются, если рядом больной с открытой формой, а тогда как-то никто не отговаривал мать брать меня с собой, да и попали мы в такое туберкулезное окружение, где кроме нее самой были два человека с открытой формой, причем у Мани Ярцевой была рана на ноге. Через определенные промежутки времени врач приезжал ее перевязывать, причем это делали в столовой, где она обыкновенно лежала на диване. И никому это не казалось опасным, а мне, конечно, и в голову не приходило как-нибудь беречься.

---

[133] *Нестеров М. В.* (1862–1942) – художник, живописец, передвижник и участник «Мира искусства», лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Приехали мы в феврале, когда еще даже в Крыму не пахло весной, мы с матерью каждый день ходили гулять, но большую часть времени проводили в комнатах. Так как с приездом в Ялту уроки мои прекратились, то по утрам мать заставляла меня списывать русские и французские тексты, читать по-французски, писать отцу письма. Последнее я очень не любила, и отец справедливо жаловался, что я редко ему пишу. Кроме писем матери, он писал и мне, причем более крупным и четким почерком; начинались эти письма обыкновенно так: «Драгоценная моя Титика!»

В одном их этих писем он рассказал мне о происшествии, случившемся с Таней Поленовой. Окна их квартиры выходили в сад на Университетской линии (теперь Менделеевская линия). Он, как известно, огорожен чугунной решеткой, установленной на каменном фундаменте. Мы все любили залезать на эту каменную стенку и, держась за решетку, путешествовать по ней. Но Таня не ограничилась этим: она решила пролезть из сада на улицу, протиснувшись между прутьями решетки. Просунула голову, а дальше протиснуться не смогла. Когда же она захотела вернуться обратно, голова назад никак не лезла. Прибежавшие на ее крик и плач люди ничего не могли поделать, так что пришлось распилить один прут, и тогда голова освободилась. Писал он мне и про «вислоухого дуралея» (Андрюшу Тищенко), которого он очень любил.

Mademoiselle Valerie продолжала жить у нас. Где-то она познакомилась с молодым интересным офицером Николаем Степановичем Котурьенко[134], и он предложил ей выйти за него замуж. Молодая и неопытная Mademoiselle Valerie обратилась к отцу за советом: как ей быть. Он познакомился с Николаем Степановичем, тот ему понравился, и он посоветовал ей выходить за него. На свадьбе, которая скоро состоялась, Алексей Евграфович был посажёным отцом. Молодые вскоре уехали в Ташкент, куда был назначен служить Николай Степанович. Mademoiselle Valerie прислала нам с матерью трогательное письмо, в котором благодарила ее и отца за хорошее, отеческое отношение к ней. У меня хранится карточка, где они сняты после свадьбы. Лет семь спустя она заходила к нам и привезла карточку, на которой были сняты трое ее детей; девочка была названа в честь меня. Все трое были замечательно красивы. Жили они с мужем очень хорошо, так что она всегда с благодарностью вспоминала отца, разглядевшего в Николае Степановиче хорошего человека и посоветовавшего ей принять его предложение.

[134] Котурьенко Н. С. был поручиком 3-го Туркестанского стрелкового батальона.

Фото 20. Наталья Павловна и Татьяна Алексеевна Фаворские в Ялте. 1899 г.

Весна в Крыму быстро двигалась вперед: зацвели глициния, иудино дерево[135], миндаль, персики, абрикосы. Мы с матерью ходили гулять в городской сад и в запущенный Дондуковский парк или гуляли по набережной (фото 20). В Ялте в то время на набережной были всевозможные очень хорошие магазины: мануфактурный магазин Пташникова, писчебумажный магазин Синани и др.

26 мая (старого стиля) исполнилось сто лет со дня рождения Пушкина. Вся Россия праздновала этот юбилей, праздновали его и в гимназии, где учились дети Ярцевых. Был устроен утренник, где ученицы разных классов читали и декламировали отрывки из разных произведе-

[135] *Иудино дерево (церцис европейский)* – кустарник или дерево, густая крона которого имеет форму шара.

ний или целые стихотворения. В числе выступавших была и Оля. Мне этот праздник страшно понравился. До этого времени я не читала Пушкина, прочитанный на празднике отрывок из «Дубровского» произвел на меня большое впечатление. Придя домой, я сразу же попросила дать мне Пушкина и с упоением прочитала «Дубровского», а затем и другие его произведения.

В это время во Франции слушалось «дело Дрейфуса»[136], а в далекой Африке началась Англо-бурская война[137], все взрослые с волнением и интересом следили за этими событиями по газетам. В одном из своих писем отец писал нам по этому поводу: «Молодцы, буры! Они затмили даже Дрейфуса». У отца кончились лекции и экзамены, и мы со дня на день ждали его приезда.

Когда мать отправлялась в Крым, то говорили, что мы проживем в Ялте до лета, а потом поедем на кумыс. Но вот приехал отец, мы ему страшно обрадовались, к нам в комнату поставили еще одну кровать, и мы зажили втроем. Почему-то разговоры о поездке на кумыс прекратились, и решено было остаться на лето в Ялте. Отец вскоре близко сошелся с Григорием Федоровичем и вел с ним длинные, интересные для обоих разговоры. Иногда мы совершали всей компанией далекие прогулки в экипажах: на Ай-Петри, в лесничество, в Алупку. В конце лета отец совершил с Григорием Федоровичем и некоторыми знакомыми интересную экскурсию в горы, в татарскую деревню Узенбаш. Они ночевали у костра в какой-то пещере. Вся деревня утопала в садах, место было очень красивое и живописное, горная речка, несущаяся по каменистому ложу, очень оживляла пейзаж, горы были покрыты чудным лесом. Фрукты уже поспели, и деревья в садах ломились под тяжестью плодов. Отец говорил, что татарские ребятишки, когда поспевают фрукты, целыми днями пропадают на улице, приходят домой только ночевать, ничего дома не едят, так как питаются в это время одними фруктами.

Погода стоял хорошая, и все мы большую часть времени проводили на воздухе. Мать, конечно, не купалась, а отец и мы, дети, каждый день ходили купаться в море. В самой Ялте были в то время устроены купальни с кабинками для раздевания и с лесенками, по которым можно было спускаться в воду.

В конце августа отец уехал в Петербург, мы же с матерью должны были еще осень провести в Крыму. Наступила осень, Оля и другие старшие девочки ходили в гимназию, я скучала без Оли, с которой мы очень подружились. Чаще прежнего я сидела на каменных уступах лестницы и мечтала о доме, о своих подругах, об Андрюше, об отце, о своем, милом, родном. Наконец, в начале ноября мы тронулись в обратный путь. С Олей мы очень нежно простились, обменялись придуманными нами амулетами и обещали часто писать друг другу. Ярцевы сердечно с нами распрощались, проводили нас на пароход.

Мы, в общем, отсутствовали около девяти месяцев, по школьным занятиям я пропустила не больше четырех месяцев благодаря тому, что Мария Федоровна рано уезжала с Таней в Павловское и поздно оттуда приезжала, и мне не стоило никакого труда догнать остальных учеников. В школе произошли в это время некоторые перемены: арифметику вместо Натальи Павловны преподавала знакомая Марии Федоровны, жена геолога Клеменца [138]. Наша дружба с Андрюшей нисколько не пострадала от длительной разлуки, что же касается Тани и Липы, то первое время в наших отношениях чувствовался известный холодок. Это было вполне понятно, так как, с одной стороны я часто вспоминала Олю, которую в то время считала своей

---

[136] *«Дело Дрейфуса»* (1894–1906) – процесс во Франции по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского генерального штаба, еврея родом из Эльзаса, капитана Альфреда Дрейфуса, в ходе которого была доказана его невиновность, а первоначальный обвинительный приговор был отменен, а Дрейфус оправдан. Дело получило большой общественный резонанс и сыграло значительную роль в истории Франции и Европы конца XIX – начала XX в.

[137] *Англо-бурская война* (1899–1902) – превентивная война бурских республик против Британской империи. Южно-Африканская республика (Трансвааль) и Оранжевое Свободное государство в войне потерпели поражение.

[138] *Клеменц Д. А.* (1848–1914) – этнограф, археолог, географ, революционер-народник, выпускник Петербургского университета.

первой подругой и о которой я им много рассказывала, с другой стороны, они привыкли быть вдвоем и ближе подружились. До моего отъезда мы с Таней были более дружны, с Липой мы были менее близки. Но это кратковременное охлаждение скоро кончилось, и мы стали тремя неразлучными подругами. Липа была серьезнее и глубже по натуре и в этом отношении больше мне подходила, Таня была попроще, поленивей, но зато веселее и шаловливей, кроме того, мы с ней виделись не только в школе и на улице, но и на уроках французского языка. Французским мы теперь занимались с Mademoiselle Adile, сестрой Mademoiselle Valerie. Андрюша с нами больше французским не занимался, да и в школе нашей он и Коля Егоров учились последний год, так как весной должны были поступать в первый класс гимназии, в котором уже начинался латинский язык.

Кроме встреч со старыми друзьями, так приятно было перечитать свои старые книги, рассматривать свои любимые вещицы, опять жить одной в своей комнате. Дни проходили размеренно и однообразно, но приятно и не скучно. Утром с девяти до двенадцати школа, потом – завтрак, прогулка, чаще всего с Таней, а то и целой компанией, потом три раза в неделю уроки французского языка, потом обед, вечером приготовление уроков и чтение книг. У нас в то время еще не было электричества, пользовались керосиновыми лампами и свечами. Раз я чуть не наделала пожар. После обеда я ушла к себе в комнату и во время приготовления уроков уронила на пол резинку, которая закатилась под стол. Комната освещалась одной керосиновой лампой с белым фарфоровым абажуром, на котором для красоты и смягчения света был надет красивый бумажный зеленый абажур. Чтобы найти резинку, я зажгла свечку и полезла с ней под стол. Найдя резинку, я стала вылезать из-под стола и, еще не поднявшись, поставила не глядя подсвечник с горящей свечой на стол. Когда я встала, то увидела, что свеча стояла рядом с лампой под самым абажуром, который вспыхнул и загорелся. Я испугалась и закричала: «Ой, папа!» Отец, сидевший рядом в столовой, одним прыжком очутился в комнате, схватил абажур рукой и затушил его. Этот призыв к отцу совершенно бессознательно вырвался у меня, как призыв к человеку, который все может и от всего защитит.

Наступила зима, близилось Рождество, а с ним и каникулы, и веселые елки. Каждый год мы бывали на четырех елках: у Коноваловых, у Тищенко, у Поленовых и у нас. У Коноваловых елку устраивали всегда в сочельник, 24 декабря, накануне Рождества. Кроме Тани Поленовой, меня и Тищенко, других гостей у них не бывало, зато они всегда дарили всем детям – и своим, и гостям – подарки. У Тищенко подарков не полагалось, елка была меньше и скромнее украшения, но веселились мы немало, с нами там всегда возилась М. Н. Рыбкина, приходившая на елку вместе с матерью, у них елка бывала всегда на первый день Рождества. У Поленовых не было определенного дня для елки, и они не всегда ее устраивали. Один раз, помню, на елке были супруги Кустодиевы, они дружили с Поленовыми и почти каждое лето проводили у них в Павловском. Среднерусская природа этого имения привлекала художника[139] и нашла отражение в его картинах. У нас елка устраивалась всегда 31 декабря.

Отец был очень гостеприимен и любил встречать Новый год в компании. Так как матери трудно было два раза устраивать приемы гостей, то елка приурочивалась к встрече Нового года. Сначала был детский праздник, потом часть гостей уходила с детьми, а другие приезжали к двенадцати часам. Кроме Коноваловых, Тищенко и наших школьников, на елке бывали дети Бианки, Вуколовы и другие. Играли, водили хороводы, потом пили чай. Для устройства этого угощения посылали обычно Петра Малафеева на Щукин двор (фруктовый рынок) и покупали ящик мандарин, ящик синего изюма на ветках, яблоки розмарин[140]. Из конфет обычно подавали пастилу и соломку. Дома пекли большой крендель. На металлических подставках были

[139] *Кустодиев Б. М.* (1878–1927) – художник, портретист, театральный художник, декоратор, академик живописи.

[140] *Розмарин* – зимний сорт яблок. Происходит из австрийского Тироля.

насыпаны всевозможные орехи: грецкие, кедровые, американские[141]. На фарфоровых тарелках наложены были разнообразные пряники. Часов в десять гости расходились, а в одиннадцать съезжались другие, для встречи Нового года. Пока я была мала, меня укладывали спать, а потом и я стала встречать Новый год вместе со всеми и с Андрюшей. В этом году встреча Нового года была особенная, наступал не только Новый год, но и новый, двадцатый век. Поздравляя друг друга, люди говорили: «С Новым годом, с новым веком!»

Незадолго до Рождества к нам приехала из Сибири Мария Павловна, сестра матери. Она прожила в Сибири довольно долго; она любила хорошо одеться, знала много пословиц, поговорок и прибауток, могла в компании и выпить и повеселиться. В Сибири за нее сваталось немало молодых людей из купеческого звания, но Мария Павловна за них не пошла и замуж так и не вышла. Мою мать любили все сестры за ее добрый и милый характер. Мария Павловна, приехав в Петербург, устроилась работать в железнодорожной пенсионной кассе и стала жить у нас, помогая матери по хозяйству. Я была от природы застенчива, но ласкова и приветлива со всеми приезжавшими к нам родственниками. Так было и с Марией Павловной. Я звала ее вначале Машенькой и стремилась с ней подружиться, но ничего из этого не вышло. Мария Павловна прожила в нашей семье сорок пять лет, но за все это время не с кем не была дружна настоящей дружбой и никого не любила настоящей глубокой любовью. Как-то, глядя на почерк сестры – ровный, всегда одинаковый, четкий, типично канцелярский, – мать сказала мне, что часто по почерку можно сказать о характере человека и что у Марии Павловны характер такой же, как и почерк: ровный, педантичный, без глубоких и тонких чувств, без настоящей культуры. Мария Павловна была привязана ко всем членам нашей семьи, но как-то однообразно, без чувства самопожертвования, никогда не забывая о самой себе. Она была привязана ко всей семье, к дому. Она была скрытной и не бывала ни с кем до конца откровенной. Впоследствии наши отношения были вполне хорошими, мы не спорили и не ссорились, но близости между нами никогда не было (фото 20А).

[141] *Американские орехи* – крупные, продолговатые плоды южноамериканского дерева бертолеция.

Фото 20А. Мария Павловна Дубровина

Мария Павловна помогала и в организации елки, и встрече Нового года. В этом году она купила и подарила мне забавную игру – «Гадание конца века», которая развлекла собравшихся гостей, как детей, так и взрослых, и пользовалась успехом в течение ряда лет.

В первый день Нового года после утреннего чая в столовой устраивался парадный стол. Расставляли большой стол, постилали новую красивую скатерть и расставляли угощенье. Здесь красовался окорок ветчины, которую готовили дома: сырокопченый окорок обмазывали тестом из ржаной муки и запекали в духовке на большом глубоком листе, когда остынет, снимали корки черного хлеба и помещали окорок на блюдо. Такая ветчина была гораздо вкуснее вареной. Кроме окорока ставили на стол различные закуски: сардины, шпроты, омары, сыр, большой крендель занимал центральное место, вазы с вареньем, конфетами и фруктами довершали убранство стола. Отец в сюртуке и белом галстуке, мы с матерью в нарядных платьях ждали прихода визитеров. До революции был обычай: в первый день нового года и в первый день Пасхи мужчины, особенно молодые, ходили в знакомые семейные дома или к своим начальникам и учителям поздравлять с праздником. Приходивших усаживали за стол, угощали, поили

чаем или кофе, минут через двадцать-тридцать визитер уходил – спешил с новым визитом, а вместо него появлялись другие. На моей памяти отец уже почти никуда не ходил с визитом, а только принимал поздравления дома. Визиты продолжались часов до четырех. 1 января в газете «Правительственный вестник» печатали списки лиц, получивших новые чины и ордена. Награжденных поздравляли тогда с «монаршей милостью».

После Нового года редко где устраивали елки. 5 января обыкновенно у нас разбирали елку, все украшения складывали в коробки и убирали до нового Рождества, а саму елку Петр уносил во двор. 6 января был праздник Крещения, после которого, 7 января, начинались занятия в гимназиях и вузах, а также и в нашей школе.

Отец мой, как я уже говорила, был гостеприимен, любил собрать гостей и с ними поговорить, покушать и в меру выпить. Из-за болезни матери часто устраивать такие сборища было нельзя, но все же два-три раза в год гости у нас бывали: под Новый год, на именины Алексея Евграфовича (17 (30) марта) и среди года «на пельмени». Состав гостей не всегда был одинаков: иногда собирались только близкие знакомые и родственники, иногда же отец приглашал товарищей-сослуживцев, профессоров физико-математического факультета: А. М. Жданова, В.Т. Шевякова[142], А. А. Иностранцева[143], В. И. Палладина[144]. Со Ждановым они были не просто знакомы, но и дружны. Он иногда приходил вечерком посидеть с отцом за пивом и сигарами. Отец сам сигар не курил, разве только в компании со Ждановым, но у него в ящике письменного стола всегда стоял ящичек с душистыми гаванскими сигарами. Так как табачный, а в особенности сигарный дым очень вреден для больных легких, то Жданова отец всегда принимал в своем кабинете, после ухода гостя кабинет длительно проветривали от голубого сигарного дыма.

Пельмени бывали всегда за обедом, который подавался у нас в половине шестого. Завтракали мы всегда в половине первого, вскоре после завтрака приходили сначала гостьи-помощницы, а потом и гости мужского пола. С обеденного стола снимали скатерть, мать садилась за стол и только распоряжалась, пробовала и лепила немного пельменей. Гости распределяли между собой работу: кто делал тесто, кто рубил мясо. Домработница пропускала его на кухне через мясорубку, так же как и определенное количество луковиц и жира, а потом приносила в столовую и больше уже ничего не касалась. Время от времени в мясо подливали воды, а зимой клали чистый снег и рубили его сечкой до тех пор, пока не получалась однородная сыроватая масса. Когда мясо и тесто были готовы, начинали делать пельмени: два или три человека раскатывали сочни, остальные лепили одну сотню пельменей за другой. Пельмени готовились из расчета тридцать штук на человека. Перед обедом мать уходила немного полежать. Накрывали на стол, ставили закуски, водку, вино. Желающим подавали бульон, а затем пельмени с уксусом и перцем. На сладкое был обыкновенно компот из яблок, апельсин, чернослива и чищенных грецких орехов. Гости-профессора – Шевяков и Иностранцев – бывали реже других гостей. Иностранцев был известный геолог-палеонтолог, открывший доисторического ящера, названного в его честь, он изучал доисторического человека, жившего на берегах Ладожского озера. Прекрасно изданная монография, посвященная этим исследованиям, была презентована им Алексею Евграфовичу. Иностранцев любил общество, не дурак был выпить и поухаживать за дамами, любил при случае сострить.

В то время, как и теперь, по определенным дням происходили заседания совета факультета и совета университета. После этих заседаний, особенно после заседаний факультетских, члены совета, и отец в том числе, заходили в какой-нибудь ресторан, чаще всего в ресторан

---

[142] *Шевяков В. Т.* (1859–1930 – российский зоолог, профессор Петербургского университета, чл. – кор. Петербургской АН (с 1917 г. – РАН).

[143] *Иностранцев А. А.* (1843–1919) – российский геолог, профессор Петербургского университета, чл. – кор. РАН с 1917 г.

[144] *Палладии В. И.* (1859–1922) – российский биохимик и физиолог растений, академик Петербургской АН с 1914 г. (с 1917 года – РАН).

Лейнера[145] на Невском, закусить и выпить. Отец любил вкусно покушать, он потом рассказывал, что в ресторане он заказывал мателот[146] из налима или какую-то особенную селянку из осетрины, он вообще любил хорошую рыбу. Закусив и немного выпив, профессора расходились по домам.

Но вот настала весна, Андрюша Тищенко держал экзамены в первый класс Ларинской гимназии, помещавшейся на шестой линии Васильевского острова. Почему эта гимназия носила название Ларинской, не знаю, большинство гимназий имели просто определенный номер[147]. На пряжке ремня у Андрюши были вырезаны буквы СПЛГ, то есть Санкт-Петербургская Ларинская гимназия.

Таким образом, мальчики Андрюша и Коля выбывали из нашей школы, в которой оставались четыре девочки. Решено было, что в будущем учебном году мы будем заниматься по программе первого класса частной школы женской гимназии Эмилии Павловны Шаффе[148], где уже училась старшая сестра Тани Поленовой – Наташа. В первом классе там проходили два языка: французский и немецкий. Таня и Липа уже занимались немецким, каждая со своей учительницей. Чтобы я быстрее овладела этим языком, решено было взять немку в дом. По сделанному объявлению приходило несколько желающих поступить к нам. Выбор матери остановился на пожилой уже немке Эльвире Бирзак. Не знаю, чем она привлекла мать, мне она сразу не понравилась. Она поехала с нами на дачу в Безо, где мы жили два года тому назад. На этот раз мы поселились не у Швека, а на даче Вольмана, там мы прожили восемь лет подряд. На этой даче было четыре комнаты и две террасы: одна закрытая, другая открытая – для плохой и хорошей погоды, они служили столовыми. Закрытая была много меньше открытой, погода в Безо никогда не бывала жаркой: девятнадцать-двадцать градусов Реомюра[149] считалось чрезвычайной жарой, в таких случаях стол выносили под сосны и мы там обедали, это случалось не чаще двух-трех раз за лето, и то не каждый год, поэтому закрытой террасой пользовались чаще, особенно по вечерам. Перед этой террасой была небольшая, усыпанная гравием площадка, к концу лета она была густо усеяна окурками выкуренных Алексеем Евграфовичем папирос. Почему он использовал ее в качестве пепельницы, хотя таковые имелись в доме, и почему мать не протестовала против такого безобразия, не знаю, тем более что выбирать окурки из покрывавшего площадку крупного гравия было очень нелегко. По краям площадки были устроены две клумбы.

Алексей Евграфович очень любил цветы и каждый год привозил большую четырехугольную лучинную корзину с тщательно упакованной рассадой, которую он брал в университетском саду. Он сам высаживал рассаду на клумбы: я ему подавала из корзины требуемые сорта, осторожно разворачивая бумагу, в которую был упакован каждый ком земли вместе с цветком. Он сам подвязывал цветы, поливал и удобрял их конским навозом. Навоз он собирал на месте стоянок почтовых лошадей: он брал корзинку и совок и набирал полную корзину этого ценного удобрения. При поливке он разводил в лейке немного навоза и такой навозной водой поливал свои цветы. Немудрено, что цветы его росли прекрасно и считались самыми лучшими в Безо. При прощании с навещавшими нас знакомыми дамами он часто дарил им по маленькому букетику цветов. Идя на какой-нибудь детский праздник, я часто украшала себя цветами души-

---

[145] *Ресторан Лейнера* – ресторан на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. Владелец – Ф. О. Лейнер. Ныне в этом помещении «Литературное кафе».

[146] *Мателот* — рыбное блюдо французской кухни. В основе – отварная рыба, залитая соусом.

[147] *Ларинская гимназия* – четвертая гимназия Санкт-Петербурга. Открыта в 1836 г. по инициативе С. С. Уварова. Названа в память купца П. Д. Ларина. Он пожертвовал свой капитал еще при Екатерине II, и эти средства находились в распоряжении Министерства просвещения, что и позволило открыть гимназию.

[148] *Шаффе* З. *П.* (1827–1906) – педагог, возглавляла частную женскую школу. Гимназия Э. П. Шаффе располагалась на углу Большого проспекта и 5-й линии В. О. (ныне – здание средней школы № 21 им. Э. П. Шаффе).

[149] *Градус Реомюра* – единица измерения температуры, в которой температуры замерзания и кипения воды приняты за 0 и -80° соответственно. Шкала Реомюра вышла из употребления.

стого горошка. Дальше за клумбами была тянувшаяся вдоль этой стороны зеленая лужайка, на которой росло несколько яблонь, на которых никогда не было яблок, и кусты красной смородины. За ней вдоль забора росло штук восемь больших рябин, а между ними и перед ними были сплошные заросли кустов жимолости, рябинника.

Открытая терраса была расположена с другой стороны дома, с этой стороны участок представлял собой нетронутый кусок соснового леса, гораздо большего размера, чем окультуренная часть участка. Кроме больших строевых сосен, там было множество сосен различного размера; среди сосен была достаточно большая и довольно ровная площадка, на которой мы играли в крокет, не смущаясь некоторым количеством корней, через которые приходилось перескакивать нашим шарам. Там была горушка, на которой росла в изобилии брусника, а в другом месте были заросли черники. В августе у нас на участке росли грибы: маслята, моховики, сыроежки. Словом, и дача, и участок были не в пример лучше, чем у Швека. А кроме того, для меня там было еще одно громадное преимущество: у хозяев были дети моего возраста. Хозяин наш, Яков Вольман, работал старшим приказчиком в лавке купца Лангсеппа. Он был уже немолодой человек, приветливый и ласковый, очень плохо говоривший по-русски. В лавке он всегда был одет в жилет и пиджак и рубашку с крахмальным воротником, но без галстука. Здесь нужно сказать, что земля, на которой было расположено Безо, и вся земля вокруг принадлежала не крестьянам, которые ее обрабатывали, а различным немецким или, как тогда говорили, остзейским[150] баронам. Многие из этих имений были майоратами, то есть переходили после смерти владельца к старшему в роде и не могли продаваться. Поэтому помещики, чтобы получить доход с земли, отдавали ее крестьянам в аренду. Так и все Безо было построено на арендованной земле. Владельцем этой земли был барон фон дер Пален, потомок того барона Палена[151], который был одним из убийц Павла I. Он жил в своем имении Пальме, верстах в двенадцати от Безо.

Хозяин наш был женат второй раз. От первой жены у него было трое детей: сын и две дочери. Мать их умерла в молодости от чахотки, тогда отец их женился на ее сестре, тетке этих сирот. Когда у них родился сын, ее разбил паралич, отнялись ноги, бедная молодая еще женщина осуждена была всю жизнь лежать в постели. Домашним хозяйством заведовала ее мать – бабушка всех этих детей. В этой семье муж-хозяин был главой дома, по мягкости характера Вольмана он не был строгим хозяином, но если уж он высказывал какое-либо пожелание или приказание, его слушались беспрекословно. Девочки много помогали по хозяйству: доили коров, чистили на ручье медную посуду, собирали ягоды, помогали на кухне. Первое лето я мало играла с ними: они очень плохо говорили по-русски, говорили по-эстонски и по-немецки, а я немецкого еще не знала.

Этим летом у меня была еще одна забава: весной отец подарил мне щенка пуделя, которого мы назвали Бой. Он был не совсем породистый, черный, но кончик морды, грудь и концы лап у него были белые. У хозяев тоже были две похожие на пуделя собаки: черная – Неро и белая – Танец. Когда я шла с кем-нибудь гулять, все три собаки сопровождали меня.

По утрам я занималась немецким, читала, писала, но не говорила, немка как-то не умела приохотить меня, а так как она говорила по-русски, то я могла с ней прекрасно объясняться. Кроме немецкого, у меня было еще одно занятие. Весной отец купил мне рояль, и я стала учиться музыке с Екатериной Александровной Егоровой. Чтобы не забыть то немногое, что я успела выучить, во время трехмесячных каникул, я каждый день по часу играла на рояле. Один лавочник имел кроме лавки два дома: в одном он жил сам, второй дом стоял пустой, в нем в двух комнатах стояли рояли, на которых играли дачники и их дети, платя лавочнику

---

[150] *Остзейский край* – немецкое название прибалтийских губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской (современная территория Эстонии и Латвии).

[151] *Пален П. А. фон дер* (1745–1826) – граф, генерал от кавалерии, военный губернатор Петербурга.

определенную плату за час игры ежедневно в течение лета. В этом доме была еще открытая терраса, на которой каждый год устраивали любительские спектакли. Оба дома были расположены рядом с нашей улицей, на противоположной стороне улицы. Улица наша была безымянная, как и все остальные, за исключением одной длинной прямой улицы, проходившей вдоль побережья. На этой Морской улице было расположено главное количество дач. От нас до моря было минут пятнадцать ходьбы.

У нас и этим летом не обошлось без гостей: гостил Н. А. Прилежаев, Мария Павловна проводила свой отпуск, гостила Софья Александровна Рукина, подруга матери по гимназии. Софья Александровна бывала у нас только летом – она работала фельдшерицей в детском госпитале дворцового ведомства, в коревом отделении. В Зимнем дворце жило большое количество различных служащих, многие с семьями, с маленькими детьми. Как только кто-нибудь из этих детей заболевал инфекционной болезнью, его тотчас же увозили и помещали в дворцовый госпиталь из опасения заразить царских детей. Летом все детское население дворца разъезжалось, и детское отделение госпиталя ремонтировалось, а Софья Александровна получала отпуск и возможность пожить с любимой подругой. Зимой она к нам не ходила из опасения заразить меня корью. Софья Александровна не блистала красотой, но я с ней дружила, любила ходить с ней гулять и слушать рассказы о ее маленьких пациентах. Софья Александровна не была замужем, отец подтрунивал над ней, дразнил ее какой-то «симпатией». Позднее я узнала, что у нее действительно был давнишний преданный друг, но она его никому не показывала, считая, что он ей не пара, он был не то столяр, не то другой какой-то мастер. В этом году приезжал к нам ненадолго Андрюша Тищенко, семья его по-прежнему жила в Удрае.

Я любила гостей и часто, заслышав почтовые колокольчики, я подбегала к воротам посмотреть, не к нам ли едут, а возвращаясь с купанья или прогулки и видя следы колес около наших ворот, решала по их виду, оставлены ли они почтовой каретой или телегой кого-либо из поставщиков продуктов.

Я стала старше и чаще сопутствовала отцу в его летних развлечениях: удила с ним форелей в ручье и ходила с ним за грибами. У нас была еще одна общая забава: в начале лета отец нашел выпавшего из гнезда птенца зяблика, принес его домой, и мы с ним выкормили его. Любимой едой его были мухи, отец научил меня ловить их, осторожно подкрадываясь к сидящей мухе согнутой ладонью и ловя ее быстрым резким движением. Зяблики постоянно издают резкие короткие звуки, и мы назвали нашу птичку Фенькой. Фенька скоро стала летать по комнате, стала совсем ручная, садилась отцу на плечо или на голову и клевала его волосы. Мы увезли ее в город, и она много лет жила в клетке с другими моими птицами.

В конце августа начинали готовиться к отъезду: заказывали лошадей, упаковывали вещи, накануне отъезда относили взятую напрокат посуду и лампы и вечером освещались свечами, воткнутыми в пустые бутылки. Утром вставали с рассветом, складывали постели, я вооружалась ножницами и срезала все цветы для букета, который мы отвозили в город. Вот уже звенят колокольчики, карета и коляска у ворот. Больше всех волнуется мой Бой, я веду его на цепочке, в карете он устраивается у окна и смотрит на дорогу. Четверка лошадей быстро мчит нашу карету. На полдороге привал, через три часа мы в Вениберге, подают поезд, и через девять часов подъезжаем к Петербургу, в окно вагона видим встречающего нас Петра Малафеева. Карета уже ждет нас, дома нас встречает Мария Павловна. Напившись чаю, усталые, мы ложимся спать, а наутро начинается городская жизнь.

Андрюша уже гимназист, он с грустью вспоминает, как хорошо было в нашей школе. Таня Поленова еще не приехала, а Коноваловы уже в городе. Они каждое лето ездили в имение отца Варвары Ивановны Лозоватка, Верхнеднепровского уезда, Екатеринославской губернии. В этом году наша школа устраивается в другом месте, не у Поленовых, а у Каракаш. У них был собственный дом на 5-й линии, в одной из квартир которого они жили сами. Николай

Иванович Каракаш[152] был родом с Кавказа, смуглый, горбоносый и черноглазый, он имел ярко выраженный восточный облик. Вера Ивановна была высокая, полная женщина с пенсне на близоруких глазах. Кроме Нины у них был сын Михаил[153], учившийся в гимназии, старше нас на два года. У нас с ним была постоянная война. Дело в том, что наши парты поставили в его комнату, ему это, конечно, не понравилось, и он требовал, чтобы мы, уходя, составляли их в угол, а мы этого не делали. Мы кончали занятия в 12:00, он обычно в это время был еще в гимназии, но иногда он приходил раньше и заставлял нас убирать парты. Мы же бежали в переднюю одеваться, он нас ловил, и у нас начиналось потасовка. Миша Каракаш унаследовал от матери прекрасной баритон и пел потом в Мариинском театре. Мы с Андрюшей ходили на его дебют, он пел партию Онегина и имел большой успех. Это был лучший Онегин, которого я слышала: молодой, высокий, стройный, красивый, он пел замечательно хорошо. Так странно было тогда вспоминать наши детские стычки.

Число предметов в этом году увеличилось: мы проходили географию, русскую историю. Эти предметы нам стала преподавать М. Ф. Поленова. Надежда Ивановна по-прежнему преподавала русский язык и естественную историю, Елизавета Евграфовна – Закон Божий, а для уроков арифметики была приглашена Елена Ивановна Отто, преподавательница одной из женских казенных гимназий. Она была женой офицера, преподавателя Первого кадетского корпуса и жила в здании этого корпуса на Кадетской линии вместе с матерью и маленькой дочкой Юлей. Мы ее однажды там навестили. Кроме русского языка, Надежда Ивановна по-прежнему занималась с нами пением, пели мы в кабинете Николая Ивановича, где стоял большой концертный рояль.

Идя в школу, мы брали с собой по яблоку, которое можно было съедать на одной из перемен. Мы не ели каждый свое яблоко, а делили каждое яблоко на три части, чтобы у всех было одинаково. Делить на три равные части не так просто, лучше всего это удавалось мне, почему я получила прозвище «общий наибольший делитель» (мы как раз проходили этот раздел арифметики). Три части получались потому, что Нина ела свое яблоко, которое было предварительно наколото гвоздем. От такого накалывания оно становилось совсем черным, это считалось очень полезным, благодаря образованию яблочно-кислого железа. Нина страдала малокровием и ела такое яблоко в качестве лекарства.

Кончали мы уроки в двенадцать, на обратном пути мы наблюдали, как закусывали ломовые извозчики; в этом районе было много различных складов, а поэтому и много ломовых извозчиков, которые около двенадцати устраивали перерыв и подкреплялись едой. В Волховском переулке была конная винная лавка, мы наблюдали, как, выходя из нее, извозчик обивал сургуч, которым был запечатан «мерзавчик» (теперешняя «маленькая») о гранитную тумбу у ворот, которая от этого была окрашена в красивый цвет, затем вышибал пробку, стукнув по дну бутылки рукой, и опрокидывал горлышко себе в рот и бросал опорожненную бутылку в угол. Закуску они покупали у «Петра в лавочке», так называлась мелочная лавка рядом с университетской столовой, теперь это здание входит в состав Оптического института. Там, помимо всего прочего, продавали куски пирога из белой муки и с начинкой из гречневой каши. Подходя к дому, мы часто видели, как по ступенькам крыльца спускается извозчик в жилете с красным передом, с кнутом за поясом и откусывает от большого куска такого пирога, а около тротуара стоит, устало опустив голову, запряженная в телегу ломовая лошадь.

Когда мы начали изучать географию, отец купил мне карту обоих полушарий и повесил ее на стене в моей комнате; мы с Андрюшей почти каждый день с громадным удовольствием занимались изучением этой карты, особенно привлекали нас названия гор, морей, заливов и

---

[152] *Каракаш Н. И.* (1862–1916) – геолог и палеонтолог, хранитель геологического кабинета Петербургского университета, приват-доцент.

[153] *Каракаш М. Н.* (1887–1937) – российский оперный певец, педагог по вокалу, режиссер, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета и Петербургской консерватории.

островов, расположенных в далеких тропических странах. Саргассово море, море Зулу и тому подобное страшно нам нравились. Каждый день мы открывали на карте какую-нибудь новую подробность. Отец и сам любил географию, он тоже рассматривал карту и время от времени начинал нас экзаменовать.

Другим любимым занятием у нас с Андрюшей в это время было рассматривание рисунков в «Жизни животных» Брема. Незадолго до этого отец подписался на полное издание этого замечательного труда и отдал переплести все десять томов. Мы садились с Андрюшей на диван, брали один из томов Брема и уславливались, чья будет правая, чья – левая страница, начинали осторожно перелистывать и рассматривать, какие животные будут изображены на Андрюшиной странице, какие – на моей. Мы хорошо изучили почти все тома, и сколько было радости, когда любимый рисунок попадал на мою страницу.

Кроме химических книг и журналов, отец приобретал и классику: собрание сочинений Л. Н. Толстого, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, подписался на сто сорок четыре тома собрания сочинений иностранных писателей – Диккенса, Вальтера Скотта, Доде, Золя, Бальзака, Флобера, Жорж Санд, Эдгара По – и на собрания сочинений Мопассана и Теккерея. Мне он подарил собрание сочинений Андерсена. В это же время он приобрел и свою любимую книгу «Спартак» Джованьоли.

Этой же осенью у нас перед окнами каждый день можно было наблюдать необычное зрелище: постройку трехэтажного флигеля. В наши дни в нем живут дворники. Флигель этот был специально построен для служителей химических лабораторий и других лиц, обслуживающих это здание. В 1894 году, когда было закончено здание химической лаборатории, все эти лица получили комнаты в подвальном этаже, но, так как там оказалось достаточно сыро, решено было построить для них рядом с химической лабораторией специальное здание. На том месте, где его построили, раньше росли тополя, посаженные, как тогда говорили, еще при Екатерине II. Стволы их были в два обхвата толщиной, за ними находилась стена кондитерской фабрики Журкина[154], деревья были сильно наклонены от стены к дороге и, ввиду их старости, грозили обвалом. Их спилили, пни и корни выкорчевали, стволы распилили на части и некоторые наиболее толстые чурбаны поставили в виде круглых столов в саду и во дворе, сделав около них скамейки. Я любила стоять у окна и наблюдать за работой каменщиков, это было совсем не то, что теперь. Строящийся дом был окружен деревянными лесами, от этажа к этажу вели деревянные лестницы – трапы, по которым вверх и вниз шли носильщики, у них за спиной были укреплены деревянные подставки с высокой спинкой, доверху наложенные кирпичами. Медленно, нагнувшись вперед, поднимались они наверх и складывали свою ношу у каменщиков, возводивших стены.

Апрель был у нас, школьниц, самый занятый месяц в году: в конце его мы сдавали экзамены во второй класс гимназии Э. П. Шаффе, в апреле повторяли пройденное и усиленно упражнялись. Наша школа была наглядным примером того, как много значит разумное руководство и небольшой коллектив учащихся: за шесть месяцев мы успешно проходили материал всего учебного года, на который в гимназии тратится не меньше восьми месяцев, причем всеми предметами, кроме языков, мы занимались всего лишь по три часа в день. Теперь в первый класс поступают неграмотные семилетние ребята, в наше время в первый класс поступали десяти и даже одиннадцати лет и при поступлении сдавали экзамены по всем предметам: русский язык, арифметика, Закон Божий. Экзаменуясь во второй класс, мы сдавали русский язык устно и письменно, арифметику, Закон Божий, французский и немецкий язык и географию. Хотя я занималась с немецким языком всего один год, я сдала экзамен очень хорошо, но разговаривать свободно по-немецки я с фрейлин Эльвира не научилась, и ее отпустили.

[154] *Кондитерская фабрика П. О. Журкина* – Биржевая линия, дом 4 (в советское время – здание Государственного оптического института). В дальнейшем – конфетная и шоколадная фабрика А. И. Колесникова.

Она не смогла за целый год совместной жизни возбудить к себе симпатию ни в ком, не то что мадемуазель Валери.

Фото. 21. Андрей, Владимир, Николай, Дмитрий и Евгений Тищенко

Володя хорошо сдал экзамены и сейчас же облачился в гимназическую форму. Андрюша перешел во второй класс. Он учился хорошо, но зимой отдал дань гимназии – заболел сам и заразил всех четверых своих братьев корью, я забыла сказать, что весной 1899 года у Елизаветы Евграфовны родился пятый сын, Евгений. Теперь карантин после кори небольшой, а тогда до двадцати восьми дней не разрешали общаться с другими детьми. Андрюша уже был здоров, выходил в сад гулять, но даже и на воздухе ему было запрещено подходить к здоровым детям. Целый месяц мы с ним не виделись и скучали друг без друга. У меня есть фотография, на

которой сняты все мальчики Тищенко: Андрюша и Володя – гимназистами в форме, а остальные – в костюмчиках, младший Женя – на руках у няни, он ни за что не соглашался сниматься без нее (фото 21). На карточке

Володя выглядит таким серьезным гимназистом, а на самом деле он был самый шаловливый из всех братьев. Чего только он не выделывал! Несмотря на хорошие способности, он учился неважно из-за лени и страсти к всевозможным шалостям.

1.4. Безо, становящееся традицией… Болезнь отца. Домашнее обучение и православное говение

Сборы на дачу всегда начинались заблаговременно, они начинались с того, что мать составляла список вещей, которые нужно было взять с собой, и другой список – тех вещей и продуктов, которые нужно было купить для дачи. С этим списком потом посылался Петр Малафеев. В аптекарском магазине Герша на 1-й линии покупали мыло, зубной порошок, вату, бинты, мочалки и разные медикаменты. Петр приносил оттуда обыкновенно большую лучинную корзину всякой всячины. Из лабаза (торговля мукой и всякими крупами) привозили заколоченный ящик с крупчаткой и различными крупами, из чайного магазина – другой ящик – с сахарным песком и колотым сахаром. В магазине Ландрина[155] покупали фруктовые леденцы в бумажках и большую жестяную коробку с монпансье. Несколько палок московской колбасы на все лето обеспечивали нас копченой колбасой. Когда все было закуплено, Петр приносил большой глубокий квадратный ящик из гладких толстых досок, в котором, вероятно, был запакован когда-то какой-нибудь прибор или реактивы, присланные из-за границы. Приносили мелких мягких стружек и несколько меньших ящиков для банок с вареньем. И тогда начиналась укладка. Укладывал все отец сам, мать подавала мне отобранные заранее вещи, а я их носила отцу и смотрела, как он артистически укладывает самые разнообразные вещи – мягкие и твердые, стеклянные и металлические, – причем никогда не случалось, чтобы он что-нибудь разбил или испортил, все доходило в полной сохранности. Он укладывал так, чтобы между вещами нигде не было ни малейшей пустоты, все было переложено стружками или мягкими вещами настолько плотно, что ни один предмет нельзя было сдвинуть с места. Наконец, все ящики уложены, на всех написано: «Верх, осторожно», Петр заколотил их и перевязал веревками, привел ломового извозчика, отвез их на Балтийский вокзал и отправил их малой скоростью, товарным поездом. День отъезда назначен, лошади Андреева заказаны, ответ получен, и мы едем опять в Безо, опять на дачу Вольмана, которую мы оставляем за собой. На этот раз в Безо поехали и Тищенко, хотя они и предпочитали свой Удрай нашему Безо, но этим летом захотели пожить на берегу моря. Андрей Евграфович и Ольга Владимировна с сыновьями попросили отца снять им дачу.

Фройлен Бирзак у нас уже не было, а по-немецки я еще не говорила. Тогда решено было найти мне учительницу среди многочисленных дачников Безо. Отец был знаком с преподавателем русского языка одной из немецких школ Петербурга, так называемой Петер-шуле, он просил его порекомендовать кого-нибудь из его бывших учениц, отдыхающих в Безо. Выбор остановился на восемнадцатилетней Маргарите Федоровне Шюлер и оказался очень удачным. Я быстро подружилась с моей молоденькой учительницей и к концу лета так хорошо заговорила по-немецки, что посторонние принимали меня за немку.

Утром до завтрака я играла на рояле, причем уже не на тех роялях, которые стояли в пустом доме, а на рояле, находившимся в квартире самого Лангсеппа, из уважения к отцу и потому что мы жили на даче у Вольмана, он предложил мне упражняться на этом не расстроенном рояле.

После завтрака приходила Маргарита, около часа мы с ней занимались, а потом шли гулять или купаться. Раз начав купаться, я не пропустила ни одного дня, купалась в любую погоду, и за лето выкупалась раз пятьдесят. Тогда нравы были другие, считалось неприличным, чтобы одновременно купались мужчины и женщины, и были установлены определенные часы для купания тех и других, по два часа каждым, начиная с девяти утра и до вечера. Во время

[155] *Магазин Ландрина* — магазин кондитерской фабрики товарищества «Г. Ландрин» (ныне фабрика им. Н. К. Крупской). Имелась целая сеть таких магазинов.

женского купания на берегу на высоком шесте развивался красный флаг, в мужские часы он спускался. У самого берега было очень мелко, и надо было идти далеко, чтобы дойти до глубокой воды. Чтобы избежать неприятного путешествия по мелкой воде, в нескольких местах были устроены длинные мостки с перилами с одной стороны, которые шли, постепенно повышаясь, и вдавались далеко в море. На конце этих мостков были устроены поперечные помосты, на каждом из которых находилось три-пять будочек. В этих будочках было по две двери, одна вела в будку с помоста, другая была расположена на противоположной стене. Прямо с порога этой двери начиналось лесенка, спускавшаяся в море и стоявшая нижним своим концом на дне. Спустившись по лесенке, попадали уже в достаточно глубокую воду. В каждой будке было по две скамейки вдоль стен, на которых можно было оставить платье, купаться можно было и в дождливую погоду, так как одежда оставалась сухой.

Мы пользовались купальней всегда от одиннадцати до двенадцати часов. Собираясь купаться, я брала с собой простыню, купальную рубашку, клеенчатый чепчик, термометр и ключ от купальни. Тогда специальных костюмов для купания почти не было, большинство купалось в белых или цветных рубашках. Прежде чем войти в воду, я мерила температуру воды, обычно она было около пятнадцати градусов Реомюра, в жаркие дни она была шестнадцать-семнадцать градусов Реомюра. Безо расположено на южном берегу Финского залива, поэтому, когда дул южный ветер, он угонял воду в море, ее верхний, более теплый слой, воды было мало, и она было холоднее, хотя в воздухе было тепло. При сильном северном ветре море волновалась, вода стояла высоко, в воздухе было холоднее, зато вода была теплой, можно было сразу погрузиться в нее. я купалась обыкновенно почти до самого отъезда, в августе часто были дожди и ветры, я накидывала плащ и все-таки шла купаться. Придешь в будку, разденешься, измеришь температуру, она всего лишь десять градусов Реомюра. Ветер дует, идет дождь, воды много, спустишься со ступенек, держась за перила, быстро окунешься два-три раза – и скорее в будку, тело горит как обожженное. Вытрешься, оденешься – и домой. Маргарита в такую погоду не купалась, только ходила со мной. В конце августа мостки от постоянных ветров расшатались, и пришлось прекратить купаться.

Обыкновенно мы заканчивали свое купание задолго до мужского часа, но раз как-то мы позднее вышли из дома, вода была теплая, мы увлеклись и не заметили, что флаг убрали с шеста. Мы стали спешно подвигаться к будке, смотрим, а около дверей уже стоят незнакомые мужчины. Хотя мы были в рубашках, мы опустились в воду и стали двигаться к будке ползком, перебирая по дну руками, быстро выбежали по лесенке, оделись и побежали по мосткам на берег. Там нас уже поджидала какая-то незнакомая блюстительница нравов, которая и накинулась на нас с упреками: «Как это возмутительно, какое безобразие, вы нарочно сидели в воде, пока не пришли мужчины». Мы не стали оправдываться и как можно скорее удалились с пляжа.

Такое ежедневное купание в относительно холодной воде очень благотворно сказалось на моем здоровье, частые простуды, которыми я страдала, почти совсем прекратились, я закалялась не только купанием: и зимой и летом я спала всегда под одной простыней, у меня вообще не было одеяла. Приехав на дачу, я снимала чулки и не надевала их до самого отъезда, все лето я ходила в ситцевых или других хлопчатобумажных платьях, ни пальто, ни верхних кофт я не надевала ни разу Единственную дань холодной погоде в конце августа я отдавала тем, что надевала шерстяную юбку с бумажной кофточкой. И ведь мне не было холодно! Я очень не любила, когда меня считали слабенькой, старалась по возможности не обращать внимания на свои недомогания и никогда не распространялась о своих болезнях.

В плохую погоду купаться мы ходили лишь вдвоем с Маргаритой, в хорошую с нами часто ходили хозяйские девочки Альма и Луиза. В этом году я с ними больше сошлась и подружилась, особенно с Луизой. Случилось это потому, что, во-первых, я стала говорить по-немецки, а во-вторых, русской компании для меня не было. Маргарита, правда, не одобряла моих разговоров с ними, боялась, что их плохое произношение повлияет и на частоту моего выговора,

но я не обращала на это внимания и по-прежнему проводила целые дни с Луизой. Для того чтобы Луиза поскорее освободилась от своих обязанностей я, где могла, всегда ей помогала: собирала с ней ягоды, которых у них много было разведено в огороде, чистила вместе с ней медную посуду, и даже если в чем-то не могла ей помочь, просто присутствовала при ее работе и болтала с ней. В свободное время мы играли в крокет и в разные другие выдуманные нами игры или беседовали где-нибудь в укромном уголке. По зимам они учились в немецкой школе в Ревеле (Таллине) и прилично читали и писали по-немецки, русский же язык у них сильно хромал.

В Везо было много разнообразных прогулок – и ближних, и дальних. Одной из излюбленных далеких прогулок была прогулка в Пальме – имение, в котором жил барон Пален, которому принадлежала и земля, на которой расположено было Везо. До Пальмса было около двенадцати верст. Для этой прогулки обыкновенно нанимали одну или две телеги, смотря по количеству участвующих, нагруженных провизией, самоваром, корзинками для ягод (в Пальмсе было много лесной земляники); путешествие начиналось и длилось с утра до вечера. Дорога была живописная, шла главным образом лесом, а в самом Пальмсе был небольшой парк с прудом посередине. Господский дом, красивой, затейливой постройки, был расположен на возвышенности, около дома были красивые цветники, но близко к дому мы никогда не подходили и любовались им только издали. В этом году тоже собрались в Пальмсе мы с отцом, старшие мальчики Тищенко, Володя и Максим Фаворские и М. Н. Рыбкина за хозяйку (она опять жила с Тищенко вместе со своей матерью). По моей настойчивой просьбе со мной отпустили и Луизу. Нежно простившись с матерью, оставшейся дома, я весело побежала с Луизой вслед за телегой.

По приезде в Пальме обыкновенно устраивались на лужайке около протекавшего мимо парка прозрачного холодного родника. Не дожидаясь, пока вскипит поставленный самовар, многие, в том числе Алексей Евграфович, утоляли жажду после продолжительного путешествия по солнцу прямо холодной родниковой водой. Закусив, напившись чаю и захватив с собой корзинки, мы отправлялись в парк. Парк был большой, с многочисленными ухоженными дорожками, с разнообразными большими тенистыми деревьями, между которыми росла густая некошеная трава, а в этой траве – крупная, спелая земляника. Я собирала ягоды медленнее других, но зато я брала только спелые ягоды, которые все, не перебирая, можно было брать на варенье. Все хорошие ягоды я клала в корзинку, а в рот препровождала только случайно попавшиеся мне в руку перезрелые плоды. Нагулявшись и набрав ягод, мы возвращались к нашей телеге, выпивали еще один самовар, доедали провизию и отправлялись в обратный путь.

С приездом мальчиков Фаворских Андрюша мне изменил, проводил с ними все время. Они играли в индейцев и устраивали на берегу ручья, недалеко от нашей дачи, какую-то хижину и не позволяли девочкам смотреть на их работу. По желанию моих родителей я ходила к Ольге Владимировне учиться рисовать и срисовывала группу красных грибов и желтые ирисы в вазе. Я никогда не отличалась способностями к рисованию, и уроки эти мне особой пользы не принесли.

Алексей Евграфович часто навещал Ольгу Владимировну и мальчиков и договорился с ними и с Андрюшей пойти удить рыбу на какое-то озеро. Они должны были встать в 3:00 ночи, чтобы к рассвету прийти на озеро и застать утренний клев. Мне он не разрешил пойти с ними, хотя мне этого очень хотелось. Путешествие это должно было состояться через несколько дней после поездки в Пальме. День был назначен, уговорились, кто кого будет будить, и улеглись пораньше спать. Однако этой рыбалке не суждено было осуществиться. Я спала крепко и не слышала, как кто-то из мальчиков подходил и стучал к Алексею в Евграфовичу в окно и что тот ответил, что плохо себя чувствует и на озеро идти не может. Утром температура у отца оказалась немного повышенной, сначала думали, что он простудился, но потом оказалось, что он заболел брюшным тифом, и к тому же в очень сильной форме. Никто в Безо им не болел, единственное вероятное объяснение было то, что во время поездки в Пальме он, разгорячен-

ный, напился очень холодной сырой родниковой воды. Но, как бы то ни было, он заболел. В Безо не было ни больницы, ни постоянных врачей, ближайший город Везенберг находился в тридцати пяти верстах, вести отца в Петербург было опасно. К счастью, в Безо жил на даче старичок-немец – доктор Zopfel, который взялся лечить отца. В Петербург Марии Павловне была послана тревожная телеграмма, она взяла за свой счет кратковременный отпуск и приехала сама, и вместе с ней приехал второй служитель отцовской лаборатории Василий Ломакин и привез с собой городскую отцовскую кровать с сеткой, чтобы отцу было удобнее лежать. На следующий день приехал университетский фельдшер Борисов, дежурить около Алексея Евграфовича по ночам.

Все трое приезжих скоро уехали назад в Петербург. Главный уход за отцом ложился, конечно, на мать. Я была еще глупа и не понимала всей серьезности болезни отца: я добросовестно дежурила около него днем, но это не мешало мне по-прежнему играть и болтать с Луизой.

Я уже писала, что в пустом доме Лангсеппа была открытая терраса, которую использовали в качестве сцены для любительских спектаклей: перед ней на лужайке ставили несколько рядов скамеек для зрителей. Комнаты, выходившие на террасу, служили кулисами. Только последние несколько лет в Безо появилось значительное число русских дачников, и количество их все возрастало. Стали приезжать преподаватели Гатчинского сиротского института [156], преподаватели средних и высших учебных заведений Петербурга. В Безо приезжали преимущественно семьи лиц, пользующихся летними трехмесячными каникулами, так как часто ездить в Безо и обратно было дорого и утомительно. Таким увеличением русского дачного населения были недовольны прежние основные дачники, немецкие семьи из Петербурга, Ревеля и других ближних городов. Русские дачники были, как всегда, более тароватые [157] и часто более состоятельны, цены на дачи и на продукты несколько поднялись, что, конечно, не нравилось немцам. Но и кроме этого чувствовался известный антагонизм. Немцы держались особняком и лишь с трудом объединялись с русскими. Немецкая часть дачников ежегодно устраивала любительский спектакль на немецком языке и использовала для этой цели упомянутую террасу

Когда отец заболел, там как раз шли репетиции пьесы. Смотреть эти репетиции никого не пускали, но ребятам, в том числе и мне, все ведь надо знать, все интересно. Репетировали вечером. Мы с матерью поужинали, она ушла к отцу, а я, пользуясь своей безнадзорностью, отправилась смотреть репетицию, для чего залезла на наш забор, с которого прекрасно была видна освещенная терраса и все было хорошо слышно. Я так была увлечена спектаклем, что не слышала даже колокольчиков коляски, на которой приехала Мария Павловна, и увидала ее, когда она уже входила в калитку. Я побежала ей навстречу и стала ей рассказывать о спектакле, а не о том, что волновало ее, – о болезни отца.

Такое мое излишнее увлечение спектаклем можно объяснить тем, что меня лет до пятнадцати мать не пускала ни на какие вечерние спектакли, да и на дневные спектакли я ходила не чаще одного-двух раз в год. Не пускали меня вечером в театр потому, что матерью для меня был установлен регулярный образ жизни, в частности, я всегда ложилась спать около десяти часов, спектакли же кончались поздно, сообщения хорошего не было, пришлось бы очень поздно ложиться спать, а наутро рано вставать и идти в школу. Мать не забывала о том, что у нее туберкулез, и старалась оградить меня от него закаливанием и регулярным образом жизни. Но к школьным занятиям она относилась очень серьезно, без действительной болезни не оставляла меня дома, насморк и кашель не считался препятствием для посещения школы.

---

[156] *Гатчинский сиротский институт* – учебное заведение в Гатчине, основанное в 1803 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны. С 1855 по 1917 г. – Гатчинский сиротский институт императора Николая I. Готовил канцелярских чиновников.

[157] *Тароватый* – (устар.) великодушный, щедрый.

Перед экзаменами я занималась целыми днями, посредине обязательно выходила погулять, а вечером ложилась спать в обычное время.

В начале болезни у отца в течение нескольких суток не прекращалась икота, что напугало мать и смутило врача, но потом она прошла, и болезнь пошла нормальным путем. Старичок-доктор каждый день навещал отца и, когда он начал поправляться, пускался с ним в длинные разговоры. Но в народе говорят: «Пришла беда – отворяй ворота». Через несколько дней после того, как заболел отец, Ольга Владимировна и мальчики уехали в Москву, получив телеграмму, что Андрей Евграфович заболел гнойным плевритом. Болезнь Андрея Евграфовича была серьезна, пришлось сделать операцию и выпускать гной из плевры.

Отец медленно поправлялся, происходило обновление организма: во рту и, очевидно, во внутренностях сменялись слизистые оболочки, благодаря чему вкусовые ощущения были значительно более интенсивными. Сходила кожа с рук и с ног; лежа на кровати, отец, чтобы занять себя, снимал с ног целые полосы и лоскутья омертвевшей кожи, а со всей пятки сразу снялась толстая, огрубевшая от хождения кожа толстым слоем. Отец долго хранил ее в виде курьеза.

Фото 22. Алексей Евграфович Фаворский после брюшного тифа. 1902 г.

Новая, нежная слизистая оболочка желудка и кишечника требовала бережного к себе отношения и легкой питательной пищи. В то время бывали случаи, когда выздоравливавшие после брюшного тифа больные умирали от грубой, несоответствующей пищи. Много было матери забот и хлопот с диетой отца. Был уже август, ягод уже не было таких, которые годи-

лись бы на кисель, составлявший необходимую часть меню Алексея Евграфовича. У наших хозяев росла только земляника, других ягод они не разводили, кроме красной смородины, но она была слишком кислая. Оказалось, что у нашего бывшего хозяина в саду есть еще черная смородина, и вот меня стали посылать за ней. Каждый раз я брала понемногу, чтобы варить кисель из свежих ягод; особенно тщательно процеживали сок, чтобы как-нибудь, упаси боже, не попало в кисель зернышко смородины: считалось, что это очень опасно. В конце августа Алексей Евграфович поправился настолько, что смог уехать в Петербург. После тифа месяца два не разрешалась умственная работа, да и пополнеть Алексею Евграфовичу было необходимо. У нас есть фотография, где он снят сразу после болезни, на ней он выглядит совсем старичком, так много у него морщин благодаря его худобе (фото 22).

Матери тоже нужно было отдохнуть и поправиться; Андрей Евграфович тоже нуждался в отдыхе и поправке после своего плеврита.

Решено было поехать всем вместе в Крым на виноград. Списались с Ярцевыми и поехали в Ялту.

Фото 23. Алексей Евграфович Фаворский,А. М. Жданов и шведский астроном. Стокгольм, 1901 г., конгресс памяти Абеля

Я очень огорчилась, что Боя пришлось оставить в квартире на попечение домработницы и Марии Павловны. Родители уже спускались по лестнице, а я задержалась в передней, чтобы в последний раз попрощаться с собакой.

Да, болезнь не красит человека! Таким ли был Алексей Евграфович год тому назад, когда он отправлялся вместе с А. М. Ждановым в Стокгольм на съезд математиков и астрономов, посвященный юбилею знаменитого шведского математика Абеля (фото 23). В то время Швеция и Норвегия были объединены в одно соединенное королевство, во главе которого стоял старый шведский король Оскар. Торжества носили всенародный характер. На открытии

съезда, на торжественном заседании, на которое собрались ученые всего мира, присутствовал и король, производивший впечатление доступного и доброжелательного правителя. Алексей Евграфович и Жданов пробыли в Скандинавии около десяти дней, кроме Стокгольма побывали в Осло (тогда – Христиании). Оба города и местная природа очень понравились отцу. В Стокгольме они обедали в знаменитом в то время ресторане «Под оперой» (Opera cellar), где их угощали малиной со сбитыми сливками, в которых плавали кусочки льда. Приятели снялись там вдвоем, а затем Алексей Евграфович снялся отдельно, фотография очень удалась, впоследствии он отдал ее увеличить и подарил мне этот портрет на именины. Он висит теперь в нашей столовой. Несколько лет спустя какая-то немецкая фирма, занимающаяся распространением портретов известных ученых, обратилась к отцу с просьбой прислать его карточку для увеличения, он послал свою стокгольмскую фотографию и получил ее обратно и, за известную цену, несколько увеличенных портретов, которые у нас сохранились (фото 24).

Фото 24. Алексей Евграфович Фаворский

Отец привез мне национальный шведский костюм, который я потом носила, особенно пригодилась впоследствии юбка – синяя, суконная, с вшитым в нее полосатым шерстяным же передником. Он привез еще несколько пар красивых ножниц с художественный насечкой

знаменитой шведской фабрики «Eskilstuna», а также столовые ножи и вилки. Последние тоже были красивы, но мы употребляли их только на больших приемах, так как они были тяжелы и очень плохо очищались. Отец остался очень доволен поездкой; на заседания, кроме торжественного, он, конечно, не ходил, но провел время очень хорошо.

Поездка в Крым не была, конечно, такой интересной, но она была необходима и принесла отцу и дяде большую пользу, они вернулись домой совершенно здоровыми и смогли приступить к работе. Я по-прежнему ходила каждый день в знакомую лавочку за виноградом; первое время наши больные больше сидели дома, но по мере того, как силы их прибывали, мы стали делать прогулки в окрестности Ялты, ездили в Ливадию, в Массандру и Ореанду, в Алупку. В Гурзуф решили поехать на катере, море было относительно спокойно, но все же мать и Ольга Владимировна не вынесли небольшой и кратковременной качки, их обеих укачало, так что, когда мы туда прибыли, мы должны были оставить их отлеживаться и втроем пошли гулять. Обратно мы поехали уже на лошадях. Ярцевы встретили нас как старых друзей, я опять общалась с Олей и другими девочками, хотя все они много времени проводили в гимназии, дома оставалась одна только Ася. Быстро промелькнули полтора месяца, больные поправились, мать тоже отдохнула после тяжелого лета (фото 25). Поленовы уже вернулись в город и ждали только меня, чтобы начать занятия. Мужчин уже влекла к себе работа, я мечтала о встрече с подругами, о школе, о собаке. Распростившись с гостеприимными хозяевами, поправившиеся и отдохнувшие, мы все вместе отправились по домам.

Сразу же по приезде начались занятия в школе, уроки с Маргаритой, с мадемуазель Адель, музыка. В этом году школа наша опять помещалась в новом помещении, на этот раз у Коноваловых, в той большой комнате, где жили девочки. Комната была очень большая, по стенам стояли кровати девочек, посреди комнаты была устроена деревянная горка, с нее по полированным доскам можно было скатываться на пол, покрытый линолеумом, и по нему еще дальше вперед. Свободного места там было много, и наши парты не надо было двигать с места. Занимались мы по-прежнему охотно и с интересом. Мы начали изучать историю Греции и ей увлеклись.

Фото 25. Андрей и Алексей Фаворские с женами в Ялте. 1902 г.

Липе пришлось пережить в этом году первое горе: умер дедушка И. Кузьминский, в имение которого они ездили каждое лето. Придя в этот день на занятия, мы застали Липу и ее сестер всех в слезах. Имение Лозоватка, в котором до этого времени Коноваловы проводили каждое лето, перешло к сестре Варвары Ивановны, ездить туда всей семьей на все лето стало неудобно, Дмитрий Петрович купил в тех же местах небольшое именьице Забаву и с тех пор проводил там с семьей каждое лето. Липа была в восторге от Забавы и расписывала нам прелести купания в Днепре, свой сад, виноградник, вечера в степи (фото 26).

Фото 26. Липа. 1909 г.

Этой зимой нам устроили на заднем дворе горку для катания на санках, поливали водой. Таня Поленова часто обходилась и без санок, каталась прямо на сиденье. Сама она была толстая, пальто было длинное, вся в снегу, она неуклюже взбиралась на горку и катилась вниз то сидя, то лежа на боку. Она постоянно расхваливала свое Павловское и Костромскую губернию, и ее прозвали «костромской медведицей». Мы редко ссорились с Липой, она была умная, спокойная, выдержанная девочка, но, когда это все-таки случалось, мы дразнили ее «Мазепой». Мазепа был презренный изменник, украинец, Липа жила в Екатеринославской губернии, было его землячкой. Она очень обижалась на это прозвище. У меня прозвища не было. Раза два я попробовала последовать Таниному примеру и покаталась без санок. Когда я в совершенно вымазанном пальто вернулась домой, мне так досталось, что я больше не пробовала кататься без санок.

Этой зимой стали поговаривать о том, что Н. А. Меншуткин и А. А. Волков переходят работать в вновь открытый Политехнический институт, что Алексей Евграфович будет заведо-

вать кафедрой органической химии, и мы переедем в квартиру Н. А. Меншуткина, а Тищенко – в квартиру А. А. Волкова. Так все это и случилось. Весной Меншуткин и Волков уехали, их квартиры стали ремонтировать, и осенью мы переехали в ту квартиру, в которой живем в настоящее время. Тогда это номер был 33, потом стал 69. В освободившуюся нашу квартиру въехал Живоин Ильич Иоцич[158], в квартиру Тищенко – Здислав Антонович Погоржельский[159] с женой Александрой Иосифовной, в бывшей квартире Красуских поселился Евгений Владиславович Бирон[160].

В апреле мы опять сдавали экзамены, теперь уже в третьем классе. Хуже всех сдала Нина, и Вера Ивановна решила отдать ее в гимназию. Так как считалось, что у нее малокровие и вообще слабое здоровье (хотя выглядела она ничуть не хуже нас с Липой), ее отдали не в гимназию Шаффе, где была расширенная, так называемая министерская программа, а в одну из казенных гимназий ведомства

Императрицы Марии[161], с более узкой программой, чтобы нетрудно было учиться. Мы не сожалели о разлуке с Ниной и тем более с Верой Ивановной. Для уроков русского языка была приглашена Мария Викентьевна (фамилию не помню). Преподавала она неплохо, но мы ее не особенно любили и называли Викешо. Естествознание стала преподавать Мария Федоровна. Настал май месяц, и мы уехали на дачу в наше любимое Безо.

Как я уже неоднократно говорила, отец очень любил природу: животных, птиц, цветы, всякие растения. Мы уже и раньше ходили с ним на рыбную ловлю, за грибами, воспитывали вместе птенчика. Этим летом мы занялись с ним вместе ботаникой: он купил определитель «Флора средней России» Маевского, достал большие листы фильтрованной бумаги, и мы начали с ним определять сначала более простые, а потом и более сложные цветковые растения. Сначала мы занимались этим вместе, потом, когда я приноровилась, он предоставлял мне самой определить и только спрашивал, как называется то или иное растение и помогал разбираться в наиболее сложных случаях. Я с большим удовольствием занималась составлением гербария, отыскивала все новые и новые растения. Гербаризировать я чаще всего ходила после обеда, родители в это время ложились отдохнуть, а я отправлялась или в луга, если они были еще не скошены, или в поля, где я ходила по цветущим межам или по берегу ручья, где собирала водяные или любящие влагу и тень растения. На берегу моря на голом песке я нашла растение с лиловыми цветами и была очень довольна.

Из сказанного мною можно сделать неверное заключение, что я на даче проводила время с Маргаритой, с Луизой, с отцом и совсем не уделяла время матери. Это совсем не так. Летом у нас с матерью была одно общее дело – варка варенья. Отец, смеясь, говорил, что у нее есть одна страсть – варить варенье! Действительно, несмотря на свое плохое здоровье, мать ежегодно наваривала летом около десяти пудов разного варенья, причем она следовала правилу, что варенье должно быть не только вкусным, но и красивым, поэтому для варенья отбирались всегда самые спелые, без всяких изъянов ягоды. Варенье варилось всегда на маленьком огне, чтобы ягоды не разварились, не потеряли своей формы. Крыжовник варился всегда без косточек, у черной смородины тщательно выстригались черные кончики. В Безо было раздолье в смысле ягод для варенья. Первой ягодой была земляника, каждый день Луиза приносила нам три штофа ягод, самые спелые шли на варенье, те, что похуже, – на еду. Благодаря различному времени созревания разных сортов, выращиваемых в хозяйском саду, земляника около

---

[158] *Иоцич Ж. И.* (1870–1914) – ученик А. Е. Фаворского, уроженец Белграда, питомец и ассистент Петербургского университета, создатель всемирно известного метода синтеза ацетиленовых спиртов и гликолей.

[159] *Погоржельский З. А.* (1869–1929) – ассистент Фаворского, в будущем профессор Ленинградской сельскохозяйственной академии.

[160] *Бирон Е. В.* (1874–1919) – физикохимик, приват-доцент Петербургского университета.

[161] Четвертое отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Мариинское ведомство – ведомство по управлению благотворительностью в Российской империи.

месяца не сходила у нас с обеденного стола. Кроме садовой, была и лесная земляника, которую продавали обыкновенно эстонские ребятишки. Здесь бывал большой отход, так как на варенье шли только со всех сторон красные ягоды, все хотя бы слегка беловатые отбрасывали, так как от таких ягод варенье становилось горьковатым, кроме того, они дольше варились, и варенье приобретало коричневый цвет. Вскоре после появления земляники зеленщик привозил крыжовник – зеленый, без волосков, самый подходящий для варенья. Здесь требовалась быстрота в его чистке, так как, полежавши, он становился мягким. Почти в это же время начинали носить морошку, уже желтую, но еще не мягкую – спелая морошка разваливалась при варке на отдельные зернышки. Вслед за ней начали продавать лесную малину. Ее покупали с большим разбором и очень тщательно сортировали: самые лучшие ягоды – на варенье, спелые, но не совсем целые ягоды – на еду, еще похуже – на варенье для пирогов и, наконец, самые маленькие обрывки ягод – на смоквы[162]. В Безо в лесах было много черники, голубики и брусники, из первых двух ягод пекли пироги, а чудную крупную красную бруснику обыкновенно покупали перед отъездом и в большой лучинной корзине отвозили в город, где уже варили из нее чайное варенье с яблоками и покислее для жаркого. Вишен в Безо не было, вишневое варенье варила в городе Мария Павловна, но обыкновенно в небольшом количестве. Варенья наварили столько, что в течение всего года каждый день к послеобеденному чаю подавали варенье, конфет покупали мало. Мне варенье надоедало, я для разнообразия предпочитала какое-нибудь испорченное варенье. Правда, такого почти никогда не бывало, разве что варки Марии Павловны. Или однажды родственница отца, которой он систематически помогал, старушка Малинина, жившая где-то в Нижегородской губернии, прислала ему банку варенья из лесной черной смородины, сваренной без сиропа. Взрослые его не стали есть, а я с удовольствием съела.

Из приведенного мною краткого описания видно, что работы с вареньем было столько, что хватало на целое лето. Варенье варилось всегда на открытой террасе, на примусе, в медном тазике для варенья. Матери трудно было одной справляться с вареньем, здоровье ее медленно, но постепенно ухудшалось, домработницам ни чистка ягод, ни тем более варка варенья не доверялась. Помощницами матери были я да приезжавшие летом Мария Павловна и С. А. Рукина. Чистить ягоды я научилась очень рано и давно уже могла помогать матери в этом ответственном деле. К варке варенья меня допустили гораздо позднее, сначала я училась встряхивать тазик так, чтобы пенки собирались вместе, потом я стала принимать участие в самой ответственной части процесса – в определении степени готовности варенья. Когда я возвращалась с купания, варка варенья уже была в полном разгаре и продолжалась до обеда. Больше всего работы было в июле, в июне была только одна земляника, в августе уже все ягоды кончались. На даче чай пили с конфетами только в июне, а потом уже подавали варенье.

Как перевозилось такое количество варенья? Банки с вареньем покрывали белой плотной бумагой, а сверху – тряпкой и тщательно завязывались веревкой, края бумаги и тряпки аккуратно обрезались. Затем приносились небольшие, банок на шесть, ящики, и отец упаковывал их, тщательно перекладывая банки стружками и сеном так, чтобы ни одна банка не шевельнулась. Заколоченный и завязанный ящик ждал, пока кто-нибудь из гостей поедет в Петербург. В благодарность за гостеприимство гость должен был доставить ящик с вареньем в петербургскую квартиру. Два-три ящика удавалось таким образом отправить, остальное везли сами, уезжая с дачи.

На даче распорядок дня был не такой, как в городе, вместо завтрака и обеда был обед и ужин. Утром пили кофе с кренделем, который пекли сами. Крендель сдобный, с изюмом, и его еще мазали маслом. Мать не принимала непосредственного участия в приготовлении обедов и ужинов и в печении кренделей, давала только руководящие указания. Иногда мы с ней делали

[162] *Смоква* – старинное русское лакомство. Фруктовое пюре выкладывали толстым слоем на пергаментную бумагу, подсушивали на противне в печи, потом разрезали полосками и скатывали в трубочки.

коржики по рецепту, который она вывезла из поездки в Малороссию. Я растирала масло и яйца с сахаром, мать месила тесто, и мы с ней делали лепешки-коржики и относили на кухню для печенья. В плохую погоду мы с ней читали вслух, а в хорошую делали небольшие прогулки, причем я выбирала каждый раз новый маршрут и носила с собой складной стул. Домработницы у нас менялись довольно часто, приблизительно каждые два-три года, отцу надоедала их манера готовить, он начинал придираться, домработницу отпускали и нанимали новую.

Перед отъездом на дачу в этом году у нас как раз произошла такая смена, новая кухарка Анисия была уже немолодая, приятная женщина, охотно поехавшая с нами на дачу. Вскоре к нам приехал Н. А. Прилежаев, дачная жизнь пошла обычным путем, как вдруг Анисия получила письмо, что у нее в деревне заболела дочь, и уехала к ней, обещав вернуться, как только той станет лучше.

Что тут было делать? Выписывать новую домработницу не имело смысла, мать стряпать не могла, тогда Алексей Евграфич сказал, что он будет стряпать сам, а Полежаев будет у него кухонным мужиком. И действительно, они добросовестно проработали около двух недель, пока не вернулась Анисия. Алексей Евграфович стряпал очень хорошо, подходя к приготовлению того или иного блюда с точки зрения химика, и результаты были превосходны. Прилежаев носил ему дрова и воду, чистил картошку, мыл посуду и выполнял различные мелкие поручения.

Число знакомых, живших в Безо, с каждым годом увеличивалось. Тищенко и Фаворские больше не приезжали, но зато постоянными дачниками сделались Ганешины. Сестра Ольги Владимировны Фаворской, Лидия Владимировна, была замужем за преподавателем Технологического института Сергеем Александровичем Ганешиным[163], насколько я помню, он читал там курс товароведения[164]. Семья у них была большая: две дочери, Ольга и Лидия, и три сына, Александр, Сергей и Дмитрий. Последний был крестником отца, ему в это время было около года. Лидия Владимировна была еще молодая веселая и милая женщина. Сергея Александровича я лично знала мало, он проводил лишь часть лета на даче, так как имел еще какую-то дополнительную работу, чтобы содержать такую большую семью.

Кроме этих старых знакомых, у нас завелись и новые дачные знакомые, в основном учителя Гатчинского сиротского института. Это были: учитель французского языка Иосиф Михайлович Генглез и его жена Виргиния Павловна, жившие в Безо с тремя своими сыновьями; Федор Федорович Штробиндер с женой Марией Ивановной и пятью дочерьми; историк Покровский с женой и их родственники Голубковы. По-прежнему жили в Безо Сапожниковы. Почти в каждом знакомом семействе летом было чье-нибудь рождение, или именины, или день свадьбы, в который созывались взрослые и детские гости, куда нас всегда приглашали и куда мы ходили с отцом или я ходила одна на чисто детские праздники. У нас летом не было никаких именин и других поводов для приема гостей, а так как мы у многих бывали, то надо было сделать ответное угощение. И вот тогда мы придумали созывать гостей 6 августа (19-го старого стиля). В этот день празднуется Преображение Господне на горе Фаворе, а так как наша фамилия произошла от названия этой горы и писалась раньше через фиту, то мы называли этот праздник нашим фамильным праздником и стали в это число устраивать угощение родным и знакомым.

Этим летом у нас с отцом появилось еще одно занятие: мы стали играть в теннис. Один предприимчивый господин устроил в Безо, в различных местах на подходящих лужайках теннисные площадки и сдавал их по часам. Отец купил хорошую английскую ракетку Handicap такой тяжести, чтобы она годилась и ему и мне, и мы начали играть. Раза три в неделю я уходила на теннис после обеда и играла до чая. Взрослые играли по вечерам (фото 27).

---

[163] *Ганешин С. А.* (1861–1913) – инженер-технолог, адъюнкт-профессор Технологического института.

[164] С. А. Ганешин читал курс лекций по технологии волокнистых веществ.

В конце августа мы вернулись в город и въехали в нашу теперешнюю квартиру[165]. Чтобы омеблировать такую большую квартиру, отец купил новый буфет, новый большой обеденный стол и к нему двенадцать стульев. Отец получил теперь кафедру органической химии[166]и большую лабораторию, но, ввиду того что наплыв студентов, желавших работать под его руководством, был очень большой, для практикума по органическому синтезу не хватало места, и вскоре стали устраивать для него отдельную лабораторию на нижнем этаже старого Физического института. Заведовать ею стал Ж. И. Иоцич, который положил много сил и труда при ее устройстве и оборудовании, всеми силами борясь с недобросовестностью подрядчиков, считавших, что казну не грабят только дураки. По этому поводу очень хорошо выразилась одна из домработниц, живших у Тищенко: «Что вы, барыня, последний это человек, который казенное добро жалеет».

Хотя отец уже читал курс органической химии в Технологическом институте с 1897 года и целый год уже читал такой же курс на Высших женских курсах, он тратил много времени на подготовку каждой лекции, и в дальнейшем он всегда накануне лекции просматривал старый и подбирал новый материал.

Фото 27. Безо. Компания теннисистов

Нина Каракаш поступила в гимназию, и нас осталось только трое, а так как мы были очень дружны, то занятия шли у нас хорошо, и мы занимались с большим удовольствием. В этом году занятия проходили в нашей квартире. Я уже писала, что после нашего переезда в новую квартиру была выстроена университетская столовая. Вот что нам рассказал по поводу этой столовой профессор Карл Карлович Баумгардт[167]. До устройства этой столовой студентам

[165] Семья Фаворских жила в этой квартире до 2009 г.

[166] Вероятно, Т. А. Фаворская имеет в виду чтение курса органической химии, ординарным профессором по кафедре химии (вместо профессуры по кафедре технологии и технической химии) А. Е. Фаворский стал в 1907 г.

[167] *Баумгардт К. К.* (1880–1963) окончил физико-математический факультет Петербургского университета, профессор

приходилось питаться в плохой столовой на 10-й линии. Когда в Университет поступил сын княгини Юсуповой, он обратил на это внимание. Он был болен чахоткой и перед смертью завещал своей матери построить для студентов столовую около Университета. Мать выполнила его просьбу, столовая была выстроена, студенты стали получать хорошие дешевые обеды. Столовой заведовал выборный комитет. Но такое благополучие продолжалось недолго, деньги приходили к концу, столовая была накануне закрытия. Можно было бы, конечно, передать ее в казну, но в дарственном акте было сказано, что столовая не должна переходить в ведение государственного учреждения. Тогда один из членов комитета предложил: «Надо предложить Витте[168] войти в состав комитета». Другие усомнились, что Витте согласится, но внесший предложение член комитета настаивал, говоря, что Витте сейчас не у дел и он охотно согласится. И действительно, Витте вошел в состав комитета и предложил передать столовую Министерству народного просвещения. Комитет протестовал, указывая на условия завещания, но Витте успокоил их, говоря: «Не беспокойтесь, все будет в порядке». Министерство согласилось и купило столовую, уплатив значительную сумму. В это время Витте опять пришел к власти и передал столовую опять комитету. Таким образом, столовая осталась за комитетом, а на деньги, полученные от Министерства, она могла существовать. Вот как власть имущие обращались с казенными деньгами! Я записала рассказ Карла Карловича, пока он свеж у меня в памяти[169].

Возвращаюсь к описанию наших занятий. С уходом Веры Ивановны на Марию Федоровну легла основная преподавательская работа, русский язык преподавала Мария Викентьевна, арифметику – Елена Ивановна, Закон Божий – Елизавета Евграфовна. Мария Федоровна вела занятия по русской древней истории, географии и естествознанию и геометрии, и вела очень хорошо! Этой осенью в Петербурге было довольно сильное наводнение, вода залила набережную и вошла в ворота Университета, но по двору не растеклась. По затопленным улицам местами разъезжали на лодках. Мы бегали к воротам на набережную, смотреть наводнение, потом нам пришлось об этом пожалеть. Мария Викентьевна пользовалась всяким удобным случаем, каждым мало-мальски интересным событием, чтобы задать нам на эту тему сочинение. А тут вдруг наводнение, которое мы сами наблюдали, – извольте, пожалуйста, его описать. По древней истории мы проходили историю Рима времен Юлия Цезаря, Антония, Октавиана Августа и очень ей увлеклись. Мария Федоровна даже достала билеты в театр на пьесу из этой эпохи, пьеса шла вечером, и меня на нее не пустили, Таня с Липой ходили и остались очень довольны, а я, конечно, расстраивалась. Ездили мы с Марией Федоровной смотреть Домик Петра Великого. В Петербурге было не много различных видов транспорта: конка, извозчики и пароходики Финляндского общества[170], ходившие по немногим определенным маршрутам. Мария Федоровна была женщина экономная, да нам на одном извозчике было и не поместиться, а ни конка, ни пароходики к домику Петра Великого не шли, поэтому она повезла нас туда на ялике, то есть на лодке. Против Университета, рядом с пароходной пристанью, всегда можно было нанять лодочника. Меня, конечно, никогда не возили на яликах, на такой утлой посудине переезжать широкую, глубокую Неву считалось опасным. Но Мария Федоровна заранее никому не сказала о том, на чем мы поедем, и мы с интересом и вполне благополучно пересекли Неву на ялике. По правде сказать, это был первый и последний раз, когда я ездила по Неве на лодке.

университета, работал в ГОИ, редактировал «Труды ГОИ».

[168] *Витте* С. *Ю.* (1849–1915) – российский государственный деятель, председатель Совета министров в 1905–1906 гг. Инициатор ряда реформ.

[169] Об участии С. Ю. Витте в судьбе открытой в 1902 г. студенческой столовой см.: *Островский А. В.* К истории Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 168–174.

[170] *Финляндское общество* – Общество финляндского легкого пароходства. Учреждено в 1896 г. и находилось в Выборге. Владело первыми в России речными трамваями («финлядчики») в ряде городов.

Ходили мы с ней в Зоологический музей, и в Эрмитаж, и в Петропавловский собор. Уроки музыки продолжались, успехи мои, правда, были невелики. Андрюша по-прежнему бывал у нас почти каждый день, но свободного времени у нас было теперь гораздо меньше. В этом году у меня прибавились еще занятия английским языком. Я говорила уже свободно по-французски и по-немецки, и теперь можно было начинать английский язык. Распорядок дня у меня теперь был следующий: с девяти до двенадцати – школьные уроки, в половине первого – завтрак, с двух до четырех – занятия языком по два раза в неделю каждым, два раза в неделю уроки музыки, в половине шестого обед, в семь – чай и после него приготовление уроков; в девять – вечерний чай, после него окончание уроков, если они не были закончены, в половине одиннадцатого ложились спать. Англичанка мне попалась очень удачная – Miss Violet Plincke (фото 28) – молодая, красивая, культурная, образованная. Отец ее, англичанин, служил в каком-то банкирском доме, две сестры ее тоже давали уроки. Мать у них давно умерла. В течение шести лет, что я у нее занималась, мы с ней подружились и полюбили друг друга. То же было у меня с Маргаритой, они стали как бы моими старшими подругами, в особенности с того времени, как я поступила в гимназию и стала заниматься с Маргаритой просто для практики разговорного языка. Они были совершенно разные, но имели одно общее качество – жажду знаний, стремление к высшему образованию. Маргарита кончила Peterschule, программа этого учебного заведения отличалась от гимназической программы, там преподавание шло на немецком языке, поэтому его выучивали, конечно, гораздо лучше, чем в казенной гимназии, но зато там не изучали ни алгебры, ни геометрии (в женском отделении школы). Благодаря такой программе Маргарита не могла поступить на Высшие женские курсы, а ее интересовали биологические науки, поэтому она стала готовиться на аттестат зрелости. Экзамены нужно было сдавать по всем предметам в объеме мужских гимназий в комиссии при учебном округе. Маргарита не побоялась, все время, свободное от уроков, она посвящала занятиям, но так как этого времени у нее было мало, то ей понадобилось несколько лет для того, чтобы подготовиться и сдать экзамен, после чего она поступила на физико-математический факультет на группу биологии, через год после того, как я поступила на курсы.

Фото 28. Miss Violet Plincke

Она была высокого роста, крепкого сложения, достаточно красива, с густыми и темными бровями и такими же темными косами, уложенными в прическу Движения ее были быстры и резки, она не была нежной и ласковой, но была способна на глубокую привязанность. Она сама не занималась политикой, но у нее были знакомые среди социал-демократов. Miss Violet была тоже красива, но в другом роде: у нее были большие светло-серые глаза и светлые волосы; она не одевалась по моде, имела свой собственный стиль. Во-первых, она носила короткие волосы, которые она завивала, так что прическа ее была похожа на современную, тогда же никто волос не стриг. Тогда все носили длинные, до пола, юбки, Miss Violet носила полукороткие юбки, примерно такой же длины, как носят сейчас. Блузки она всегда носила белые, из шелковой тафты. Тогдашняя тафта не была похожа на современную. Это чисто шелковая, слегка кремовая мягкая гладкая ткань. Рукава ее блузок были без обшлагов, кончались или рюшами, или оборочкой на резинке. Miss Violet училась тоже не в гимназии, она окончила частный пансион,

где хорошо изучали языки, рисование, музыку, но где изучение арифметики ограничивалась четырьмя правилами и, конечно, не изучались ни алгебра, ни геометрия.

Интересы Miss Violet были совсем не те, что у Маргариты: ее интересовала литература, философия, а больше всего – история религии, греческая и римская мифология, античное искусство. Кроме Высших женских курсов, доступ на которые для нее был закрыт, в Петербурге были частные курсы Раева[171], на которых хорошо было поставлено преподавание как раз тех дисциплин, которые ее занимали. Никаких экзаменов для поступления на эти курсы не требовалось, и Miss Violet поступила на них года через три после того, как она стала давать мне уроки. Характер у нее был совсем другой, она была ласковая, нежная, немножко не от мира сего. Мы с ней привязались друг другу, летом мы с ней переписывались. Благодаря такому различию в моих наставницах, в их интересах, и темы разговора, которые мы вели, были различны, различны были книги, которые мы с ними читали.

Переселение наше в новую квартиру совпало с электрификацией нашего жилого корпуса. Первое время вид электрических настольных ламп резал глаза, мы привыкли, что у таких ламп в середине резервуар для керосина, а тут какая-то тоненькая ножка! Не помню точно, но приблизительно в это же время на улицах Петербурга появились первые легковые автомобили. Вид их совсем не походил на современные машины, кабины для шофера не было, спереди они заканчивались, как и прежние экипажи, только не хватало оглобель и лошади. Казалось очень странным, как это экипаж движется без лошади. Шоферам полагались шубы мехом наружу, так как они при езде обдувались ветром.

[171] *Курсы Раева* – Высшие историко-литературные и юридические женские курсы Н. П. Раева. Учреждены в 1905 г.

Фото 29. Здислав Антонович Погоржельский

В бывшей квартире Тищенко поселились Погоржельские. Здислав Антонович (29 фото) был типичный поляк, высокого роста, красивый, всегда подтянутый, вежливый, но в душе ни к кому хорошо не относившийся и любивший одного себя. Женат он был на Александре Иосифовне, тоже польке, как мне кажется с примесью еврейской крови. Здислав Антонович ничего не имел, кроме лаборантского жалования, у Александры Иосифовны были собственные довольно значительные средства, у нее была доля в каком-то «деле» в Варшаве. Она была прекрасная хозяйка, хорошо знала языки, тратила много денег на туалеты, квартира их была очень хорошо обставлена. Она считала себя красивой, у нее были очень хорошие рыжеватые волосы, но в лице у нее было что-то неприятное. Погоржельский был учеником отца, они стали бывать у нас, особенно часто приходила Александра Иосифовна, которая по годам подходила к Марии Павловне и они скоро подружились. У Марии Павловны была слабость хорошо одеваться, и Александра Иосифовна свела ее со своей хорошей, дорогой портнихой и у Марии Павловны стали появляться нарядные платья, непохожие на платья матери и мои. Она принимала участие в развлечениях и поездках в Иматру и другие места, которые организовывали Погоржельские.

Александра Иосифовна часто приходила к нам по вечерам и не пропускала ни одного собрания гостей у нас, по какому бы поводу они не собирались, и даже тогда, когда ее не приглашали.

Здислав Антонович был библиотекарем Химического общества, тогда все должности по обществу бесплатно выполняли члены общества: библиотекарь – Погоржельский, казначей – Николай Николаевич Соковнин, тоже ученик отца, бывавший у нас по субботам, ученый секретарь – В. Е. Тищенко, в качестве его помощника были молодые члены общества. Редактором журнала Общества в течение ряда лет до 1900 года был Н. А. Меншуткин, а с его уходом Алексей Евграфович занимал этот пост до самой своей смерти, помощником у него был К. И. Дебу, а с 1917 года – Степан Николаевич Данилов[172], который после смерти Алексея Евграфовича заменил его на посту ответственного редактора «Журнала общей химии», как с 1930 года стал называться «Журнал Русского химического общества».

Знавшая хорошо французский и немецкий языки, Александра Иосифовна помогала Здиславу Антоновичу в его работе по библиотеке: в составлении картотек, переписывалась с заграничными корреспондентами, переводила ему необходимые для его научной работы статьи.

Наступил новый 1903 год. У нас появилась новая учительница русского языка Анастасия Ивановна Беляева. Мы от этого только выиграли. Анастасия Ивановна была прекрасным педагогом и очень хорошим человеком, мы ее очень полюбили. Она преподавала русский язык в народном училище, где-то на рабочей окраине, как будто в районе Путиловского завода. Она нам часто рассказывала о своих учениках и говорила, что ей гораздо больше нравится заниматься в училище, чем гимназии. В училище дети рабочих занимаются с таким интересом, так стремятся к знанию, а гимназисты сплошь и рядом относятся к учению безо всякого интереса и думают лишь о шалостях и о том, как бы досадить учителю. Идея нашей домашней школы ей очень понравилась, и она с удовольствием согласилась заниматься с нами. В конце Великого поста на Страстной неделе мы говели в Университетской церкви, она помещалась на третьем этаже, напротив актового зала. Она была небольшая, но очень светлая и чистая, пол был устлан коврами, впереди по бокам располагались два клироса, отделенные белой деревянной решеткой, к которым были прикреплены хоругви, две ступени амвона, за ними – золоченые царские врата, над ними – изображение Тайной вечери, перед которым всегда горит лампада.

С нами ходила всегда Мария Федоровна, Андрюша и мальчики Тищенко, достигшие соответствующего возраста. Первый раз мы шли в церковь в вербную субботу, каждый держал в руке пучок вербы. Посередине церкви стоял большой чан с вербами, после службы батюшка подходил к чану и наделял каждого из приходивших прихожан несколькими веточками вербы, предварительно кропил святой водой. Дома все эти вербочки ставились в банку с водой.

На следующий день, в Вербное воскресенье, мы ходили к обедне и ко всенощной. С понедельника начиналась говенье. Утром шли в церковь на часы. Священник в черной ризе читал великопостные молитвы. Для чтения молитвы святого Ефрема Сирина он выходил на середину церкви, все становились на колени, два или три раза во время чтения молитвы батюшка становился на колени. Во время службы три человека певчих выходили на середину церкви и пели длинную молитву, торжественно и грустно звучал ее напев. Служба была длинная, продолжалась около двух часов. Вечером к 7 часам шли ко всенощной, эта служба была короче, народу в церкви была немного, только говельщики, кроме подростков были и взрослые. Каждый год одновременно с нами говел Советов[173], а наши отцы не говели и никто из знакомых мужчин не бывал в это время в церкви. Во вторник были те же службы, в среду после часов мы исповедовались. Перед клиросом ставили маленький столик, диакон записывал на нем идущих к

[172] *Данилов С. Н.* (1888–1978) – химик-органик, доктор химических наук, чл. – кор. АН СССР.

[173] *Советов А. В.* (1826–1901) – агроном и почвовед, профессор кафедры сельского хозяйства, декан физико-математического факультета (1888–1900). Родился в семье священника, первоначальное образование получил в духовной семинарии.

исповеди; часть клироса загораживали ширмой, там сидел батюшка и исповедовал. Вечером опять шли к вечерне, а в четверг утром шли к обедне причащаться.

К этому дню шили нам всем новые платья, мне шили или из белой кисеи на голубом шелковом чехле, или пикейное белое с голубым шелковым поясом. Настроение было торжественное, праздничное, обедня была длинная, приходили домой только к завтраку. Вечером шли слушать двенадцать Евангелий. Раньше, когда я еще не говела, мы с матерью зажигали лампадку перед небольшой старенькой иконой, которая висела у меня в детской, садились и читали двенадцать Евангелий – отрывки из всех четырех Евангелий, в которых говорится о страстях Христовых. Все берут с собой эти выдержки из Евангелий в церковь, стоят с зажженными свечами, священник читает очередной отрывок, а молящиеся следят по своим книжечкам. После службы выходят на улицу с зажженными свечами и стараются донести горящую свечку до дома, всячески охраняя маленький огонек от ветра. Дома этим огнем зажигали лампадку. В пятницу опять ходили утром и вечером в церковь, утром прикладывались к плащанице, изображавшей умершего Христа. Плащаницу всегда убирали живыми цветами. Вечером была очень красивая служба и крестный ход, это ходили «Христа хоронить».

На этом обыкновенно заканчивали говенье, в субботу утром уже не ходили в церковь. В пятницу вечером после церкви я обыкновенно помогала матери делать пасху: растирала масло добела, смешивала желтки с сахаром, ваниль – с сахарной пудрой, строгала миндаль. В субботу днем красила с отцом яйца. С этого года меня стали брать в церковь к заутрене. К заутрене ходили отец, Мария Павловна и я; мать не ходила в церковь, а домработницы (их теперь было у нас две – кухарка и горничная, так как такая большая квартира требовала много времени на ее уборку) оставались готовить праздничный стол для разговения, в церковь они шли к ранней обедне, когда мы возвращались.

Церковь была полна, когда мы приходили в начале двенадцатого, там было очень душно, мы стояли обыкновенно на площадке перед церковью, которая тоже наполнялась празднично одетым народом. Отец был в сюртуке и белом галстуке, я надевала сшитое к причастию платье, Мария Петровна тоже была нарядная. Все стояли со свечами, из церкви слышались возгласы священника и пение певчих, на площадке царила торжественная тишина. Наконец, минут за десять до двенадцати выходил из церкви крестный ход: шли священники, диаконы, певчие за ним несли хоругви, шел народ, все со свечами, на площадке становилось свободнее; мы не ходили с крестным ходом. Я с волнением ждала того момента, когда покажется возвращающийся крестный ход и все ближе и ближе слышно будет ликующее пение пасхального тропаря «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Закрытые в церковь двери открываются, священник останавливается около них и обращается к присутствующим: «Христос воскресе!» – «Воистину воскресе», – хором отвечают ему.

Шествие направляется в церковь, а на площадке начинают христосоваться. Из церкви доносится несмолкаемое пение торжественных и ликующих пасхальных напевов, на душе так хорошо и так радостно, испытываешь особенное, незабываемое чувство.

Служба кончается, одеваемся и идем домой, где нас ждет празднично одетая мать, приходят Тищенко, садимся за стол, все веселы, все довольны. За окнами темная безлунная пасхальная ночь, отчетливо видны пылающие факелы по углам крыши Исаакиевского собора. Так свежи, так искренни были переживаемые чувства, но прошло немного времени, и молодой пытливый ум своим беспощадным анализом навсегда разрушил детскую веру. Очарование Страстной недели и пасхальной ночи осталось в памяти светлым видением прошлого.

1.5. Мария Маркеловна. Безо, ставшее традицией. Моя учеба в гимназии Э. П. Шаффе

Вскоре после Пасхи, как всегда, начались экзамены, прошли, как всегда, хорошо, перешли в четвертый класс. Таня уехала в Павловское, Коновалова – в Забаву, мы стали собираться в Безо. Как-то раз после обеда, за чаем, отец рассказал нам, что этой весной окончил Высшие женские курсы его курс, и среди выпускниц есть одна очень способная девушка – Мария Маркеловна Домброва, которую он устроил на работу в лабораторию Министерства финансов к Михаилу Григорьевичу Кучерову[174]. Лето ей придется проводить в городе, квартира у нас в саду, Марии Павловне одной скучно, так вот он хочет предложить Мария Маркеловне пожить летом у нас. Никто не сделал никаких возражений, в глубине души мне это показалось немного странным, но я не обратила на это сообщение никакого внимания. Через несколько дней Мария Маркеловна пришла к нам знакомиться. Это была среднего роста девушка с гладко причесанными волосами, с заколотой сзади косой, в юбке и скромной кофточке с белым воротником. Она поблагодарила за приглашение, выпила чашку чая, договорилась с Марией Павловной о дне переезда и ушла. Вскоре мы уехали в Безо, а Мария Маркеловна поселилась у нас с Марией Павловной. Кроме них в комнате для домработницы ночевал Василий Ломакин, карауливший лабораторию и квартиру. После работы Мария Маркеловна обедала дома вместе с Марией Павловной, а потом шла в лабораторию к Алексею Евграфовичу продолжать свою научную работу. Летом в лабораториях всегда кто-нибудь работал. В этом году там работал Владимир Андреевич Мокиевский[175], в своей лаборатории заканчивал докторскую диссертацию В. Е. Тищенко, работала и другая молодежь в других лабораториях; работавшие заходили друг к другу передохнуть, поболтать, слышались смех и шутки, даже тихий и молчаливый Тищенко весело шутил.

Возвращаясь из лаборатории, Мария Маркеловна пила вечерний чай с Марией Павловной. Мария Павловна всегда была пунктуальна и педантична: чай подавался строго в определенное время, но она одна его не пила, дожидалась Марию Маркеловну. На почве этого чая между ними возникали разногласия, Мария Маркеловна не привыкла так строго соблюдать режим дня, она жила всегда одна и не придавала значения тому, будет она пить чай в девять или в половине десятого. Кроме того, не всегда можно было закончить работу в точно назначенный час, к тому же, помимо всего прочего, существовали особые обстоятельства, благодаря которым Мария Маркеловна иногда сильно запоздывала к чаю или вообще его не пила.

Она еще раньше была знакома с Владимиром Андреевичем Мокиевским, оба они преподавали в Смоленской школе для рабочих. Они иногда уходили из лаборатории не домой, а шли гулять, и тогда, конечно, было не до чаю. Мария Павловна, не дождавшись компаньонки, пила чай одна, а по возвращении Марии Маркеловны высказывала ей свое недовольство. Иногда Марии Маркеловне удавалось устроить себе среди недели свободный день, и тогда они с Владимиром Андреевичем уезжали за город. Но в общем они жили довольно мирно, много времени проводили вдвоем.

Этим летом в окно одной из наших комнат влетел кенарь. Мария Павловна посадила его в клетку и послала Василия узнать – не улетел ли у кого-нибудь кенарь во дворе. Во дворе владельца кенаря не оказалось, и он остался жить у нас. Пел он замечательно хорошо. Клетка с ним стоял у меня в комнате, он вообще много пел, но особенно усердно он распевал во время уроков английского языка. Стоило нам с Miss Violet начать разговаривать, как молчавший до

---

[174] *Кучеров М. Г.* (1850–1911) – российский химик-органик. Открыл реакцию гидратации ацетилена и его производных.

[175] *Мокиевский В. А.* (ум. 1905) – лаборант по кафедре химии. См.: Отчет о состоянии и деятельности Имп. Санкт-Петербургского Университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 12.

того кенарь начинал петь и пел все время урока. Отец смеялся и говорил, что английский язык – это птичий язык. Разговоры на французском и немецком языке не производили такого стимулирующего действия на пение кенаря. Он много лет прожил у нас и пел все так же хорошо.

В своих письмах к матери Мария Павловна всегда передавала всем приветы от Марии Маркеловны. А мы опять жили в Безо, все на той же даче. В этом году у нас с отцом прибавилось еще одно занятие: мы стали играть в кегли. Лангсеппы выстроили кегельбан, были организованы мужские и дамские группы, группы для «девушек», вернее, для подростков, и детская группа (фото 30). Я еще не говорила до сих пор об одном моем недостатке, который мне много напортил в жизни: я была застенчива, подойти к кому-нибудь чужому и спросить о чем-нибудь было для меня мучением. Когда я узнала, что организована группа девушек, я тоже захотела играть в кегли. Узнав дни и часы, когда играла эта группа, я пошла на кегельбан. Пришла, остановилась около него и смотрю. Играют все больше немецкие девицы, есть среди них и знакомые. Последние увидели меня и спросили: «Вы тоже хотите играть?»

Так я начала играть в кегли. Мужчины бросали шар одной рукой, женщины и девушки – двумя. Я играла хорошо, редко шар мой попадал в борт. Нанятые мальчики-эстонцы посылали сыгравшие шары обратно по специальному желобу. В Везо образовались две группы дачников – русских и немцев. Они постепенно стали знакомиться друг с другом, сообща участвовать в летних развлечениях: играли вместе в кегли, устраивали вместе детские праздники, в которых участвовали и эстонские дети, нанимали «Петрушку» и шарманщика, который играл танцы, устраивали бег в мешках, однако все это происходило не чаще одного раза в лето. Кроме того, немцы устраивали немецкий спектакль, о котором я уже говорила.

Фото 30. Безо. У кегельбана

Отец познакомился с учителем местной школы, из разговоров с ним узнал, что помещение школы мало и тесно, учебников не хватает. И вот он задумал организовать «общество вспомоществования сельской школе в деревне Безо, Везенбергского уезда, Эстляндской губер-

нии»: на собранные с членов общества деньги арендовать у барона Палена участок земли и выстроить школьный дом с хорошими классами, с большим залом и террасой. Зимой зал будет играть роль рекреационного зала, а летом в нем можно будет устраивать спектакли, концерты, танцы, базары и вырученные деньги отдавать в пользу школы. Таким образом, школа получит хорошее здание и будет иметь деньги для покупки учебников и на всякий другие нужды. С другой стороны, дачники будут иметь возможность устраивать всевозможные развлечения. Идея организации общества понравилась всем дачникам. Запись в члены общества проходила успешно, был выбран совет общества, Алексея Евграфовича выбрали председателем. Совет сочинил устав общества, который был утвержден в Петербурге в соответствующей инстанции. Когда все было оформлено, отец поехал в Пальме к барону Палену. Тот принял его очень любезно, показал ему большой портрет своего предка, участвовавшего в убийстве Павла I. Александр I, взойдя на престол, сослал его в его имение Пальме, в котором он и прожил остаток своей жизни. Барон охотно сдал обществу в аренду участок земли – сыпучий песок с несколькими соснами, и к зиме школьный дом был выстроен. Эстонские ребята стали учиться в просторных, светлых классах. К отцу постоянно кто-то заходил по делам общества, особенно часто И. М. Генглез, казначей общества. Он приходил к отцу, а его жена – к матери. Из всех дачных знакомств это было наиболее прочное – супруги Генглез приезжали к нам зимой из Гатчины. Несмотря на игру в кегли и теннис, я по-прежнему дружила с Луизой, среди дачных знакомых я не нашла себе подруги и проводила время с Луизой охотнее, чем с ними.

Вот опять кончается лето, почти все знакомые уже разъехались, букет собран, лошади поданы, мы уезжаем, я выхожу из кареты, быстро поднимаюсь по лестнице с букетом, на площадке перед дверью, как всегда, стоит Мария Павловна, а кто же это еще с ней? Ах, это Мария Маркеловна, зачем она здесь? Совсем незачем ей здесь быть. Я сухо здороваюсь с ней и прохожу в комнаты. На следующее утро Мария Маркеловна уехала от нас. Позже она рассказывала мне, что хотела уехать не дожидаясь нашего приезда, но Мария Павловна заставила ее остаться, говоря, что если она уедет, то можно будет подумать, что они поссорились.

В лаборатории Министерства финансов, где уже несколько лет работал Ф. В. Смирнов, Алексей Евграфович еще весной познакомил его с Марией Маркеловной, и тот принял в ней участие. Незадолго перед тем Смирнов поселился со своей женой Лидией Семеновной Миримановой в большой хорошей квартире в районе Технологического института, и он предложил Марии Маркеловне поселиться у них. За 50 рублей в месяц она имела у них комнату и полный пансион. Лидия Семеновна была тоже врачом по специальности и была старше Федора Васильевича лет на пять. Она была маленького роста, некрасивая, но, подобно ему, доброжелательная к людям. Она с юных лет любила Федора Васильевича, но он не обращал на нее внимания, избалованный своими успехами у женщин, и только теперь, на старости лет, они сошлись и поселились вместе. Они оба отнеслись к Марии Маркеловне как к родной, и она чувствовала себя у них как в семье. Кроме нее, в их квартире жил то племянник Федора Васильевича, Ю.Кадо, то сестра Федора Васильевича, Надежда Васильевна (или, как ее называли, Дина). Она жила в Твери с матерью и приезжала гостить к брату, которого она обожала. После смерти матери она поселилась у него.

Поселившись у Федора Васильевича и Лидии Семеновны, Мария Маркеловна часто приходила к нам по вечерам. Услышав звонок, я заглядывала в окно, выходящее на лестницу, и, увидав Марию Маркеловну, говорила себе: «А, это к Марии Павловне!» – и шла к себе в комнату. Мария Маркеловна, действительно, сидела обыкновенно у Марии Павловны и только к чаю выходила в столовую, меня она не интересовала. 26 января (8 февраля) были именины Марии Маркеловны, Мария Павловна пошла к ней в гости и понесла ей от нашей семьи испеченный нашей кухаркой слоеный пирог с черносмородиновым вареньем. Такой пирог подносился потом Марии Маркеловне каждые ее именины.

Школьные занятия наши шли своим чередом, к прежним предметам прибавился еще славянский язык, который мы изучали с Анастасией Ивановной. Весной на экзамене мы получили все по пятерке, и экзаменовавший нас учитель сказал, что мы знаем его как настоящие славяне. Жили мы по-прежнему дружно, Таня иногда ленилась, да и способности у нее были похуже. С Анастасией Ивановной мы писали много изложений и сочинений. Она не любила, когда мы уснащали свои творения лишними словами, повторами, ненужными эпитетами, дополнениями и определениями. «Динь, динь, динь!» – говорила она, отдавая сочинение. – «Много звону, а мыслей мало». Мария Федоровна по-прежнему уделяла много времени нашим урокам и пополняла нашу библиотеку нужными книгами. К Тане она всегда относилась строже, чем к нам с Липой. Из нас двоих она больше любила Липу, считала меня эгоисткой, мало думающей о посторонних, об общем благе. Школа наша существовала последний год, пятый класс, в который мы весной должны были держать экзамены, был уже одним из старших классов, в нем начинались алгебра и физика, и дома заниматься такими предметами было уже трудно, да и остальные предметы проходили уже более серьезно. Кроме того, мы с Липой оставались вдвоем, Таня весной переезжала в Казань, куда ее отца назначили профессором петрографии Казанского университета. Сестры Липы уже учились в гимназии Шаффе, туда же должны были поступить и мы.

Этот год был омрачен начавшейся японской войной. Из газет и из разговоров старших я узнавала о наших поражениях и происках Англии. С Miss Violet я не говорила о войне, но на большом листе толстого клякспапира[176], покрывавшем мой письменный стол, к уже имеющимся разным словам, вычислениям и закорючкам я добавила слова, которые часто попадались в газетах при обсуждении политики Англии: «Алчный Альбион». Пусть, думаю, Miss Violet увидит, как я отношусь к ее любимой Англии. Изучение русской истории приучило нас к мысли, что русские всегда побеждают, поэтому известия о поражении наших войск вызывали тягостное недоумение.

Отец тяжело переживал эту войну. Но война была далеко, в Петербурге же и вообще в России жизнь шла своим чередом, люди по-прежнему работали, учились, веселились. Ко мне на рождественские каникулы приехали Луиза и Альма. Я написала им заранее приглашение и была очень рада, что родители их отпустили. Я старалась их развлекать, сходила с ними в театр на дневное представление, брала их на елку к Тищенко и к Паршаковым.

После Нового года Поленовы стали готовиться к отъезду. После Пасхи стали сдавать экзамены, и на моем и Липином экзаменационном листках на этот раз было написано: «Принята в 5 класс». На экзамене по французскому языку на этот год вышла неприятность: Таня провалилась. Ей дали переэкзаменовку, но ведь за несколько дней не наверстаешь того, что было упущено за год. Ей поставили «удовлетворительно» только потому, что она уезжала в Казань, а не поступала в нашу гимназию.

Весной я получила письмо от Альмы, в котором она сообщала, что у ее мачехи родилась дочка, родители просили Алексея Евграфовича быть ее крестным. Отец согласился быть крестным маленькой Хильды. Когда мы собрались на дачу, то повезли в подарок крестнице игрушки и материи на платье. Незадолго до отъезда в Безо к нам пришла Мария Маркеловна, я собиралась пойти в сад, она попросилась со мной, мы с ней очень хорошо погуляли и даже играли с ней в палочку-воровочку[177]. С этой прогулки я совсем переменила свое отношение к ней, а она говорила мне потом, что я ей понравилась с первого взгляда, и ей очень хотелось со мной подружиться. Уезжая, мы приглашали ее приехать к нам в Безо, но она решила поехать на море в Геленджик. Она работала в своей лаборатории по вольному найму, то есть не зани-

[176] *Клякспапир* – промокательная бумага.

[177] *Палочка-воровочка* — детская игра. Предположительно то же, что «палочка-выручалочка», прятки.

мала штатной должности, женщины не имели права занимать такие должности в лабораториях казенных учреждений, но зато она имела возможность поехать на месяц в отпуск.

Мы жили в Безо три месяца, я всегда считала, что июнь – это месяц цветов, июль – месяц ягод, август – месяц грибов, но земляника начиналась уже в конце июня, приблизительно с Иванова дня (24 июня старого стиля). Эстонцы, а вместе с ними и дачники, праздновали этот день, накануне вечером на пляже жгли костры. Костры складывали большие, в рост человека и выше, зажигали их с наступлением сумерек. Мы своего костра не складывали, но после ужина, который устраивали немного раньше, мы с отцом и с Луизой и Альмой отправлялись на море и любовались зрелищем горящих костров, ярко пылавших на фоне темного неба и моря. После Иванова дня начиналось настоящее лето, погода становилась более теплой, так же как и вода в море. Открывался купальный сезон.

Этим летом у Луизы и Альмы прибавилось дела, надо было ухаживать не только за паралличной мачехой, но и за новорожденной девочкой. На долю Луизы пала стирка и полоскание пеленок. С этой целью она отправлялась к ручью, я ее сопровождала, и мы там вели с ней задушевные беседы. У нас гостили по обыкновению Н. А. Прилежаев и С. А. Букина, больше гостей не предвиделось, но однажды, около 10 июля, возвращаясь после купания домой, я увидела следы колес, ведшие к нашим воротам. Кто-то приехал! Иду и глазам своим не верю – Мария Маркеловна. Она, как и собиралась, поехала в Геленджик, доехала до Новороссийска и там узнала, что катера в Геленджик не ходят – забастовка, и вообще в тех местах неспокойно. Какой уж там отдых. Она решила вернуться, взяла сразу же билет на обратный поезд и уехала в Петербург. Там она вспомнила о сделанном ей приглашении поехать в Безо и приехала к нам. Я была очень рада ее приезду, чем больше я ее узнавала, тем больше она мне нравилась. 15 июля были именины Владимиров, и я написала поздравление Володе Тищенко. Единственная фраза, которую я добавила к поздравлению, была: «У нас гостит Мария Маркеловна». Я узнала потом, что Елизавета Евграфовна, прочитав мое письмо, сказала: «Нашла, что написать, кому это интересно».

Елизавета Евграфовна была характером похожа на свою мать, такая же эгоистичная, неласковая, самовлюбленная, резкая, нетерпимая к тем, кого она невзлюбит. Она с детства не дружила с отцом и всегда подчеркивала, что она иначе относится к Андрею Евграфовичу, чем к отцу. Когда Андрей Евграфович приезжал в Петербург, он останавливался всегда у Тищенко, и Елизавета Евграфовна всячески старалась угодить старшему брату. Она не могла простить отцу, что он обогнал Вячеслава Евгеньевича (ее мужа), не могла простить его успеха в науке, всегда пренебрежительно отзывалась о нем, говорила, что Вячеслав Евгеньевич – труженик, а Алексей Евграфович – лентяй. Она не упускала случая в разговоре с матерью, где только возможно, сказать что-нибудь плохое про отца, чем, конечно, расстраивала ее, в то время как ее надо было оберегать от волнений. Мать никогда не умела оборвать ее и часто плакала после ее нападок на отца. Отец знал, как относится к нему сестра, но не страдал от этого, особо нежных чувств к ней тоже не питал, но всегда хорошо относился к ее семье, к своему товарищу, Вячеславу Евгеньевичу Тищенко, он видел его недостатки и признавал его достоинства, и, где мог, способствовал его продвижению.

Однако я далеко отвлеклась от того времени, когда к нам в Безо приехала Мария Маркеловна. Она прожила у нас весь остаток своего отпуска, она старалась, где могла, быть полезной матери, чистила под нашим руководством ягоды, хотя, как я потом узнала, терпеть не могла этого занятия, сшила мне летнее платье, которое потом стало моим любимым платьем. По летам обычно Мария Маркеловна ездила работать статистиком в Самару, сама она была родом из Самарской губернии, поэтому она привыкла к жаркой погоде, и оттого погода в Безо казалась ей холодной. Как я уже говорила, я летом всегда ходила в одном платье, а Мария Маркеловна каждый день ходила в драповом пальто – ей все казалось холодно.

Вскоре приехала в отпуск Мария Павловна, у нее отпуск был всего лишь две недели. За время пребывания у нас Марии Маркеловны я с ней подружилась, так как чувствовала, что она очень хорошо ко мне относится. В начале августа она уехала, ей, как и другим гостям, поручили отвезти в город ящик с вареньем, причем наказывали не сдавать его в багаж и везти с собой в вагоне. Но проводник оказался непреклонным и не пустил ящик в вагон, пришлось сдать его в багаж, и Мария Маркеловна очень волновалась, что банки разобьются, что скажет тогда Наталья Павловна! Мария Павловна, узнав, что варенье сдано в багаж, осталась очень недовольна. Совсем расстроенная, Мария Маркеловна поехала на вокзал получать багаж, повезла его к нам домой, спешно распаковала. Все банки доехали в полной сохранности. Мария Маркеловна считала себя в долгу перед нами и в благодарность за гостеприимство заказала и подарила мне золотой овальный медальон с моей монограммой. Мать неодобрительно отнеслась к такому поступку, считала, что это лишнее, другие гости ограничивались обычно коробкой конфет. Мария Маркеловна дала уменьшить фотографии моих родителей, снятые перед их свадьбой, и вставила их в медальон. Я лично была очень довольна, медальон этот у меня цел и сейчас.

В этом году мы вернулись в город немного раньше обычного, нужно было успеть к 1 сентября сшить мне коричневое платье и черный передник. Такая форма была в старших классах нашей гимназии. Отец купил мне сумку для книг и тетрадей. Гимназия наша помещалась на углу Большого проспекта и 5-й линии, она занимала весь большой трехэтажный дом, только на первом этаже на углу помещался небольшой магазин фарфоровой и фаянсовой посуды. На самом углу на третьем этаже был полукруглый балкон, на его перилах была укреплена вывеска с надписью: «Maison deducation». Этот балкон был как раз на нашем классе, но дверь на него была заделана. Дом этот был старый, он не был построен для учебного заведения. Сначала у Э. П. Шаффе была не гимназия, а пансион, число учениц было невелико, постепенно оно увеличивалось, помещение расширялось, а когда вместо пансиона стала гимназия, она заняла весь дом. В доме были внутренние лестницы, темные комнаты и темные переходы. Кроме большого зала, в котором вся гимназия собиралась утром на молитву и где мы гуляли во время перемен, был еще гимнастический зал. При гимназии был интернат, там жило небольшое число девочек из нашего класса. На самом верху жили некоторые классные дамы. Вход в гимназию был с 5-й линии, недалеко от угла. Подъезд был небольшой, но с каким трепетом открывали мы эту дверь, когда шли на экзамен. Кроме гимназии в этом доме помещался еще детский сад, которым руководила толстая, добродушная тетя Саша.

Но вот настало 1 сентября. Я зашла к Коноваловым за Липой и отправилась вместе с ней и ее сестрами в гимназию. Я каждый день заходила за Липой и ждала в передней несколько минут, пока девочки соберутся. Варвара Ивановна всегда выходила их провожать в капоте в переднюю и давала им каждый день по чистому носовому платку. Проводив детей, она снова ложилась. Я уходила из дома в четверть девятого, меня будила горничная Наташа и заплетала мне косу, я пила молоко с булкой и заходила в спальню проститься с матерью, она и отец вставали позднее. Кроме сумки с книгами, у меня в руках была еще плетеная корзиночка с крышкой, в которой лежал мой завтрак: два бутерброда с колбасой, обыкновенно «Любской» (так называлась копченая колбаса типа теперешней «Советской»); бутылочка с молоком такого размера, как рожки для грудных детей, она плотно закупоривалась и укладывалась плотно в корзинку. Были в корзине еще яблоко и кусок шоколада.

Итак, 1 сентября мы первый раз пошли с Липой в гимназию. У каждого класса внизу был свой шкаф для верхней одежды, закрытый спереди металлической сеткой. Когда мы пришли в класс, нас встретила наша классная дама Анна Семеновна Кампе, пожилая немка в синем платье. Все почти места уже были заняты, Анна Семеновна указала нам с Липой места, мне – в предпоследнем ряду, Липе – на один ряд ближе. Со мной рядом сидела Катя Щукарева, рядом с Липой – Термина Гюннер. Мы с Липой не осмелились сказать, что мы подруги и хотели бы сидеть рядом, и так весь год и просидели на вышеуказанных местах. Классы в нашей гимназии

были небольшие по числу учащихся, в нашем классе было, когда мы поступили, 25 человек: Грот, Гуммель, Гюннер, Диксон, Додонова, Казицына, Кох, Коновалова, Леви, Ленц, Мущенко, Развадовская, Сыромятникова, Сюннеберг, Трейман, Тацки, Фаворская, Хвольсон, Шлезингер, Штейман, Шевырева, Щукарева, Эбергардт и Эйгнер. В таком порядке обыкновенно Анна Семеновна делала каждое утро перекличку.

Уже по перечисленным фамилиям видно, что среди девочек нашего класса было много немок. В то время на Васильевском острове жило много немецких семей среднего достатка, многие девочки и были из таких семей, но были и дети из богатых семей. Аля Грот была внучкой известного академика Грота[178], Маня Эйгнер была единственной дочерью богатых родителей, она много болела и не кончила с нами курса. Некрещеных евреек у нас не было, но были крещеные православного и лютеранского исповедания. Маруся Развадовская была полька-католичка, у нее не было родных в Петербурге, и она жила в интернате. Оля Тацки была из военной семьи, у нее были братья, учившиеся в саперном юнкерском училище, говорили, что родные ее были венгерского происхождения. Вера Сюннеберг была православная финка, она держалась особняком, ни с кем не дружила, финны в то время в большинстве были настроены враждебно относительно русских. Хелла Ленц была внучкой известного физика Ленца[179], она была умная, симпатичная и красивая, она дружила с Юлей Додоновой, тоже способной и милой девочкой. Обе они были из состоятельных семей.

Вот краткая характеристика некоторых девочек, с которыми мне предстояло учиться в течение четырех лет. Классная дама следила за порядком в классе, отмечала отсутствующих, проверяла дневники и тетради, составляла ведомости успеваемости, которые выдавала ученицам каждую четверть, с тем чтобы они смогли снести их домой и показать родителям. С нами она говорила один день по-французски, другой по-немецки. Никаких неприятностей мы от нее не имели, но и дружеских, теплых отношений тоже не было. Класс наш считался сильным, особых шалостей за нами не числилось. Каковы были наши учителя? Закон Божий преподавал нам отец Фокко, мы звали его всегда батюшкой. Фамилия его, скуластое лицо, черные глаза и волосы говорили о нерусском его происхождении, хотя говорил он по-русски очень чисто. Как законоучитель, он значительно отличался от обычных батюшек, преподающих Закон Божий. В его объяснениях и рассказах чувствовалась большая эрудиция и разносторонняя образованность, значительно более свободный образ мыслей, чем это подобает священникам, воспитывающим юношество в духе покорности церкви и царю. Это был в высшей степени доброжелательный и гуманный человек. Некоторые находили, что он по внешности напоминал Гапона[180].

Русский язык преподавал, когда мы поступили, Кораблев[181], недели через три после начала занятий он ушел из гимназии, и нашим учителем стал Яков Алексеевич Автамонов (фото 31). Это был сравнительно молодой человек, небольшого роста, в очках, начинающий лысеть, горбатый; лицо его было некрасиво. Говорят, что горбатые люди обыкновенно бывают злыми, как бы мстят другим за свое убожество, на Якове Алексеевиче это совсем не оправдалось. Он был добрейший души человек, скромный, мягкий и прекрасный преподаватель, мы его очень любили и уважали. Учительницей французского языка была Зинаида Александровна Пиленко. Глядя на нее, никто бы не сказал, что она не француженка. Она училась во Франции, в Гренобле, произношение ее было безукоризненно, преподавала она живо и интересно, у нее, безусловно, был педагогический талант. Мы с ней изучали французский язык как таковой, его грамматику и более старую французскую литературу. Она была высокого роста,

---

[178] *Грот Я. К.* (1812–1893) – российский филолог, академик Петербургской АН с 1856 г.

[179] *Ленц Э. Х.* (1804–1865) – российский физик и электротехник, профессор и ректор Петербургского университета, академик Петербургской АН с 1830 г.

[180] *Гапон Г. А.* (1870–1906) – священник, агент охранки. Инициатор шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.

[181] *Кораблев В. Н.* (1873–1936) – известный славист, преподаватель Женского педагогического института, впоследствии профессор Петроградского университета.

с хорошей гибкой фигурой и интересным лицом; одевалась она всегда в темные, но модные, несколько экстравагантные платья. Она была строгой, требовательной учительницей, иногда не прочь была съязвить. Мы занимались у нее с интересом, но любви к ней не чувствовали; она была умной и широко образованной, однако излишняя самоуверенность ее всегда ставила известную преграду между ней и ученицами.

Фото 31. Яков Алексеевич Автамонов (учитель русского языка)

Немецкий язык преподавала нам фрейлен Меттус, это была добросовестная, аккуратная немка, типа Анны Семеновны. Насколько мадмуазель Пиленко была интересной, яркой личностью, настолько бесцветной была фрейлен Меттус, как по внешности, так и в качестве педагога. Мы с ней изучали немецкий как язык, древнюю немецкую литературу, немецкие саги. По математике у нас было два учителя: Дмитрий Дмитриевич Франк преподавал алгебру и Михаил Александрович Образцов – геометрию. Дмитрия Дмитриевича мы любили за его живость, простоту, за несколько товарищеское отношение к нам, и преподавал он хорошо. Он еще был молод, брюнет с черными глазами и черной эспаньолкой, уроки его проходили живо и интересно. Прямой его противоположностью был Образцов. Он ходил всегда в форменном сюртуке (Дмитрий Дмитриевич формы не носил), медленной походкой проходил через класс, подходил к столу, облокачивался обеими руками на стол и медленно водил глазами по фамилиям учениц, написанным в классном журнале, и потом медленно, с расстановкой произносил чью-нибудь фамилию. Пока он это проделывал, в классе стояла такая тишина, что слышно было, как муха пролетит, все не спускали с него глаз и с замиранием сердца ждали, кого он назовет.

Хоть и знаешь прекрасно урок, но поневоле делается страшно. Он был уже немолод, с большой лысиной, на кисти руки у него была большая шишка. Он был, вероятно, лучшим преподавателем, чем Дмитрий Дмитриевич, но мы его не любили, он держался сухо и официально. Нам было известно, что он любитель музыки и балета, постоянный посетитель Мариинского театра.

Физику нам преподавал Александр Антонович Добиаш[182], лаборант (по-нынешнему – ассистент) Университета, ученик Д. С. Рождественского[183]. Это был тоже один из наших любимых учителей. Он держался всегда просто, ходил быстро, слегка нагнув вперед голову. Небольшая бородка, светлые, торчащие вперед усы, светлые волосы слегка торчат дыбом. Преподавал он живо и интересно, мы занимались у него хорошо, хотя он был достаточно требовательным. Это был не учитель средней школы, а молодой ученый, увлекавшийся наукой, и как человек он был симпатичный.

Вот с историком нам не повезло, все три года у нас преподавал Тарасов (я даже не помню его инициалы), преподавал скучно, бесцветно, очень мало отступал от учебника, он вел уроки как по русской, так и по средневековой истории. Он был высокого роста блондин с правильными чертами лица, но глаза его и лицо были какие-то невыразительные, – во всяком случае, он не производил впечатление умного человека. Он носил форменный сюртук и представлял собой тип учителя-рутинера, не блистал и образованностью. Помню, как-то раз ему пришла охота проявить свое остроумие и ученость, и он стал объяснять нам, что значит слово «жандарм». Это слово французского происхождения, если его перевести на русский, то это значит «вооруженные Иваны». Мы с трудом удержались от презрительного смеха, этим переводом он показал свою безграмотность: слово «жандарм» по-французски пишется gensdarme, что значит «вооруженные люди». Если бы оно значило «вооруженные

Иваны», его надо было бы писать так: jeandarme, Иван по-французски Jean, я всегда удивлялась, что в нашей гимназии, где преподавание было так серьезно поставлено и где был такой хороший подбор учителей, существовал такой учитель, как Тарасов.

В пятом классе заканчивали изучение естественной истории, весной мы должны были сдавать по ней экзамены, и отметка шла в аттестат. В этом же году заканчивал в нашем классе свою педагогическую деятельность и наш учитель зоологии Аполлон Александрович Мялицын, дотягивал до пенсии. На его примере можно было видеть, как опасно давать детям имена, являющиеся синонимами прекрасного человека. Наш Аполлон был полной противоположностью прекрасному греческому богу. Маленького роста, с несоразмерно короткими ногами, с седой щетиной на изборожденном глубокими складками лице, с хриплым голосом от постоянного курения, пропахший табаком, прихрамывающий на одну ногу, неопрятный – таков был наш Аполлон. Преподавал он плохо, часто хворал и пропускал уроки, его додерживали до пенсии. География в пятом классе тоже хромала, преподававший ее в четвертом классе учитель болел, и его весь год заменяла то одна, то другая учительница. Учитель рисования Бродерсон довольно формально относился к делу, он давал нам срисовывать с цветных открыток цветы или плоды, придумывать узоры для каких-либо рукоделий. Хорошо рисовали у нас в классе два человека – Термина Тюнер и Аля Грот, остальные особых способностей к рисованию не имели. Бывали у нас и уроки рукоделия, преподавала седая, худенькая учительница с немецкой фамилией, она была суетлива, с высоким резким голосом. По ее заданию мы должны были связать на спицах четырехугольный кусок определенной величины, нашить его на картон и вырезать затем в нем четырехугольную дыру, а затем заштопать ее так, чтобы она не отличалась от остального куска. В пятом классе раз в неделю во время большой перемены бывали уроки пения; Липа в этих уроках не участвовала, считалось, что у нее совсем нет слуха и голоса, у

---

[182] *Добиаш А. А.* ("1875–1932) – известный ученый-физик, впоследствии профессор и ректор Воронежского университета.

[183] *Рождественский Д.* С. (1876–1940) – физик, один из организаторов оптической промышленности, основатель ленинградской школы оптиков, академик.

меня определили альт (третий голос) и велели петь. Лучше всех у нас в классе пела Катя Щукарева, у нее был хороший, низкий голос. Раз или два в неделю бывали во время большой перемены уроки гимнастики, происходили они в гимнастическом зале, высоком, пустом и довольно мрачном помещении, в который мы попадали после довольно длинного перехода по разным коридорам и лестницам. Инструктором была Надежда Аполлоновна Макарова, она прекрасно знала языки, преподавала в младших классах геометрию, она окончила нашу гимназию, а высшее образование получила на Высших женских курсах или в Педагогическом институте.

Фото 32. Эмилия Павловна Шаффе

Она вела всю административную работу, была правой рукой начальницы – Эмилии Павловны Шаффе. Она пользовалась в гимназии авторитетом, ученицы к ней хорошо относились, но с нашим классом она как-то мало имела дела. Что сказать о самой Эмилии Павловне (фото 32)? О ней и ее школе написана целая книжка, которая у меня хранится. Это был человек,

преданный делу воспитания детей, поборница серьезного женского образования, сумевшая из маленького пансиона создать образцовую гимназию, пользовавшуюся в городе всеобщим признанием и, что еще вернее, любовью учившихся в ней девочек. Ею был создан при гимназии детский сад, во главе которого стояла добродушная тетя Саша, и три подготовительных класса, в младший из которых поступали семилетние девочки. Она вникала во все мелочи гимназической жизни, все ее заботило, все интересовало. Как-то раз вошла она в наш пятый класс и остановилась в проходе, как раз около моей парты. Она попросила мою тетрадку русского языка и сказала, обращаясь к классу: «Я обратила внимание, что вы хотя и находитесь уже в старших классах, но пишете плохо, в смысле почерка. Вот, например, эта тетрадка», – показала она мою тетрадь. – «Все написано здесь правильно и аккуратно, но почерк никуда не годится; придется вам раз в неделю заниматься чистописанием для исправления почерка». И действительно, раз в неделю были организованы для нас уроки чистописания, не знаю, как другим, а мне они принесли несомненную пользу, и с тех пор, по-моему, никто не может пожаловаться на мой почерк. Эмилия Павловна в это время была уже старушкой – небольшого роста, в наколке с рюшем на седых волосах, в очках, всегда в темном, незаметном платье. Она не давала уроков ни в одном из классов, но часто заходила на уроки, в особенности в младших классах, присутствовала всегда на выпускных экзаменах и иногда принимала участие в приемных экзаменах вновь поступающих девочек. Помню, один раз она экзаменовала и нас. В ней не было излишней мягкости, никакой сентиментальности, но глаза ее смотрели ласково из-под седых бровей, и чувствовалось, что ей дороги все эти большие и маленькие девочки, их знания, их судьба. Эмилия Павловна не была замужем, у нее был приемный сын, Лев Шпергазе[184], он был женат, у него было двое детей, мальчик и девочка, которые ходили в детский сад.

В то время при каждом доме на Большом проспекте Васильевского острова был сад, обнесенный забором. Был такой сад и при гимназии, весной и осенью мы выбегали туда в большую перемену; сад был уютный, содержался в порядке, никто не трогал яблок, в изобилии висевших на ветках нескольких яблонь.

Итак, мы с Липой пришли первый раз в гимназию, начался новый этап нашей жизни. В двенадцать часов была большая перемена, взяв корзиночки с завтраком, мы вышли в соседнюю комнату, полутемную, без окон, там стояли длинные столы и скамейки, за которыми мы и завтракали. Из этой комнаты двери вели в зал; большая перемена длинная, целый час, во время нее мы и гуляли, и просматривали трудные уроки, а некоторые девочки просто учили их. Впоследствии почти каждую большую перемену кто-нибудь из более слабых девочек просил рассказать им тот или иной урок. Вскоре по большим переменам были устроены уроки танцев, в которых я принимала участие и восполнила, таким образом, этот недостаток в моем образовании.

26 сентября старого стиля был день основания гимназии, в этот день занятий не было, мы приходили в гимназию без передников, с кружевными воротниками на коричневых платьях и с распущенными волосами. Мы все собирались в зале, около окон там ставили большой стол для педагогического совета, и затем происходила раздача аттестатов и медалей. При этой церемонии присутствовали и желающие родители.

Занятия кончались без десяти минут три, мы с Липой отправлялись домой. Дома я переодевалась, зимой я надевала юбку с бумазейной блузкой, весной – с легкой блузкой, в половине четвертого я пила с матерью чай и рассказывала ей события дня. После чая я становилась к окну и смотрела, идет ли очередная учительница; хотя и с Miss Violet, и с Маргаритой я занималась с большим удовольствием, но все же я смотрела с тайной надеждой: «Авось не придет». Я занималась английским и немецким через день три раза в неделю, два раза в неделю после обеда с шести-семи часов занималась музыкой. В пять часов я кончала урок английского или

[184] *Шпергазе Л. И.* (1874–1927) – выдающийся инженер, гласный Петербургской городской думы.

немецкого, в половине шестого мы садились за обед. В семь часов пили послеобеденный чай, и затем я садилась за уроки, которые обыкновенно кончала к десяти часам, к вечернему чаю. В это время часто ко мне приходила Липа, некоторые уроки мы иногда готовили вместе, спрашивали друг друга, иногда вместе упражнялись в решении задач, а иногда и просто болтали, когда уроков было мало. Мы с ней становились все ближе друг другу, мы ведь остались только вдвоем, делились нашими заветными мыслями и мечтами.

Между тем в стране становилось все тревожнее, все чаще появлялись сообщения о забастовках, демонстрациях, студенческих беспорядках. Возвращаясь из гимназии, мы видели наряды полиции, основная масса которых заполняла тогда двор Академии наук. Наконец, все это завершилось Кровавым воскресеньем 9 января[185]. Дома у нас в этот день стояла какая-то давящая, гнетущая тишина, никто не выходил из дома, но слухи ползли, зловещие, невероятные по своей беспримерной жестокости. Отец не мог сидеть на месте, молча с мрачным лицом он ходил взад и вперед по комнатам.

[185] *«Кровавое воскресенье» 9 января* – расстрел мирной демонстрации петербургских рабочих 9 января 1905 г., положивший начало так называемой революции 1905–1907 гг.

Фото 33. Живоин Ильич Иоцич

В этом году я совсем иначе встречала Марию Маркеловну, когда она приходила к нам, хотя она большую часть времени проводила с Марией Павловной, я все же улучала минутку с ней поболтать, иногда она приходила к нам по воскресеньям. Она по-прежнему жила вместе с Федором Васильевичем и Лидией Семеновной, по-прежнему занималась в Смоленской школе для рабочих. Заведующая этой школой, Елизавета Петровна Пожалова, очень ее любила, по-прежнему она видалась с В. А. Мокиевским, но счастливая развязка их привязанности все затягивалась, и вместо счастливого конца наступила катастрофа: в ночь на 20 февраля (старого стиля) В. А. Мокиевский покончил с собой, приняв цианистый калий. В своем последнем письме к Марии Маркеловне он не сказал, какая причина заставляла его лишить себя жизни, ему стало тяжело жить по разным обстоятельствам, а последняя причина только переполнила чашу. По пересказам товарищей эта причина заключалась в ссоре с Ж. И. Иоцичем (фото 33), из-за которой они должны были драться на дуэли. Вообще, Владимир Андреевич был человек замкнутый и мрачно смотрящий на жизнь. Любовь Марии Маркеловны доставляла ему радость, но он чувствовал, что она считает его лучшим человеком, чем он есть на самом деле. На Марию Маркеловну смерть его произвела ужасное впечатление. Она как будто предчувствовала это несчастье. В эту роковую ночь она видела во сне, будто он лежит в соседней комнате и хрипит так страшно, что она проснулась и не могла больше уснуть. Утром ей передали его письмо и сообщили о случившемся. Она очень тяжело переживала свое горе. К нам она пришла спустя несколько дней после его похорон; было воскресенье, сырой февральский день. Она пошла с Марией Павловной в наш сад, я тоже пошла туда, но не смела подойти к ней и только издали смотрела, как они ходили по дорожкам. В саду было много снега, снег был и на деревьях, мокрый, он таял и капал с веток с печальным шумом, с серого низкого неба падали мокрые снежинки.

После обеда Мария Маркеловна ушла в комнату Марии Павловны и прилегла на ее кровать, я пришла к ней. Мне так было ее бесконечно жаль, я стала говорить с ней на разные темы, тщательно избегая всего, что могло бы напомнить ей о несчастье. С этого времени я еще больше полюбила ее, у меня за нее постоянно болела душа. Она плакала у себя в комнате, я плакала о ней, когда узнала об ужасном событии и каждый раз после свидания с ней. Федор Васильевич и Лидия Семеновна окружили ее вниманием и заботой, оба они были такие деликатные люди, но все равно Мария Маркеловна очень тосковала. Придя со службы и пообедав, она уходила к себе и чувствовала себя такой одинокой. Ей было двадцать восемь лет, с тринадцати лет она была оторвана от семьи, жила среди чужих людей, она так тосковала по семье, по личному счастью. Она, конечно, чувствовала мою любовь к ней и тоже очень привязалась ко мне. Впоследствии она говорила мне, что сомневалась, была ли она счастлива с Владимиром Андреевичем, он был все-таки слишком мрачным человеком, и психология у него была какая-то больная.

Работа не давала ей удовлетворения и забвения, она состояла в однотипных, шаблонных анализах так называемых кетонных масел[186] и научного интереса не представляла. Мария Маркеловна была единственной женщиной в лаборатории, она сумела так себя поставить, что все к ней относились с уважением. М. Г. Кучеров, «начальство», как она его называла, всегда был к ней внимателен. Работа давала ей возможность вполне обеспеченно существовать, ездить каждое лето в отпуск на юг в дорогие пансионы.

В это время Министерство финансов объявило конкурс на лучшую денатурацию спирта. Денатурирующее вещество должно было делать спирт отвратительным на вкус, прочно в нем удерживаться, так, чтобы нельзя было легко от него очистить спирт. Была создана комиссия,

[186] *Кетонное масло* – продукт, получаемый сухой перегонкой солей масляной кислоты брожения.

которая должна была рассматривать поданые под различными девизами предложения; в нее вошел и Алексей Евграфович. Было подано очень большое число предложений, так что комиссии пришлось проделать большую работу, но все предложенные способы в том или ином отношении не удовлетворяли экспертов. Когда был выбран наилучший образец денатурированного спирта, решили пригласить в качестве дегустатора ломового извозчика и дали ему попробовать, какова на вкус эта жидкость. Извозчик пришел в заседание комиссии, взял в руки налитый ему стаканчик денатурата, выпил, крякнул и сказал: «Вот это да! Здорово забирает! Нельзя ли еще стаканчик?» Так никому и не досталась назначенная премия.

В эти годы отец несколько раз назначался присяжным заседателем, возвращаясь из суда, он иногда рассказывал о разбиравшихся делах, но никаких громких процессов ему не пришлось судить.

Пришла весна, мы с Липой стали готовиться к экзамену по зоологии. Занимались мы в нашей бывшей классной; моя парта одиноко стояла в углу, остальные парты и доска были убраны, там стоял теперь диван. Занимались мы достаточно усердно, но весна и солнце манили к окнам, за которыми распускались липы в парке кадетского корпуса, на месте которого теперь расположены здания Государственного оптического института[187]. Сбоку в парк выходили здания елисеевских заведений: магазина, фабрики и жилого доходного дома[188]. Нас забавляло наблюдать за жильцами этого дома. Мы говорили, что у них развито «стремление к вывешиванию», как ни посмотришь, в открытых окнах этого дома видишь высунувшиеся фигуры, смотрящие во двор на заходящих туда старьевщиков-татар, кричащих: «Халат, халат», на шарманщиков, или лоточников с тележками, или просто на разыгрывавшиеся сцены между другими жильцами или ребятишками. Когда наступало время завтрака, Липа уходила к себе домой, после завтрака мы встречались с ней в саду, после гулянья шли опять заниматься, среди дня мать поила нас чаем с конфетами, во время чаепития мы читали, мне запомнилось, что на нас произвел большое впечатление замечательный рассказ Чехова «Дом с мезонином». Слова «Мисюсь, где ты?» всегда вызывают у меня воспоминания о двух девочках, сидящих за столом с лежащим на нем учебниками, мысли которых улетели далеко. После обеда опять занятия до вечернего чая.

Незадолго перед отъездом в Безо я получила письмо от Альмы, в котором она сообщала о смерти маленькой Хильды, погибшей от какого-то желудочного заболевания. Когда мы приехали в Безо, оказалось, что родители решили устроить Альму на работу во вновь открывшуюся булочную. Ей сшили для этой цели новую юбку и блузку, и она вскоре встала за прилавок, за которым и проводила с тех пор большую часть дня. Теперь мы остались вдвоем с Луизой и еще больше подружились, ей приходилось теперь больше работать по хозяйству, я по-прежнему помогала ей при сборе ягод и развлекала ее своими разговорами при большинстве других работ. В этом году лето было тревожное: во многих имениях пылали подожженные крестьянами помещичьи дома. В Финляндии, на противоположном берегу Финского залива, почти прямо против Безо, в крепости Свеаборг, произошло восстание гарнизона[189], шла артиллерийская стрельба, которую мы слышали у себя в Безо.

Был август месяц, был тихий, серый дождливый день, шел мелкий непрерывный дождь; мы ходили с отцом в этот день за грибами, мокрый лес, тихий шелест дождя по листьям, низко нависшее серое небо, глухие раскаты артиллерийских залпов создавали унылое, безнадежное настроение. Сознание, что где-то недалеко, за узкой полоской залива, идет героическая, нерав-

---

[187] *Государственный оптический* институт – основан в 1918 г. по инициативе Д. С. Рождественского. В 1951 г. институту было присвоено имя С. В. Вавилова.

[188] Это один из комплексов, принадлежавших предприимчивым купцам. Наиболее известен магазин на Невском проспекте.

[189] *Восстание в Свеаборге* – вооруженное выступление матросов и солдат (18 (31) июля – 20 июля (2 августа) 1906 г.) гарнизона российской морской крепости Свеаборг близ столицы Великого княжества Финляндского – Гельсингфорса.

ная борьба, заставляло сжиматься сердце. Молча ходили мы с отцом по лесным дорогам, дома сидеть в такое время было еще тяжелее.

Осенью волнения в Петербурге вспыхнули с новой силой, демонстрации, забастовки. Бастовали заводы, студенты и даже гимназисты. По улицам разъезжали казаки с нагайками. Наша гимназия не бастовала, не такой был состав учениц, но волей-неволей пришлось несколько дней не учиться – так неспокойно было на улицах. Обнародованный 17 октября Манифест о конституции и Государственной думе не мог удовлетворить народ, волнения продолжались, по всему городу возникали митинги и организованно, и стихийно. В Университете собирались и говорили в аудиториях, в актовом зале и просто во дворе, в университетском коридоре. Выступали самые разнообразные ораторы, и слушатели тоже были самого различного характера: студенты, рабочие, гимназисты и просто прохожие, остановившиеся послушать, что говорит очередной «оратель». Много еще темноты было в народе, многие слушали и не понимали, о чем идет речь. Домработница Тищенко, возвращаясь по двору домой, остановилась послушать. Митинг вскоре закончился, она пришла домой и стала рассказывать, как ей понравился выступавший «оратель»: «Такой милый, такой симпатичный и вежливый такой… Кончил говорить и отрекомендовался, сказал: “Кончил Митин”. Очень, очень симпатичный человек».

После нескольких дней перерыва занятия в гимназиях возобновились. В этом году у нас появились новые учителя: по немецкой литературе – Herr Oscar Neumann и по французской литературе – Mr Paquier. Первый преподавал очень интересно, он и по внешности, и по своим внутренним качествам был типичным добродетельным, хорошо эрудированным немцем. Мы его любили, нас с Липой он считал очень хорошими ученицами и очень к нам благоволил. Mr Paquier был худой француз с громадными черными глазами. Преподавал он менее интересно, мне он не был симпатичен, так как он неоднократно заявлял на уроках: «Я монархист и клерикал». Он был фанатичным католиком, и критика его тех писателей и поэтов, которых мы проходили, была всегда тенденциозна. Появился у нас и новый учитель географии – Лапченко. Это был очень серьезный и требовательный учитель, я очень любила этот предмет и вела подробные записки всего, что рассказывал Лапченко, в результате у меня одной из всего класса была пятерка в четверти. Все просили списать мои записки, просили рассказать урок на большой перемене. Весной мы должны были сдавать экзамен по географии уже для аттестата. Проходили мы в этом году географию России, я занималась ею с удовольствием, а некоторые были недовольны Лапченко и ругали его.

Мы с Липой уже чувствовали себя в гимназии как дома и сели на одну скамейку, не в конце класса, а в третьем ряду. С этого года гимназию возглавляла Н. А. Макарова, Эмилия Павловна еще летом уехала лечиться за границу, но здоровье ее все ухудшалось, и зимой мы ее похоронили. Занятий в этом году было больше, задавали больше уроков, писали сочинения и домашние, и классные. Дмитрий Дмитриевич Франк устраивал одну письменную работу по алгебре за другой. Даже и по воскресеньям часто находилась работа: то надо было писать сочинение, в будний день не успеть было это сделать, то надо было приводить в порядок и переписывать записки, каждую четверть просматривали тетради и ставили отметку за их состояние.

Фото 34. Дача П. С. Паршакова в Канерве – между Репино и Комарове

Но все же зимой мы часто ездили с отцом в Куоккала[190] на дачу к П. С. Паршакову, он уже выстроил на своем участке одну большую дачу и одну маленькую – для зимних наездов. Мы там останавливались, переодевались и катались с окрестных гор. Иногда удавалось захватить с собой и Липу. Мне Петр купил хорошие легкие валенки, Липа каталась в теплых калошах. Алексей Евграфович как-то предложил ей, что Петр может и ей купить валенки, но она не решилась попросить об этом родителей. Дача была довольно далеко от станции, и мы обыкновенно не шли к ней пешком, а нанимали маленькие финские сани, принадлежавшие сторожу на даче. Возвращались уже вечером, после захода солнца (34 фото).

В этом году мы с Липой ближе сошлись с некоторыми из девочек: с Юлей Додоновой, Хеллей Ленц, Теей Леви, Лизой Шевыревой и к поступившей к нам в этом году Ириной Старынкевич. У некоторых из них мы побывали в гостях. Кроме того, нас пригласила к себе однажды Вера Хвольсон. Мы с ней не были близки, она держалась особняком и к большей половине класса относилась враждебно – может быть, в младших классах ее дразнили или обижали, не знаю. У нас с ней никаких столкновений не бывало, и к нам она, по-моему, относилась лучше, чем к другим. Кроме того, мне кажется, что отец ее, Орест Даниилович[191], уважал наших отцов и хотел, чтобы дочь его подружилась с нами. Однажды Вера позвала нас к себе в гости, жили они в здании Физического института; кроме нас была еще одна или две девочки. Посидев в Вериной комнате, мы пошли в столовую пить чай вместе с ее родителями. Сестра Веры, Надежда, была замужем за старшим сыном ректора Университета, профессора физики Ивана Ивановича Боргмана[192], и не жила с родителями, отдельно жила и другая ее сестра. Орест Даниилович во время чая был очень любезен с гостями, расспрашивал нас и сам рассказывал. Он уже был в это время болен, у него была, как тогда говорили, сухотка спинного мозга, он ходил с палкой и сидел на мягкой подушке, вставать ему было трудно, но ходил он

[190] *Куоккала* (фин.) – с 1948 г. пос. Репино.

[191] *Хвопъсон* О. *Д.* (1852–1934) – физик, чл. – кор. Петербургской АН с 1895 г., профессор Петербургского университета.

[192] *Борглан И. И.* (1849–1914) – физик, глава петербургской школы физиков, один из создателей Русского физического общества, профессор и ректор Петербургского университета.

достаточно бодро. Жена его не принимала участия в разговоре, только потчевала гостей. Сказав что-нибудь, она взглядывала на мужа с опаской. Видно было, что Орест Данилович демонически властвует в семье, у Веры тоже был какой-то забитый вид: маленькие узкие глазки ее были всегда опущены, ходила она опустив голову и как-то сжавшись. Впоследствии она стала ненормальной, избегала людей, никуда не ходила, только выходила гулять и как маятник ходила взад и вперед по университетскому двору, ни с кем не здороваясь.

В гостях у Теи Леви было совсем по-другому: они жили в роскошной квартире, принимала нас Тея в гостиной. У Теи было три сестры: Ева, окончившая в прошлом году нашу гимназию; Алиса, с красивым, правильным лицом, учившаяся в седьмом классе; и маленькая Сибилла, беленькая, кудрявая девочка. Сестры к нам не выходили, мать Теи в это время была в Берлине, где она издавала сборник своих стихов на немецком языке. Отца Теи, богатого банкира, мы тоже не видали. Тея была простая и очень милая девочка, мы весело болтали и играли в какие-то игры. Но вдруг кто-то вспомнил, что на следующий день опять должна была быть письменная работа по алгебре. Тут некоторые из девочек начали ворчать и возмущаться, что Дмитрий Дмитриевич замучил нас этими работами, к кому-то из них пришла в голову мысль написать Дмитрию Дмитриевичу письмо. Всем эта идея очень понравилась, живо принесли бумагу, и письмо было написано. В нем говорилось, что в последнее время матери часто спрашивают своих дочек, отчего они так невеселые, так похудели. А те отвечают: «Алгебра, письменная работа». Письмо было написано, запечатано, и Тея должна была завтра перед уроком осторожно положить его на учительский стол. Кроме нас с Липой, в гостях были Юля с Хеллой, Лиза Шевырева, Катя Щукарева и еще кто-то. Всем идея письма очень понравилась, и все очень веселились. Вскоре за нами с Липой приехал Петр (по вечерам нас не пускали одних ходить по улицам), и мы уехали. Да, писать было весело, но на следующий день на уроке было очень неуютно. Дмитрий Дмитриевич вошел как всегда быстрой походкой, громко поздоровался с нами, сел за стол и увидал письмо. Взял его, распечатал и стал читать. В классе стояла гробовая тишина, у меня сердце ушло в пятки. Прочитав, он посмотрел на класс – мне казалось, что у меня на лице написано, что я являюсь участницей, – и сказал, что он не будет спрашивать, кто написал письмо, но что это неумно, так как письменные работы необходимы и делаются для нашей же пользы и вряд ли могут явиться причиной похудания. После этого он раздал темы новой письменной работы. Письмо не подействовало.

У Юли Додоновой прием был опять в другом роде: у нее были два старших брата и младшая сестра. Отец ее и старших братьев умер в сумасшедшем доме, мать ее вышла второй раз замуж за его товарища, который усыновил старших детей, младшая сестра была от второго мужа. Перед ужином мы проходили через кухню, там лежали две охотничьи собаки, братья Юли были охотниками. Кроме нас, были еще посторонние гости, были танцы и настоящий ужин, с рябчиками, вином и мороженым.

Кроме Ирины Старинкевич, к нам в класс поступили еще две новые ученицы: Женя Зехова и Люба Юдлевская. Женя приехала с Дальнего Востока, у нее был монгольский тип лица. Младшая сестра ее, Ляля, поступила в пятый класс. Она совершенно не похожа была на сестру: красивая, голубоглазая, с волнистыми белокурыми волосами, заплетенными в две косы. Сестры поселились в интернате. Отец их, по-видимому, был богатым купцом или промышленником. Женя была симпатичная и неглупая девочка, Ляле же, по-видимому, вскружила голову ее красота, и она думала больше о нарядах и кавалерах, чем об учении. Сестры проучились у нас один только год и куда-то уехали.

Люба Юдлевская была крещеная в лютеранство еврейка. Она была на несколько лет старше нас и прожила уже сложную и разнообразную жизнь. Родные ее жили в Аргентине, сама она жила во Франции, подробно об обстоятельствах своей жизни она не рассказывала. Ввиду отсутствия правильного учения в последние годы ей было трудно учиться, но она упорно ста-

ралась, добивалась хороших отметок. Она часто просила меня помочь ей, объяснить непонятное, и, видимо, симпатизировала мне, в классе она еще чувствовала себя чужой.

Отпуская меня несколько раз в гости к девочкам, мать захотела и сама посмотреть на моих подруг и предложила позвать их ко мне как-нибудь вечером. Кроме Липы я позвала Юлю, Хеллю, Тею, Веру Хвольсон, Марусю Мущенко и Любу Юдлевскую. Собрались у меня в комнате, играли в разные игры, потом пошли в столовую пить чай. К моему огорчению, кроме родителей и Марии Павловны, там сидела еще А. И. Погоржельская, она была у нас накануне вечером и узнала о предстоящем сборище и заявила, что придет посмотреть моих подруг, хотя никто ее не приглашал. Она испортила мне весь ужин, бесцеремонно вмешиваясь в наши разговоры и придавая всему собранию нежелательный тон.

В эту зиму в Петербург на гастроли приезжали известные артисты братья Рафаил и Роберт Адельгейм[193]. Маргарита моя была от них без ума. Она вообще, в особенности в юности, увлекалась артистами. Она рассказывала про себя следующую забавную историю. Была она в театре, играл какой-то известный артист. Он совершенно пленил ее своей игрой, она дожидалась после спектакля у подъезда его выхода, дождалась и была вознаграждена за свое терпение тем, что артист пожал ей руку! В полном счастье Маргарита шла домой, держа руку прямо перед собой и давая себе слово не мыть ее никогда в жизни. Размечтавшись, она не смотрела, куда идет, упала и попала вытянутой рукой прямо в лужу! Хочешь, не хочешь, а пришлось ей вымыть эту руку и смыть следы прикосновения знаменитого артиста. Братья Адельгейм играли в маленьком частном театре Неметти, находившемся где-то на Петроградской стороне. Среди других пьес они играли в «Разбойниках» Шиллера, Рафаэль играл Франца Мора, а Роберт, который был очень красив, играл Карла Мора. Мы изучали в это время по немецкой литературе Шиллера, как раз его «Разбойников», и фройлян Меттус решила повести наш класс в театр, посмотреть этот спектакль. Игра Адельгеймов мне очень понравилась, но, к сожалению, остальные артисты были далеко не на высоте, и вся обстановка театра была убога.

Мне не повезло в новом 1906 году: вскоре после Масленицы я заболела сильной стрептококковой ангиной, проболела не больше недели, но после этой ангины у меня опять стало часто болеть горло. В самом конце марта я заболела корью. У нас в классе было уже два случая заболевания корью, незадолго до меня заболела Вера Хвольсон. В четверг на Страстной неделе я пошла на дванадцать Евангелий, в пятницу вечером мы вместе с Липой пошли «Христа хоронить». Уже в церкви я почувствовала себя нехорошо, когда я пришла домой, у меня уже было тридцать восемь и пять. Меня уложили в постель, на следующий день приехавший доктор заявил, что у меня корь, я на всю жизнь запомнила эту свою болезнь, так как это была последняя болезнь, которую я перенесла под неусыпным надзором и уходом матери. С тех пор больше никогда за мной так не ухаживали, никогда больше я так не нежилась, выздоравливая, как во время кори.

Карантин тогда продолжался целый месяц, опасаясь, никто к нам не ходил, и я провела все это время почти исключительно в обществе матери. Пролежала я в постели десять дней. Первые дни у меня была высокая температура, меня мучил кашель, больно было смотреть на яркий свет. Я хорошо запомнила один вечер: я лежу в постели, в моей большой комнате горит только одна лампа на моем письменном столе, абажур на ней закрыт чем-то темным, чтобы свет не падал в мою сторону. На стуле у моей кровати стакан с прохладным питьем, приготовленный руками матери. Сама она сидит у стола и читает мне вслух «Крошку Доррит» Диккенса. Мне жарко, душно, но я все-таки внимательно слушаю, ясно представляю себе мрачную комнату и суровую женщину, сидящую в кресле. Каждый раз, перечитывая «Крошку Доррит», я вижу свою комнату, слышу голос матери, который так отрадно звучит в моих ушах, я еще с детства

[193] *Адельгейм Р.Л.* (1860–1934) и *Р.Л.* (1861–1938) – выпускники Венской консерватории по классу драматического театра. Работали в разных театрах, играя в спектаклях классического репертуара.

очень любила, чтобы мне читали вслух во время болезни, и мать всегда охотно мне читала. Пока я лежала, она сама приносила мне умываться, кормила меня завтраком и обедом.

Настала Пасха, как всегда, напекли куличей, сделали пасху, запекли окорок. Обыкновенно кроме домашних куличей заказывали еще кулич в кондитерской Иванова на углу Глинки и Мариинский площади, он несколько отличался по вкусу от домашних куличей.

Он мне особенно понравился в этот раз, и мать никому его не давала, кроме меня. За время болезни мы прочли с ней всю «Крошку Доррит», вели с ней нескончаемые разговоры. В квартире тишина: отец в лаборатории, Мария Павловна на службе, только заливается канарейка у меня на окне. Карантин заканчивался 23 апреля, а 21 апреля мне исполнялось шестнадцать лет – не пришлось мне отпраздновать совершеннолетие. Я уже говорила, что мне часто ожидание какого-нибудь удовольствия доставляло больше радости, чем само событие. Так и этот день рождения. В шестнадцать лет принято было дарить драгоценности, и вот я мечтала, думала, что-то мне подарят. Наконец наступил этот долгожданный день. Отец подарил мне гранатовое ожерелье в золотой оправе, я потом подарила его Марине Алексеевне. Мать долго думала и решила подарить мне икону моей святой – великомученицы Татьяны. Готовой такой иконы не нашлось, и она заказала ее написать и сделать серебряную оксидированную ризу. К ее большому огорчению, икона не была готова в срок, пришлось ей подарить мне квитанцию заказа, которую она положила в красивую коробку, специально для этого купленную, она у меня цела до сих пор, так же как и икона. Мария Павловна подарила мне колечко с бирюзой, которое я отдала Маше, мой крестник В. Е. Тищенко подарил мне кольцо с сапфиром. Очень растрогал меня подарок Марии Маркеловны. Незадолго перед тем она простудилась и никак не могла поправиться, кашляла и температурила. Я еще лежала больная, когда узнала, что она больна, и так расстроилась, что у меня поднялась температура. Она прислала мне букет из белых роз с письмом, которое растрогало меня до слез. Вот оно лежит передо мной, небольшая секретка[194], тщательно хранимая мною в ящичке вместе с другими письмами Марии Маркеловны. «Поздравляю мою дорогую Таню. Нет слов, которыми я могла бы передать все мои самые искренние пожелания для тебя. Я не только была бы рада, но прямо-таки счастлива, если бы твоя жизнь сложилась так, чтобы в ней ярко вырисовывались – успех в делах, душевное удовлетворение и счастье. Я очень желаю, чтобы судьба щедро тебя наградила всеми радостями жизни. Ты стоишь этого. Конечно, очень огорчена, что не могу быть лично на Вашем семейном празднике. Передай, пожалуйста, Наталье Павловне, Алексею Евграфовичу и Марии Павловне мое поздравление и сердечный привет. И пока до свидания. Еще раз тебя целую. 21 апреля 1906 года. Твоя Мария Маркеловна».

Я уже поправилась и ходила в гимназию, когда Мария Маркеловна поправилась настолько, что смогла прийти к нам. Я очень огорчилась, увидев ее, так она похудела, побледнела и ослабла после болезни. Лечила ее Лидия Семеновна, и она, и Федор Васильевич находили, что ей необходимо поехать на юг, чтобы ликвидировать болезнь. Во время этой продолжительной болезни вынужденное длительное одиночество, естественно, еще больше усилило тоскливое, грустное настроение Марии Маркеловны. Чтобы ее рассеять и развлечь, «старички» ее посоветовали Марии Макеловне поехать за границу. Она должна была приехать в Женеву к брату Лидии Семеновны, который устроил бы ее в поезд, идущий на юг Франции, в Монпилье. В этом городе жила в то время приятельница Марии Маркеловны, Мария Александровна Крыловская, оттуда Мария Маркеловна должна была ехать в Италию, в Сан-Ремо, городок на итальянской Ривьере. Недели через три Мария Маркеловна уехала. До Женевы она доехала благополучно, родственники Лидии Семеновны радушно ее встретили и посадили на поезд. Мария Маркеловна не знала французского языка и боялась пропустить Монпилье, но дорога сильно ее утомила, и она уснула. Когда она проснулась, Монпилье уже осталось далеко позади.

[194] Секретка – заклеивающаяся по кайме и посылаемая без конверта почтовая бумага.

Мария Александровна выходила ее встречать, но не встретила, решила, что она не поехала в этот день. Проснувшись, Мария Маркеловна по позднему времени догадалась, что Монпилье уже проехали. Дмитрий Семенович написал ей название всех станций, через которые ей надо будет проезжать, а теперь на вокзалах были совсем другие названия. Что делать? Кое-как она объяснила кондуктору и пассажирам, что случилось. На ближайшей остановке она вышла, купила билет до Монпилье и приехала к Марии Александровне, а потом отправилась в Сан-Ремо. Путешествие принесло ей несомненную пользу, она вернулась домой поправившаяся и отдохнувшая.

Весь апрель я просидела взаперти. Когда я заболела, еще таял снег, по улицам текли ручьи, а когда уже 28 апреля я вышла в наш ботанический сад, я была поражена, что весна уже кончается, все деревья были покрыты листвой, цвела черемуха, крокусы и нарциссы. После болезни я как-то обостренно чувствовала красоту природы, радовалась солнцу и теплу. С большим удовольствием я пошла в гимназию, последние дни, которые я сидела дома, я догоняла пропущенное. Липа, которая раньше болела корью, приходила и приносила мне заданные уроки. Этой весной по окончании занятий мы сдавали экзамен по географии. Опять мы с Липой готовились к экзамену вместе, и отлично его сдали. На экзамене Лапченко не был так строг и поставил достаточно пятерок. Еще перед моей болезнью я получила из Безо новое, очень грустное извещение. Родители решили, что Альме надо получить специальность, и отправили ее в Везенберг, где она поступила в ученье к портнихе. Ей было семнадцать лет, наследственность у нее была плохая, условия жизни и питания тоже были, очевидно, плохи. Альма заболела скоротечной чахоткой и умерла в самом начале весны.

Здоровье матери медленно, но постепенно ухудшалось, сил становилось все меньше. Теперь уже мы с ней делали лишь очень небольшие прогулки с частыми остановками и сиденьем на складном стуле. Она продолжала варить варенье и чистить ягоды, но все чаще процесс варки доверялся мне или Марии Павловне под ее надзором. Но она по-прежнему была доброжелательна к людям и никогда не жаловалась и не надоедала с анализом своего самочувствия. Как и раньше, мы любили с ней почитать вслух, иногда готовили вместе коржики или нарезали и пересыпали сахаром смоквы. Мы с отцом по-прежнему играли в теннис и в кегли. Этим летом были устроены состязания по игре в кегли для различных групп желающих, и я взяла второй приз в группе девушек. Отец уделял много времени школьному обществу, в зале нового дома часто устраивались танцы, концерты и любительские спектакли. На террасе у Лангсеппа больше не устраивалось немецких спектаклей, вообще антагонизм между немецкими и русскими дачниками значительно уменьшился, русская колония стала теперь многочисленнее немецкой. Отец по-прежнему ухаживал за своими цветочными клумбами, ходил со мной на рыбную ловлю и за грибами. Мы теперь делали с ними более далекие прогулки, искали грибы в таких лесах, в которые я раньше не ходила. Хотя я и выросла, отец любил шутить со мной, как и прежде. Он подтрунивал над моей худобой: когда я начинала хвастать своими мускулами, напруживая свой бицепс, он стискивал его и говорил: «Ох, какое комариное сало!» Он рассказывал мне, что в Павлове паука с длинными ногами, карамору[195], называли каноганогой, и вот он часто меня называл этим именем. Тогда я в ответ, по принципу павловских мальчишек, сейчас же говорила: «Каноганоги не эти, а отца твоего дети!» Он смеялся и говорил: «Сметь так разговаривать!» Зимой он иногда призывал меня в кабинет и давал читать немецкие и французские химические статьи. Я очень не любила таких экспериментов: химии у нас еще не проходили, я читала, ничего, по существу, не понимая. Особенно удручали меня трехэтажные немецкие фразы, а отец считал, что раз я хорошо знаю язык, пишу сочинения и свободно говорю, я должна с ходу переводить любую статью. Я страдала, пыхтела, отец сердился, говорил, что он ничего не понимает из такого перевода; в конце концов суть дела ста-

[195] *Карамор* – комар-долгоножка, семейство двукрылых из подотряда длинносусых.

новилась ему понятной. На даче Алексей Евграфович отдыхал от химии, почти каждый год он укладывал среди других вещей и книг пачку писчей бумаги и тетради с работами сотрудников, но летом никогда не писал.

Большое впечатление произвел на меня этим летом один их первых спектаклей, сыгранных в зале нового школьного дома. Названия пьесы я не помню, помню только артистку, игравшую главную роль. Это была одна из дачниц, Е. А. Полевицкая[196]. В течение ряда лет она проводила лето в Безо вместе со своими братьями – студентом Электротехнического института Борисом Александровичем Полевицким и студентом Института гражданских инженеров Константином Александровичем. Оба брата были очень интересные по внешности, особенно красив был младший, Константин. Я часто их видела, когда они проходили мимо нас на почту. Вместе с ними ходили на почту и участвовали в прогулках и различных летних развлечениях две сестры – Женя и Катя Овецкие, из которых последняя была очень миловидна, впоследствии на ней женился Борис Александрович. К их компании принадлежала и молодежь семьи Штробиндер, преподавателя Гатчинского сиротского института, о котором я уже писала.

Е. А. Полевицкая была не так красива, как ее братья, но она обладала несомненным драматическим талантом, и игра ее резко отличалась от игры других артистов-любителей. Впоследствии она стала профессиональной артисткой. Моя всезнающая Маргарита, знакомая чуть не со всеми дачниками Безо, близко знавшая Овецких, рассказала мне, что Е. А. Полевицкая недавно разошлась со своим женихом, который ее бросил. Я всей душой сочувствовала талантливой артистке, и, вероятно, поэтому ее игра в спектакле, где она играла покинутую девушку, произвела на меня такое глубокое впечатление. Даже и сейчас у меня перед глазами встает школьный зал, я сижу в одном из передних рядов, на сцене Е. А. Полевицкая произносит свой монолог, а на глазах у нее настоящие, искренние слезы, и мне ее так жаль, что я сама чуть не плачу и мысленно твержу: «Бедная, бедная!»

Хотя я и занималась в течение ряда лет музыкой с Екатериной Александровной Егоровой, но по недостатку музыкальных способностей, а может быть, и потому, что Екатерина Александровна не сумела раскрыть передо мной красоту и смысл тех произведений, которые я разучивала, но только я не понимала музыки, и, хотя ходила в молодости на концерты разных знаменитых исполнителей, их музыка меня не трогала. Может быть, причиной тому была официальная обстановка зала, множество народа кругом, в обстановке же темного зала Мариинского театра пение и музыка меня часто захватывали и уносили далеко от действительности, каждый антракт я считала, сколько осталось действия и радовалась, что еще не конец. Но вот мне запомнился один концерт, который я слышала летом 1906 года, совсем маленький концерт, организованный даже не в школьном зале, а на какой-то даче. Играли, конечно, любители, и среди них скрипач. Я вообще не особенно люблю скрипку, а тут какая-то небольшая вещь, исполненная никому не известным скрипачом, произвела на меня такое впечатление, что я забыла все окружающее и только внимала дивным звукам. Значительно позднее, в 30-е годы, я была в филармонии на концерте вальсов Штрауса. У меня было очень тяжело на душе из-за беспокойства по поводу брата, веселая, танцевальная музыка вальсов тогда сильно на меня подействовала, но не так, как можно было бы ожидать, судя по характеру музыки, а наоборот. Все показалось мне еще мрачнее и безнадежнее, я сидела на краешке дивана и ничего не видела перед собой. Есть еще одна музыка, которая оказывает на меня всегда сильное впечатление – это игра Игоря[197], конечно, когда он играет что-нибудь настоящее, а не просто «тренькает».

На танцы в школьный дом я не ходила, своей компании у меня не было, а для того, чтобы танцевать с кем-нибудь малознакомым, я была слишком застенчива. Кончилось лето, снова

---

[196] *Полевицкая Е. А.* (1881–1973) – известная актриса театра и кино.

[197] Вероятно, *Фаворский И. А.* (1939–1990) – племянник Т. А. Фаворской, сын брата Алексея и О. М. Римской-Корсаковой, впоследствии доктор физико-математических наук, профессор ЛГУ

Петербург, снова гимназия, а впереди весной – выпускные экзамены числом более десяти. В этом году у нас были новые уроки – космография и химия. Химию нам преподавал А. А. Добиаш, а космографию Дмитрий Дмитриевич. Химия проходилась очень примитивно, сам А. А. ее знал плохо. Среди девочек я была признанным авторитетом по этому предмету и знала весь небольшой материал назубок. Мы проходили химию всего лишь в первом полугодии и не сдавали по ней экзамена.

Фото 35. Ирина Дмитриевна Старынкевич

В этом году мы очень сблизились с Ириной Старынкевич (фото 35). Она была умная и развитая девочка, хорошо знавшая математику. Ее сестра Ада, учившаяся в шестом классе, обладала выдающимися математическими способностями. Годом моложе ее была сестра Дебора, очень милая и симпатичная, она училась у нас в пятом классе; самая маленькая, Иоанна, или Анна, еще не начинала учиться. У них было еще два брата: Константин –

студент-технолог и Сократ, мальчик лет десяти. Отец Ирины, Дмитрий Сократович[198], был очень умный, оригинальный и образованный человек. Он окончил математическое отделение физико-математического факультета Университета, а затем Технологический институт. В качестве инженера-механика он занимал какие-то высокие должности и получал двенадцать тысяч рублей в год (Алексей Евграфович в качестве профессора получал в год три тысячи рублей). Мать Ирины, Елена Константиновна, училась в Медицинском институте, у нее были больные легкие, предрасположение к туберкулезу потом передалось и детям. Константин и Дебора погибли от туберкулеза еще молодыми. Заботясь о здоровье детей, Дмитрий Сократович заставлял их спать круглый год с открытыми форточками. Чтобы холодный воздух не дул им прямо в постель, вокруг кроватей ставились высокие сплошные деревянные ширмы. У Ирины была отдельная комната, Ада и Дебора жили вдвоем. Всем девочкам отец купил вместо столов высокие конторки, а к ним – высокие вертящиеся табуреты; по-моему, это было неудобно и совсем некрасиво, но никто не протестовал. Сам он менял белье каждый день, и вообще у них в семье очень следили за чистотой. Одевались все просто, никакого шику не было, но жили они богато: у них была старушка-экономка, кухарка, горничная, прачка, большая хорошая квартира, много хороших книг и картин. Ирина была любимицей отца. Дмитрий Сократович охотно разговаривал с подругами дочери, был интересным и веселым собеседником. Сейчас волосы, усы и борода у него были совершенно седые, а в молодости он был рыжим. Его предки были выходцами из Сербии, отец его Сократ Иванович, был губернатором Варшавы, у них было большое имение в Казанской губернии.

Этот год я особенно была занята, но тем не менее всегда находила время для Андрюши, который частенько заходил после обеда поговорить, поиграть в шахматы. Еще больше подружилась я с Марией Маркеловной, она почти каждую неделю приходила к нам, если не в субботу с ночевкой на все воскресенье, то уж обязательно среди недели к обеду. Вот тут-то мы с ней и урывали время поболтать между обедом и чаем. Мы уходили обыкновенно в ванную комнату, там у окна стояла большая корзина, в которой возили на дачу белье и платье, садились на нее и в задушевном разговоре не замечали, как летит время. Нам казалось, что мы один миг провели вместе, а оказывается, нас уже ищут идти пить чай, и мать недовольна, что я не сажусь за уроки, вечером буду поздно сидеть. Так как эти свидания были очень коротки, иногда буквально один миг, то мы, уходя в ванную, говорили друг другу: «Пойдем, помигаем». Впоследствии, вспоминая с Марией Маркеловной это время, я говорила ей: «Помнишь, как мы с тобой мигали?»

Ко мне по-прежнему приходили и Маргарита, и Miss Violet, мы с ними разговаривали как близкие друзья. Miss Violet рассказывала мне о том, как она занимается на курсах Раева: этим летом она ездила вместе с группой студентов и с профессором этих курсов Фаддеем Францевичем Зелинским[199] в качестве руководителя в Грецию, в Афины и другие города, изучать памятники античной старины. Она была в восторге от поездки и с увлечением рассказывала о путешествии и о Зелинском, преподававшем на курсах историю религии. Он был уже немолодой, с большой лысиной, прикрытой редкими волосами. Мне он по внешнему виду не нравился, но Miss Violet благоговела перед ним и, мне кажется, была даже в него влюблена. К весне она что-то загрустила, стала жаловаться на слабость, у нее нашли непорядки в легких и послали ее за границу, в Сан-Ремо, откуда она мне писала ласковые письма.

В этом году Маргарита приходила ко мне так, что мы занимались с ней до самого обеда, после чего она оставалась у нас обедать, а потом шла на урок к Вуколовым, жившим на Пет-

---

[198] *Старынкевич Д. С.* (1863–1920) – с 1901 г. исполнял обязанности оценщика Государственного банка, позже занимал должность директора правления общества «Брянский рельсопрокатный железнодорожный и механический \завод». С 1910 г. стал чиновником особых поручений при Министерстве торговли и промышленности.

[199] *Зелинский* Ф. *Ф.* (1859–1944) – историк культуры, филолог-классик, переводчик, профессор Петербургского университета, чл. – кор. (1893), почетный член РАН (1916). В 1922 г. эмигрировал.

роградской стороне, я часто ходила ее провожать после обеда; мы шли с ней по Биржевой линии и затем по Тучковой набережной до Тучкова моста, оттуда я бежала домой одна. Мы обе любили эти короткие прогулки в сумерках, во время их как-то откровеннее говорилось. Маргарита была откровеннее Miss Violet, она рассказала мне о своем романе с неким Arnold Leiberg, которого я часто видела в Безо. Он мне, по правде сказать, не особенно нравился, такой типичный немецкий буржуа. В прошлом году он приходил встречать Маргариту, когда она уходила от нас, а в этом году он уехал работать в Самару, так что у Маргариты были теперь только письма.

В прежние годы гости приходили к нам в любой день, почти каждый день кто-нибудь заходил. Ввиду того что здоровье матери постепенно ухудшалось и такие частые гости утомляли ее, был выбран приемный день – суббота, в который и приходили гости, главным образом ученики отца: Ж. И. Иоцич, Николай Николаевич Соковнин, З. А. Погоржельский, Лев Михайлович Кучеров, и другие. Я уже писала, что мать плохо слышала, слух ее постепенно ухудшался, и уже несколько лет она могла слышать только при помощи слуховой трубки. Для обозначения некоторых предметов и людей у нас в ходу были определенные символы, образы. Так же как и теперь, услышав звонок, мы смотрели в окно на лестницу, чтобы узнать, кто пришел. Если приходил Соковнин, мы приставляли палец к носу и давали таким образом матери понять, что пришел Николай Николаевич, у которого действительно был довольно длинный нос. Николай Николаевич бывал у нас довольно часто. Отец симпатизировал ему, считал его хорошим, принципиальным человеком. Николай Николаевич был единственным сыном, отец его жил в своем имении, расположенном где-то в приволжском крае. Он был очень культурный человек, друг поэта Мея. Николай Николаевич ездил на лето к отцу, а когда отец умер, ему пришлось самому заняться имением, хозяйство требовало много средств, а доходов было мало. Он наладил там производство масла, сливочного и столового[200]; масло это присылали в Петербург для продажи, мы также его покупали, чтобы поддержать Николая Николаевича. Николай Николаевич не был женат, как я впоследствии узнала, у него был роман с женой одного чиновника, служившего в правлении Университета, некоего Погорелова. Погорелов жил с женой и двумя детьми в главном здании Университета. Я много раз встречала его жену, всегда нарядно одетую даму высокого роста с глазами навыкате. Как оказалось, она постоянно требовала с Николая Николаевича денег, и однажды, не будучи в состоянии исполнить ее требования, Николай Николаевич, бывший казначеем Русского химического общества, растратил деньги общества. Видя, что ему не возместить этих денег перед ревизией, Николай Николаевич пошел в парк Каменного острова и застрелился.

В январе 1907 года я начала писать дневник, то есть это не был собственно дневник, я не писала систематически изо дня в день о событиях моей жизни, а писала туда время от времени мысли, которыми я не могла поделиться с другими. А таких мыслей у меня в то время появилось много, хранить их в себе часто было мучительно и трудно, когда же я облекала их в какую-то определенную форму и поверяла их своей тетради, становилось как будто легче.

Тетрадь эту я никому не показывала. Начала я эту тетрадь с тем, чтобы излить свое возмущение по поводу высылки из Ялты Г. Ф. Ярцева и его жены. Кроме них, был высланы из Ялты бывавшие у Ярцевых прогрессивные общественные деятели – доктора Алексин и Розанов. Другой доктор, Альтшуллер, получил предупреждение не заниматься политической деятельностью, иначе его ждет такая же участь. Ярцевы всем семейством переехали в Москву, где у них было много родных. Григорий Федорович приехал в Петербург узнать о причинах своей высылки, я его встретила на набережной, и он мне все это рассказал. Он потом был у нас и много рассказывал. У меня как бы завеса спала с глаз, я как бы воочию увидала тот мир произвола и насилия, о котором я и раньше слышала и знала, но теперь увидала хороших, честных

[200] *Масло столовое* – вид сливочного масла.

людей, которых я уважала, ставших жертвой этого произвола. Я стала задумываться о том, что я буду делать, когда совсем кончу учиться, хотела делать какое-нибудь действительно полезное дело, мечтала достать какие-нибудь «политические» книги, познакомиться с политическими деятелями. Обо всем этом можно было только писать в моей тетрадке, говорить об этом было не с кем, ни Липа, ни гимназические подруги для таких разговоров не подходили.

Единственной, с кем я могла говорить на волновавшие меня темы, была Маргарита: хотя она сама и не принимала участия в революционной работе, у нее были знакомые среди социал-демократов. Летом 1906 года была засуха и неурожай в Поволжье. Во все концы потянулись оттуда люди в поисках работы и хлеба. Много голодающих добрело и до Петербурга. Общество старалось идти им на помощь, устраивать благотворительные концерты, спектакли, базары, открывались бесплатные или почти бесплатные столовые. П. С. Паршаков, здоровье которого в это время было в хорошем состоянии, со свойственной ему энергией взялся за устройство такой столовой, нанял помещение, нашел кухарку, судомойку. К организации столовой и хозяйственному руководству он привлек целый ряд знакомых дам. Обед из двух блюд – мясные щи и каша с маслом – стоил четыре копейки, учитывалась только стоимость продуктов. Мы с матерью писали дома какие-то талончики, целые тетрадочки которых нам присылал П. С. Паршаков. Собственно говоря, они присылались матери, но, так как она уставала много писать, я ей помогала, и гордилась тем, как аккуратно я их заполняла.

В конце зимы опять пришло печальное письмо из Безо, сообщавшее, что умерла Луиза. Несмотря на то что жизнь в Везенберге и ученье у портнихи оказались не под силу Альме и она заработала там скоротечную чахотку, родители послали туда же и Луизу, которая вообще была слабее здоровьем, чем Альма. И ее постигла та же участь: в конце зимы она скончалась от той же болезни. Хорошая она была девочка, простая, бесхитростная, мы с ней по-настоящему любили друг друга, мне с ней было интереснее и приятнее проводить время, чем со всякими Пиккель, Дрессен и другими девочками из интеллигентных семей. О чем мы только с ней, бывало, не говорили, и никогда мы с ней не ссорились. Без Луизы Безо меня совсем не привлекало, оно мне уже стало надоедать: каждый год одно и то же. Я очень обрадовалась, когда отец сказал, что после окончания экзаменов мы с ним поедем по Волге, я рисовала себе картинки волжской природы: вода, зелень, голубое небо, звезды, луна, соловей, а на пароходе хорошие, интересные люди! Но до поездки нужно было еще сдать выпускные экзамены, а их было четырнадцать штук!

До пасхальных каникул прошли все письменные экзамены: три сочинения (русское, французское и немецкое) и письменные экзамены по алгебре и геометрии. Сразу после каникул был экзамен по истории русской и новой, на подготовку к нему давалось, таким образом, две недели. Накануне экзамена я говорила Липе, что очень хотела бы получить по новой истории пятнадцатый билет, в котором был вопрос по истории Англии. Настал экзамен, подхожу к столу, за которым сидит комиссия, беру билет по русской истории, смотрю – пятнадцатый! Ну, думаю, ничего, и по новой истории тот же билет вытяну – и, действительно, вытаскиваю тоже пятнадцатый билет! Готовились мы, конечно, как всегда, вместе с Липой, в нашей бывшей классной комнате. Вскоре после истории был экзамен по Закону Божию. Нам с Липой нетрудно было по нему подготовиться, а вот Ирина Старынкевич боялась его больше всего. У них отец, да и вся их семья никогда не ходили в церковь и не верили в Бога, поэтому она плохо знала этот предмет и очень боялась экзамена, тем более что программа была большая. Однажды она пришла к нам во время занятий и просила объяснить ей какие-то тексты. Мы с Липой получили на этом экзамене пять с плюсом. Да, я совсем забыла, что перед началом экзаменов мы должны были сдать зачетную работу по рукоделию: снять с себя мерку и на основании определенных правил составить чертеж выкройки лифчика в талию, сделать выкройку, выкроить по ней лифчик и сшить его. Выкройку-то я составила, а вот сшить лифчик у меня не было ни времени, ни охоты. Выручила меня Мария Маркеловна, она пришла к нам в суб-

боту и все воскресенье провозилась с этим лифчиком; потом его выстирали, выгладили, и я его торжественно отнесла в гимназию.

Мы с Липой знали все предметы назубок и особенно не волновались. Кроме истории и Закона Божия, мы сдавали три экзамена по литературе, русский, французский и немецкий, устные экзамены по алгебре и геометрии и физику. Устные экзамены продолжались целый месяц. Мы с Липой занимались с утра до вечера с перерывами на завтрак, обед и на часовые гулянья в саду. После вечернего чая мы редко занимались, перед русской литературой мы засиделись до половины двенадцатого, но под конец Липа принуждена была пальцами поддерживать свои веки, чтобы глаза не закрывались. Не могу сказать, что я чувствовала особую усталость. Меня сердило, когда А. И. Погоржельская напевала матери, зачем она позволяет мне так много заниматься, что я подорву свое здоровье, что она навещала в каком-то санатории свою знакомую и видела там много больных молодых девушек, которые заболели после окончания гимназии, после выпускных экзаменов. Но, слава богу, мать не слушала ее, она всегда считала, что дело должно быть сделано, и сделано хорошо, она следила за тем, чтобы я хорошо питалась в это время, обязательно ходила гулять и вовремя ложилась спать. С девяти утра до десяти вечера времени довольно, можно все успеть выучить.

Конечно, мы учились не непрерывно, время от времени мы бросали заниматься и болтали обо всем на свете, в частности об одной истории, случившейся с Липой во время наших прогулок в Университетском саду. В этот сад, как известно, выходят окна студенческого общежития. Иногда мы с Липой выходили погулять и после обеда, и до чая. Однажды сидим мы с ней вечером на скамейке, видим, идет по дорожке студент, не в форме, а в коричневой курточке, и садится на ту же скамейку. Мы вскоре встали и пошли по дорожке, смотрим, студент тоже встал и идет за нами. Поравнявшись с нами, он сказал, что давно заметил нас из окна своей комнаты, и завязал с Липой разговор. Мы вскоре ушли, надо было заниматься. После этого студент этот каждый вечер встречал нас в саду и разговаривал с Липой. Чтобы не мешать им, я уходила на другую дорожку. Студент этот кончал восточный факультет, как его звали, я забыла, у меня в тетради записаны только инициалы: «В.А.Ш.»; разговаривая о нем, мы с Липой называли его «курточкой». Впоследствии он нашел общих знакомых, которые познакомили его с Липиными родителями, и он стал бывать у них. Он был симпатичный, скромный человек, родных у него не было. Это был глубоко одинокий человек, искренно привязавшийся к Липе. Она его жалела, но была к нему равнодушна. Он носил на мизинце золотой перстень китайской работы. Когда вскоре по окончании Университета он уехал из Петербурга, он подарил этот перстень Липе на память.

Фото 36. Ученицы гимназии с учителями перед выпуском. 1908 г.

Наконец все экзамены закончены. Последний экзамен пришелся на субботу. Вечером у нас собрались гости: пришли Мария Маркеловна, А. И. Погоржельская, Елизавета Евграфовна, ученики отца. Мать сидела на своем месте во главе стола около окон, я сидела на противоположном конце; во время ужина пришла Липа и сказала мне, что только что закончился педсовет и распределили медали. Золотые медали получили: Гуммель, Додонова, Коновалова, Леви, Фаворская, Шевырева, Шлезингер и Щукарева. Серебрянные: Грот, Ленц и Старынкевич. Не садясь за стол, Липа все это мне рассказала, все стали меня поздравлять (фото 36).

1.6. «По Волге, матушке-реке…». Завершение учебы в гимназии И снова Мария Маркеловна. По тропам Швейцарских Альп. Смерть матери

Матери очень хотелось доставить мне удовольствие, отцу хотелось показать мне Павлово и самому побывать там и посмотреть имение, которое Андрей Евграфович купил на противоположном берегу Оки. Здоровье матери было не хуже обычного, таким образом, препятствий к нашей поездке не было, и вопрос был решен положительно. Мне сшили новое платье, купили для дороги несессер, складное зеркало, дорожную сумку с ремнями через плечо и шелковый шарф – завязывать волосы на пароходе, чтобы они не трепались от ветра. Отец купил себе две летних цветных рубашки с белыми отложными крахмальными воротничками и цветные пестрые галстуки к ним, взял билеты до Рыбинска и купил на дорогу белорыбицы, я ее раньше никогда не ела, она оказалась такой вкусной и нежной, что таяла не только во рту, но и на пергаментной бумаге, в которой была завернута. С матерью мы простились очень нежно, обещали часто писать друг другу. Ни та, ни другая мы не плакали, у матери только выкатились две слезинки, когда она смотрела из окна на наш отъезд. Нас провожало много народа: Федор Васильевич, Мария Маркеловна, Мария Павловна, А. И. Погоржельская, Николай Николаевич, Ж. И. Иоцич. Многие потом приходили навещать мать и рассказывали подробно о нашем отъезде. Мария Маркеловна нашла, что я была очень серьезная на вокзале, и отец старался меня рассмешить; и она, и А. И. Погоржельская нашли, что отец был очень нарядный, даже элегантный. Когда к ней пришел Федор Васильевич, мать спросила его, нашел ли он отца нарядным, на что он ответил, что не заметил этого, так как смотрел все на Таню: «17 лет – красивый возраст, как хотите! И этот возраст моя слабость, не могу удержаться, чтобы не поднести красную розу, хотя мне-то симпатизируют особы совсем другого возраста». Он сказал также, что я из всех провожающих смотрела только на Марию Маркеловну, остальных, то есть кавалеров, не замечала – совсем еще юная (фото 37)!

Фото 37. Татьяна Алексеевна Фаворская. 1908 г.

Во все время нашей поездки, продолжавшейся около двух недель, мы с матерью писали друг другу письма почти каждый день. Моих писем не сохранилось, а письма матери я храню до сих пор, это единственные письма, которые она мне писала, так как мы с ней больше на такой срок не расставались. Какие это хорошие письма! В них описываются всего лишь ее ежедневные занятия, в них нет многословных, красноречивых выражений любви, но тем не менее они все проникнуты горячей любовью ко мне и к отцу, в них сказывается ее милый, кроткий, самоотверженный характер, чувствуется, что она живет только для нас, но и посторонним она всегда готова пойти навстречу. Вместо того чтобы отдохнуть без нас от хозяйства, она кормит обедом и Вячеслава Евгеньевича Тищенко, и Живоина, и Ганешина, «кто без семьи, кто без прислуги, всех надо приветить». А как радуется она моим письмам и тому, что я вижу красавицу-Волгу, которую она всегда хотела посмотреть, но так и не повидала.

Приехав в Рыбинск, мы взяли с отцом двухместную каюту первого класса на пароходе общества «Самолет». Наш пароход назывался «Достоевский». Пароходы этого общества все были окрашены в бледно-лиловатый цвет и назывались все по именам известных русских писателей. Чистая, удобная каюта, мягкие койки, большое окно с деревянным жалюзи для защиты от солнца и от посторонних взглядов. Как хорошо сидеть на палубе или у открытого окна и смотреть на проплывающие мимо берега. С одной стороны – живописные деревни и древние города на нагорном берегу, на луговой стороне селений меньше, зато больше зелени, на остановках ветерок доносит оттуда запах цветов и трав, а по вечерам в прибрежных зарослях заливаются соловьи. За кормой парохода летают чайки и ловят в бурлящей воде кусочки хлеба, которые им бросают пассажиры. Вот пароход замедляет ход, приближается пристань, протяжно гудит гудок.

Кроме пассажиров, наш «Достоевский» везет в трюме разный груз. На пристани грузчики уже ждут прибытия парохода. На них надеты рабочие жилеты, подбитые на спине войлоком или ватой, к поясу на веревке привязаны большие крюки. Сходни спущены, грузчики устремляются на пароход, они разгружают прибывший груз, другие грузят новый. Ловко вскидывают они громадные мешки, целые штабеля которых возвышаются на пристани, и, придерживая их крюками, легко взбегают по сходням. На пристани толпится народ, пассажиры входят и сходят, тут же бабы и ребята предлагают свой товар: молоко, ягоды, цветы. Глаза разбегаются при виде всей этой суеты, этой пестрой толпы, шума, говора, смеха. Погода прекрасная, солнце светит, вода сверкает и переливается на солнце. На воде не жарко, в особенности во время движения парохода, постоянно дующий ветер умеряет жару.

Но вот и Нижний Новгород. Красиво раскинулся он на высоком берегу Волги при впадении в нее Оки. Пароход наш пришел туда к вечеру, сойдя на берег, мы направились к Селивановским, которые были предупреждены о нашем приезде. Михаил Иванович Селивановский был мужем сестры В. Е. Тищенко, Веры Евгеньевны. Михаил Иванович изредка приезжал по делам в Петербург; большой и грузный, с лицом, заросшим черной бородой и с усами, он производил впечатление медведя, работал он фабричным инспектором. Сын его, Дмитрий, учился в Петербургском университете и часто бывал у Тищенко, он проучился в Университете не меньше десяти лет, пока не женился. У Селивановских жила мать Вячеслава Евгеньевича и Веры Евгеньевны – старушка Анастасия Дмитриевна. Ее я хорошо знала, она почти каждый год приезжала к сыну на месяц – на два и обшивала внуков, шила им костюмчики и верхнюю зимнюю одежду – ватные штаны и куртки, вязала всем рукавички, один раз, помню, связала и мне. Анастасия Дмитриевна была маленького роста. Елизавета Евграфовна называла ее мамочкой, но отношения у них были прохладные, приходя к матери, они частенько жаловались друг на друга.

Сначала мы собирались из Нижнего поехать прямо в Павлово, но потом нам так понравилось на Волге, что мы решили переночевать в Нижнем, а на следующий день поехать в Казань. Селивановские жили на Тихоновской улице, улица эта действительно была тихая, никто почти по ней не ездил. К небольшому двухэтажному дому примыкал тенистый сад, огороженный глухим дощатым забором, типичный провинциальный уголок того времени. Встретили они нас очень радушно, напоили чаем и уложили спать, я ночевала на диване в гостиной. На следующий день по случаю воскресного дня и нашего приезда хозяйки угощали пирогами, один был с рисом, другой – с зеленым луком и яйцами. У нас таких пирогов не пекли, я была небольшая охотница до лука и предпочла пирог с рисом, отец же с удовольствием поел лукового пирога.

Целый день ходили мы по Нижнему, отец показал мне гимназию, где он учился, красивые виды и памятные ему места, вечером мы сели на пароход и отправились в Казань. Казань расположена не на самом берегу Волги, река постепенно все дальше и дальше отходит от города. В Казани мы навестили Поленовых, они нам очень обрадовались, Таня тоже уже кончила экзамены, тоже получила медаль и даже по Закону Божию тоже получила пять с плюсом. Тане,

конечно, очень помогла серьезная подготовка, полученная в нашей школе, а языки она знала гораздо лучше, чем ученицы провинциальной казанской гимназии. За три года, что мы не виделись, Таня сильно изменилась, она гораздо больше думала о кавалерах, чем мы с Липой. В Казани мы не задержались – в тот же вечер поехали обратно в Нижний, где пересели на окский пароход и поехали в Павлово. Сто верст до Павлова проехали быстро и в четыре часа утра покинули пароход. Село еще спало, мы решили посидеть на пристани, смотрели, как разгружали и нагружали пароход; когда он отправлялся дальше, грузчики в ожидании следующего парохода улеглись на мешках с мукой, аккуратно сложенных на пристани в виде высокого штабеля, и скоро звучный храп нарушил наступившую тишину.

Нам тоже хотелось спать, но красота раннего утра, вид Павлова, красиво раскинувшегося на высоком берегу, скоро прогнали сонливость. Запели петухи, залетали чайки над рекой, задымились трубы в павловских домах, народ просыпался; грузчики продолжали спать. Высоко поднявшееся солнце светило им прямо в лицо, но это ничуть им не мешало. Часов в шесть мы покинули пристань и пошли бродить по Павлову, перешли мост через Тарку, поднялись по длинной, довольно крутой улице, по которой отец так часто катался на лыжах, на санках и сбегал босиком к реке. Посмотрела я дом, в котором он родился и провел свое детство, побывали мы и около собора, в котором отец Евграф каждодневно служил обедню и всенощную, показал мне Алексей Евграфович и могилы родных в саду около собора. Затем пошли мы с ним на кручу, посидели там на скамейке, около которой земля была усыпана шелухой от подсолнухов, которые павловские обитатели лузгают там по вечерам и по праздникам. Вид оттуда был замечательный. Между тем наступило настоящее утро, можно было идти нанимать лошадей и ехать в Епифановку, имение Андрея Евграфовича, названное так в память наших предков, носивших такую фамилию.

Андрей Евграфович был присяжным поверенным (адвокатом) и общественным деятелем, он вступил в организованную после революции 1905 года партию октябристов, названную так в честь Манифеста 17 октября. Он мечтал попасть в Государственную думу и купил необходимое для земельного ценза количество земли в окрестностях Павлова, построил там дом на берегу небольшого озера, завел там хозяйство, устроил пасеку, которой заведовал опытный пчеловод. Пахотной земли там было немного, добрая половина имения представляла собой голые песчаные холмы. Когда-то они были покрыты сосновым лесом, но потом были хищнически вырублены, отдельные оставшиеся сосны отстояли так далеко друг от друга, что не могли обсеменить находившийся между ними сыпучий песок. Андрей Евграфович проектировал засеять эти пески сосной, но руки не дошли; если же не покупать эти холмы, то количества земли в Епифановке было недостаточно для ценза.

В последнем письме, которое мать нам послала, она писала, что выходила гулять в университетский сад, сидела там на скамейке и прочла манифест о роспуске второй Думы. При выборах в третью Думу Андрей Евграфович был избран как член партии октябристов (фото 38). Ко времени нашей поездки дом в Епифановке был уже построен, хозяйство налажено, и Андрей Евграфович звал нас и Тищенко посмотреть его имение. Почти одновременно с нами приехала в Епифановку Елизавета Евграфовна с Андрюшей, Володей и Митей. Они ехали туда по железной дороге до Горбатова, уездного города, ближайшего к Епифановке. Не помню, сколько верст было от Павлова до Епифановки, помню безотрадные печальные холмы с чахлыми сосенками, заливные луга с зарослями цветущего шиповника. Заслышав наши колокольчики, навстречу нам прибежал Андрюша. В каком он был виде! Глаза как щелки, лицо распухло, руки как подушки, около ногтей и на веках капельки крови – это его искусали комары и, особенно, мошки. Меня они тоже потом покусали, но все-таки не так ужасно, а на отца их укусы не действовали, – должно быть, правда, в детстве он их так усиленно кормил, что у него выработался иммунитет на всю жизнь.

Фото 38. Андрей Евграфович Фаворский, член III Государственной думы. 1907 г.

Дом в Епифановке был незатейливой архитектуры, но комнаты были большие, вместительные. Дом стоял на берегу озера, комаров и мошек и там было довольно, но окна были затянуты сетками, так что в комнатах можно было спасаться от этого бедствия. Озеро было рыбное, но дно было довольно илистое, в этом иле раздолье было карасям и линям, но когда нас за обедом угостили жареным линем, он мне не понравился, на вкус он сильно отдавал тиной.

Андрей Евграфович и Ольга Владимировна были очень нам рады. Ольга Владимировна была очень радушная хозяйка, но хозяйство у нее всегда шло как бог на душу положит. Она не умела требовать и не всегда рационально все устраивала. Но она была такая добродушная, доброжелательная, не любила стеснять свободу своих гостей, что у нее в доме все чувствовали себя очень уютно. После обеда мы с Андрюшей спустились к озеру, и он предложил мне покататься, но не на лодке, таковой там не оказалось, а на ботничке – небольшой плоскодонной

посудине. Я храбро согласилась, и мы объехали почти все озеро; ботничок этот был довольно неустойчив, а если бы он перевернулся, я бы камнем пошла на дно. Потом мы рассматривали хозяйство Андрея Евграфовича, его пасеку, гуляли по лугам, где цвел шиповник – белый, розовый и желтый, где росли крупные душистые ландыши и чудесные незабудки. Вечером мы рано легли спать, после бессонной ночи и дня, проведенного на вольном воздухе, мы с отцом крепко спали, несмотря на писк комаров, которые все же умудрились попасть в комнаты. На следующий день мы распростились с хозяевами и поехали в Павлово вместе с Елизаветой Евграфовной и мальчиками. Там мы побывали опять около собора, даже снялись около могил, а затем пошли к знакомому отца, купцу Карачестову. Отец расспрашивал его о павловских кустарях, об их работе, о сбыте изделий, вспоминал своих товарищей. От Карачестовых Елизавета Евграфовна с сыновьями поехала в Епифановку, а мы с отцом наняли тарантас (безрессорные дроги, на которых укреплена плетеная из ивовых прутьев повозка), и поехали в Горбатов, на железную дорогу. Дорога шла почти все время лесом – узкая проселочная дорога, которую то и дело пересекали корни деревьев. Наш тарантас так подпрыгивал на этих корнях, что нам приходилось крепко держаться за боковые стенки нашего экипажа. Лес был густой, высокий, верхушки деревьев почти смыкались над дорогой, так что солнце почти не проникало через навес из ветвей.

Несколько раз нам попадались, немного отступя от дороги, могильные голубцы – большие деревянные кресты, с двух сторон, как крышей, покрытые двумя досками. Лес был мрачный, голубцы угрюмо темнели, корни как змеи извивались на дороге. Растрясло нас ужасно, и мы были очень рады, когда приехали наконец в Горбатов и сели в поезд, чтобы ехать в Москву. Горбатов – маленький невзрачный городишко, смотреть там было нечего, а знаменитые черные горбатовские вишни еще были зеленые.

В Москве мы пополнили наш запас подарков, купили матери брошку с хризолитами[201], которую я сейчас ношу, и купили кое-что домработницам. Марии Павловне мы привезли из Казани синие вышитые золотом бархатные домашние туфли на высоком каблуке. На следующий день утром мы были уже дома! Нужно ли говорить о том, как мы с матерью обрадовались свиданию – рассказам, разговорам не было конца.

Была уже половина июня, у матери уже все было собрано и закуплено для отправки на дачу, и несколько дней спустя мы уехали в Безо. Этим летом мне было скучно в Безо без моей милой Луизы. Других подруг мне там не находилось, хотя я и была знакома со многими русскими и немецкими девочками. Мне Безо все-таки надоело, восьмой год мы жили там, и все на той же даче. После поездки по Волге меня тянуло куда-нибудь в другие места, к новым людям, а здесь все было одно и то же. За эти восемь лет в Безо произошли, однако, большие перемены, школьное общество объединило немецких и русских дачников, последних вообще стало больше, чем немцев. В школьном доме по вечерам часто устраивались танцы, я туда не ходила, не было подходящей компании. Постоянными посетителями этих вечеров были девочки Ганешины, Леля и Лида. Как я уже писала, они уже несколько лет жили в Безо на Морской улице, там крестьянские дома были огорожены только со стороны улицы, а за этим общим забором они стояли прямо в редком сосновом лесу, довольно близко друг от друга, что облегчало знакомство соседей друг с другом. Только собственные дачи стояли на огороженных со всех сторон участках. Лидия Владимировна Ганешина (сестра моей крестной Ольги Владимировны) была веселая и общительная женщина, несмотря на пять человек детей, из которых Леля и Лида были старшими, впоследствии у нее родилось еще двое детей. Девочки Ганешины дружили с девочками Колпаковыми и мальчиками Генглез и Штробинер, у них была веселая, сплоченная компания, но все они были младше меня, и мне с ними было неинтересно.

---

[201] *Хризолит* – полудрагоценный камень (самоцвет). Цвет от желто-зеленого до оливково-зеленого с характерным золотистым оттенком.

Этим летом в школьном доме был устроен большой базар. Одним из номеров на этом базаре была красивая фарфоровая кукла, возвышавшаяся на особом столике. Подходивший покупал билет и угадывал имя, которое было дано кукле. В случае удачи он получал куклу за бесценок. Но никому не удалось получить такую красивую игрушку, никто не угадал ее имени. Алексей Евграфович предложил назвать ее Енафой, где же было угадать! Желающих угадать было множество, и кукла принесла большой доход, кроме того, в конце базара она была разыграна на аукционе и принесла Обществу еще новые деньги. Отец был очень доволен своей выдумкой.

На этом базаре был Н. Н. Соковнин, который приехал погостить к нам на три дня и сопровождал меня в качестве кавалера. Он был лет на двадцать старше меня, но он хорошо относился к отцу и вообще к нашей семье, и потому за неимением лучшего интересовал меня, тем более что я слышала о нем всегда самые лучшие отзывы как о человеке. В частности, рассказывали о том, как Николай Николаевич относился к своему недавно умершему отцу. Отец его жил в имении, полученном Николаем Николаевичем в наследство от матери. Отец его женился потом на другой, и на это имение не имел никаких прав. Живя в имении, он так хозяйничал, что растратил деньги Николая Николаевича. Его сводные братья советовали ему взять управление имением в свои руки, отстранить отца, он же им отвечал: «Как же я его отстраню? Ведь я его люблю, а это его убьет!», – и продолжал платить долги отца. После смерти отца у него вместо десяти тысяч осталось всего две.

Гораздо больше Николая Николаевича мое воображение занимал Константин Александрович Полевицкий[202], брат той симпатичной артистки, о которой я писала. Он был очень красив, с большими темными глазами и темными вьющимися волосами, голос у него был очень приятный. Я не была знакома с этой семьей и видела его, только когда он проходил мимо нас, а также на спектаклях, где он тоже участвовал в представлениях. От Маргариты я знала, что он знаком с Вуколовыми, в частности с их дочкой Олей, и это меня огорчало, я ее считала пустой и легкомысленной. Константин Александрович учился в Институте гражданских инженеров[203], у них тогда была очень красивая форма с темно-вишневыми кантами. Мои беспредметные до того девичьи мечты обращены были на Константина Александровича.

В конце лета в моей тетради появляются тревожные записи относительно здоровья матери. И отец, и она сама стали беспокоиться о состоянии ее здоровья, она стала много кашлять, температурила, худела и беспокоилась об обратной дороге, так мало у нее было сил. Я как-то вдруг это все заметила и ужаснулась. Тревога за мать все время жила в моей душе, но легкомыслие молодости и внешние впечатления брали свое, и я продолжала жить так же, как и раньше: занималась, читала, мечтала.

В гимназии в этом году все было по-другому. Мы учились в восьмом, дополнительном педагогическом классе, все вместе занимались только некоторыми предметами – психологией, законоведением, педагогикой, дидактикой, – а затем каждый занимался по той специальности, которую выбрал: математикой и физикой, русским языком, французским, немецким. По каждой специальности изучалась методика преподавания данного предмета и давался пробный урок в одном из младших классов. Кроме урока по своей специальности, каждая должна была еще провести занятие по объяснительному чтению в одном из приготовительных классов (у нас было три приготовительных класса: младший, средний и старший) и бывать на уроках в этом классе, знакомиться с девочками. Я выбрала специальность «математику» и «физику», Липа – «французский язык». Вначале я решила заниматься еще и французским языком, но потом бросила, слишком много было дела. Вместе со мной математикой и физикой занимались Хела Ленц, Маруся Луценко, Ирина Старынкевич, Адя Трейман, Лиза Шевырева и Женя

---

[202] *Полевицкий К. А.* впоследствии стал профессором Ленинградского сельскохозяйственного института.

[203] *Институт гражданских инженеров* — ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.

Шлезингер. Физику нам преподавал А. А. Добиаш, а вот с математикой возник вопрос, кого нам дать: Д.Д. Франка или М. А. Образцова. Образцов был, вероятно, более знающим, но мы его не любили, считали скучным и старомодным. Д. Д. Франк был моложе, мы с ним дружили и просили Н. А. Макарову, которая после смерти Э. П. Шаффе стала нашей начальницей, чтобы математикой с нами занимался Д. Д. Франк. Он был польщен нашим выбором, но сам нам признался, что высшую математику он не преподавал и будет ее учить вместе с нами, а за советами и помощью будет обращаться к А. А. Добиаш. Преподавателем психологии был Андрей Николаевич Римский-Корсаков[204], средний сын композитора, совсем молодой еще человек. Законоведение нам преподавал Виктор Эрастович Добровольский, пожилой военный юрист с очень красивым, умным лицом, очень культурный и светский человек, обходившийся с нами как со взрослыми барышнями. Хотя мы с Липой по-прежнему любили друг друга, но мы теперь меньше бывали вместе, тем более что они уехали из Университета в Горный институт, да и в гимназии у нас появились разные интересы. В моей группе я дружила с Ириной Старынкевич, Лизой Шевыревой, Хеллой Ленц и Марусей Мущенко, в особенности с Ириной. 26 сентября был гимназический акт, и нам вручили медали. Отец первый раз пришел в гимназию и присутствовал на этой церемонии.

Этот год был еще особенным еще и потому, что в этом году закончилась отделка нового здания гимназии, в котором теперь помещается 21-я школа. Мы переехали туда уже после Нового года, а все первое полугодие занимались в старом здании, причем наш класс помещался в так называемом маленьком зале, где всегда стоял рояль. На переменах почти всегда за рояль садилась наша новая соученица Марина Римская-Корсакова, которая окончила семь классов в Кронштадтской гимназии и поступила к нам в восьмой класс. Вместе с ней поступила оттуда же Люба Сухова. У Марины был небольшой, но приятный голос, и она постоянно пела нам на переменах разные романсы, чаще всего мы слушали «О, если б ты сюда вернулась снова» и «Скоро, увы, проходят дни счастья, их заменяют печальные дни».

Я забыла написать, что кроме тех предметов, которые я перечисляла, мы занимались еще русской и французской литературой. Herr Neumann, который преподавал нам немецкую литературу все эти годы, серьезно заболел, так что немецким мы не занимались. Ему необходимо было поехать на курорт, но не хватало денег; тогда мы решили отдать ему наши золотые медали на лечение. Родители пожалели медалей и выдали нам их стоимость, которую мы и переслали Herr Neumann. Помимо литературы, мы занимались еще и Законом Божьим. Уже в седьмом классе вместо любимого нами батюшки отца Фокко, которого убрали за слишком вольные мысли, у нас был отец Поспелов, типичный блюститель гимназических душ, он же занимался с нами и в восьмом классе. Мне он очень не нравился. Дома я продолжала заниматься с Miss Violet и Маргаритой. После Италии Miss Violet чувствовала себя гораздо лучше, на следующее лето она собиралась поехать навестить своих родственников в Англии. Маргарита по-прежнему ходила после нас к Вуколовым – обедала у нас, а после я часто провожала ее до Тучкова моста. Я с нетерпением ждала вторников и пятниц, когда она приходила, чтобы иметь возможность поговорить с Маргаритой о Константине Александровиче и Оле Вуколовой. Маргарита несколько раз встречала там Константина Александровича, ей было ясно видно, что ходит он туда из-за Оли. Я этим очень огорчалась, называла в своей тетради Олю «пустышкой с косой» (у нее была хорошая, мягкая коса).

В квартире Коноваловых поселились теперь Тищенко. Вячеслав Евгеньевич теперь был профессором аналитической и технической химии[205]; в большую комнату, где жили девочки Коноваловы, въехал новый лаборант Алексея Евграфовича, Лев Михайлович Кучеров. В квар-

---

[204] *Римский-Корсаков А. Н.* (1878–1940) – музыковед, музыкальный критик, философ, впоследствии преподаватель Петроградского университета.

[205] С 1907 г. В. Е. Тищенко – профессор кафедры технической химии.

тире, в которой жили Тищенко, временно поселили посторонних лиц, ее оставили для будущего нового профессора кафедры неорганической химии, так как Д. П. Коновалов больше не читал лекций, его временно замещал Александр Александрович Яковкин[206], профессор Технологического института, который читал неорганическую химию и на ВЖК. Летом был произведен ремонт коноваловской квартиры, от большой гостиной, в которой было три окна, отделили комнату и там поместили Андрюшу. Он в этом году кончил гимназию, но не Ларинскую. Уже несколько лет и он, и его братья учились в частной Лентовской гимназии, я тогда не допытывалась о причинах перехода, мне казалось, что в частной гимназии должно было быть лучше поставлено преподавание (как у нас в гимназии), но, судя по рассказам Андрюши, никаких преимуществ в этой гимназии не было, только дисциплина была слабее. Андрюша часто приходил ко мне по вечерам, и мы играли с ним в шахматы. Он собирался поступать в Университет на историко-филологический факультет.

С уходом Д. П. Коновалова[207] отец стал главою всех университетских химиков, имя его уже было широко известно как в России, так и за границей. Лучшим отдыхом для Алексея Евграфовича по-прежнему была охота. Еще со времен пребывания его преподавателем Михайловского артиллерийского училища отец состоял членом военного общества охоты и несколько раз в год ездил охотиться в принадлежащие ему угодья. Весной он любил ездить на тетеревиный и глухариные тока, на тягу вальдшнепов и привозил нам этих красивых птиц. Зимой он ездил на облавы зайцев, привозил обычно по нескольку штук, так что хватало и нам, и Тищенко. Один раз он привез рыжую лисицу, сделанный из ее шкурки коврик несколько лет лежал на рояле. Ездил один раз и на медведя, но безрезультатно. Когда он возвращался с охоты, от всей его охотничьей амуниции приятно пахло порохом, болотной тиной, влажной кожей. Возвращался он всегда оживленный, показывал свои трофеи и рассказывал о своих впечатлениях. На облавах гонщиками обыкновенно бывали крестьяне из ближайших деревень, которыми руководили егеря. Один раз в качестве гонщиков были взяты солдаты из расположенной поблизости воинской части. По окончании облавы походные кухни привезли солдатам обед, и начальство предложило охотникам отведать солдатского хлеба и соли. Может быть, такое угощение было предвидено заранее, может быть, и нет, во всяком случае, на этот раз солдатский обед был очень хорош: жирные щи с мясом и каша с маслом. Отец всегда не прочь был хорошо покушать, любил все острое, соленое. Он часто повторял русскую поговорку: «Кто ест солоно да горько, умрет не сгниет». В этом отношении он был полной противоположностью В. Е. Тищенко. Я помню, как один раз за все время мы по какому-то случаю, вернее всего из-за болезни домработницы, обедали у Тищенко. Я привыкла к нашему столу, к жирным наваристым супам, к тому, что ко второму всегда был какой-нибудь, часто довольно острый, соус, и меня поразил обед, который нам подали у Тищенко: на второе был антрекот (отварное мясо) с отварным картофелем. У нас к такому мясу всегда подавалась подливка с хреном, здесь же кроме мяса с картошкой ничего не было. Сухая эта пища никак не шла в мое горло, и я оставила половину своей порции на тарелке.

Раза два в год Алексей Евграфович простужался и болел гомерическим насморком. В таких случаях он сидел тепло одетый у себя в кабинете: вместо носовых платков он просил дать ему старое мягкое полотенце, чтобы не так больно было вытирать распухший и покрасневший нос. Насморк этот продолжался четыре-пять дней и среди учеников Алексея Евграфовича носил название «профессорского насморка». Ни повышением температуры, ни какими-либо осложнениями эти насморки обыкновенно не сопровождались.

Когда открылась Третья Дума, в Петербург приехал избранный в нее от партии октябристов Андрей Евграфович и поселился у Тищенко. Андрей Евграфович был очень занят, но

---

[206] *Яковкин А. А.* (1860–1936) – химик, чл. – кор. АН СССР с 1925 г. Занимался теорией растворов.

[207] Д. П. Коновалов покинул Петербургский университет в феврале 1907 г.

время от времени приходил к нам по вечерам. Отец избегал с ним разговоров на политические темы, так как не сочувствовал его политическим взглядам и не хотел с ним ссориться. Помню, однажды у нас в гостях одновременно с Андреем Евграфовичем была Л. А. Вуколова, которая повела с ним спор в такой резкой форме, что всем окружающим стало не по себе. Несколько раз приезжала к Андрею Евграфовичу Ольга Владимировна. Удивительно она была милая, они с матерью любили друг друга, и она часто проводила у нас вечера.

Фото 39. Ольга Владимировна с сыновьями Владимиром и Максимом

Жизнь Ольги Владимировны была нелегкой. Характер у Андрея Евграфовича был тяжелый, властный и суровый. Алексей Евграфович в этом отношении был несколько похож на старшего брата, но у него было гораздо больше мягкости, сердечного отношения к детям. Сыновья Андрея Евграфовича и Ольги Владимировны были совершенно разные: старший

Владимир был похож на мать и лицом и характером, от нее же он получил в наследство и художественное дарование. Дед его, Владимир Осипович Шервуд, был талантливым художником-архитектором, да и сама Ольга Владимировна рисовала и писала маслом и акварелью небольшие картинки. Две из них – букет полевых цветов и розы – она подарила нам. У меня до сих пор цела небольшая чашечка, расписанная ею, васильки и колосья на чашечке и на блюдечке очень красивы (фото 39).

Когда Володя окончил гимназию, Андрей Евграфович настоял, чтобы он поступил в Университет, но Володя его не окончил, он занялся своим художественным образованием в Москве, ездил и за границу. Его мягкость и доброта привлекали к нему товарищей, молодых художников. Те небольшие деньги, которые ему давал отец, он раздавал постоянно нуждавшимся в деньгах начинающим служителям искусства. Он раздавал не только деньги, но одежду и разные вещи. Среди его товарищей были не только русские, но и иностранцы; помню, постоянно говорили о его товарище – венгре Кише, которому он особенно покровительствовал. Андрей Евграфович косо смотрел на такой образ жизни сына, но благодаря мягкости характера Володи до конфликтов у них дело не доходило. Не так обстояло дело со вторым сыном – Максимом, он лицом и характером походил на отца. Андрей Евграфович отдал его в немецкую школу. Учился Максим плохо, чем старше становился, тем больше грубил отцу, зная, что отец хорошо зарабатывает, он требовал у отца денег. Отношения между ними становились все хуже, Ольга Владимировна в отчаянии решила отправить Максима в Петербург, чтобы он поступил в ту же гимназию, в которой учились Тищенко.

Максим приехал, поселился у тетки, поступил в гимназию, но учился по-прежнему плохо. Денег у него было мало, жизнь у Елизаветы Евграфовны была несладка, учение его не интересовало, товарищей не было. От тоски и скуки Максим решил покончить с собой, достал револьвер и выстрелил себе в грудь, но только ранил себя. Не помню, где это произошло, помню только суматоху, царившую у нас и у Тищенко. Отец и Елизавета Евграфовна поехали в больницу, куда его увезли. Ольга Владимировна сейчас же приехала из Москвы, она приходила к нам и горько плакала. Когда Максим поправился, он не поехал в Москву, как ему предлагала Ольга Владимировна, а решил остаться в Петербурге и кончить гимназию, ему оставалось до конца всего полтора года. Он по-прежнему жил у Тищенко, бывал и у нас. У него выработалась манера относиться ко всему презрительнонасмешливо, он и лицо такое строил, опуская углы рта, благодаря чему у него уже образовались в углах рта постоянные складки. Он хорошо относился к моей матери, ему нравилось ее спокойное и ласковое отношение, но вместе с тем он как-то мне сказал: «Как это ты можешь выносить, что она постоянно кашляет около тебя, меня бы это страшно раздражало». Я пользовалась его симпатией, он считал меня умной и уважал за то, что я хорошо учусь. В то время Шаляпин был уже в расцвете своей славы, я очень хотела попасть на «Руслана и Людмилу» с Шаляпиным, но достать билеты было нелегко. Максим достал очень хорошую ложу, пригласил семью директора гимназии, который принимал в нем большое участие, и меня. Окончив гимназию, он уехал в Москву. Впоследствии он окончил ветеринарный институт, во время Первой мировой войны воевал в кавалерийских частях, после революции в течение ряда лет работал ветеринарным врачом в Киргизии около города Бишкек.

В 1907 году исполнилось пятьдесят лет со дня основания гимназии Э. П. Шаффе. По этому случаю была издана книга «Э. П. Шаффе и ее школа», рисующая жизнь и деятельность этой замечательной женщины, неутомимого борца за женское образование и постепенное развитие созданной ею школы, превратившейся из небольшого пансиона в одну из лучших женских гимназий Петербурга. Книга эта сохранилась у меня, в ней напечатана и моя фамилия, наш класс был последним, самым молодым классом, окончившим гимназию за эти пятьдесят лет.

По случаю этого торжественного события был устроен концерт, в котором активное участие приняла Марина Римская-Корсакова, и большой благотворительный базар, организованный главным образом силами нашего восьмого класса. Я продавала разные сласти и была одета в белое платье из английской кисеи (подарок Ольги Владимировны) на шелковом чехле, поверх которого был надет нарядный белый передничек. Мой киоск пользовался большим успехом, все учителя весело шутили со мной.

Этой же зимой в качестве выпускного класса мы устраивали в гимназии свой бал, каждая могла пригласить одного кавалера, я пригласила Пуню Паршакова, который хорошо танцевал. Я бы с большим удовольствием пригласила, конечно, Андрюшу, но он танцевать не умел.

Скоро начались экзамены, последние экзамены в гимназии, последние экзамены, к которым мы готовились с Липой. Мы в эту зиму меньше с ней виделись, меньше говорили, а занимались мы в разных группах. Дмитрий Петрович недолго пробыл директором Горного института, его назначили товарищем министра торговли и промышленности, и они переехали из Горного на 1-ю линию, где заняли целый этаж в доме на углу Волынского переулка. Варвара Ивановна настаивала на том, чтобы он принял этот пост, она была далека от науки, для нее важнее было общественное положение мужа, высокая зарплата и большая квартира. Дочери подрастали, надо было устраивать приемы. В этой новой квартире у Липы была отдельная комната, но не завидная – узкая, и к тому же проходная. Как-то зимой мы с отцом были приглашены к Варваре Ивановне на вечер. Эти сборища ничем не напоминали прежние детские праздники, которые устраивались у Коноваловых в университетской квартире.

Гостей было много, в основном молодежь, и молодежь военная, у Варвары Ивановны и Дмитрия Петровича было много племянников – юнкеров и молодых офицеров, все они были тут, многие вместе со своими товарищами. Мне не приходилось раньше бывать в такой компании, это были все веселые ребята, непринужденно и весело принимавшие участие в различных играх, танцах, но временами звучали и специфические разговоры о «чести мундира».

Поздно вечером был ужин с мороженым и разными закусками. В общем, вернулись мы с отцом домой около четырех часов ночи. Мы шли пешком переулками, совершенно пустынными в это время, шаги наши гулко раздавались в тишине ночи, было немного страшновато. Под влиянием этого возвращения под утро я увидела один из самых страшных снов, который я запомнила на всю жизнь. Вижу во сне, что идем мы с отцом по Биржевой линии, впереди видны закрытые университетские ворота, ночь, на небе полная луна, какая-то желтая и зловещая, нигде никого, фонари не горят, улица освещается только луной. Мы идем молча вперед, потом отца нет больше около меня, и я иду и знаю, что впереди за выступом следующего дома кто-то меня поджидает, там темно, ничего не видно. Страх охватывает меня, но все равно я должна идти вперед; я подхожу к роковому месту, и из темноты кто-то невидимый бросается на меня, я знаю, что это конец, но ничего не могу сделать – ив ужасе просыпаюсь. На следующий день отец спросил меня, было ли мне весело с «зубрятами», и я ответила утвердительно.

Почему отец назвал эту молодежь «зубрятами»? Это время было временем созыва Третьей Государственной думы, самой реакционной из первых трех дум. В числе депутатов там было много помещиков, заматерелых черносотенцев – Пуришкевич[208], Марков Второй[209] и других, которых называли зубрами, как таких вымирающих животных. В газетах постоянно печатали описания скандалов, которые они устраивали в Думе, газета «Речь» и другие печатали карикатуры на них. Большинство вчерашних молодых людей были сыновьями помещиков, потому отец и называл их «зубрятами». Эта компания подходила к сестрам Липы, которые впоследствии все вышли замуж за военных, про Липу сама Варвара Ивановна говорила, что ей

[208] *Пуришкевич В. М.* (1870–1920) – один из лидеров «Союза русского народа», возглавлял крайне правых во Второй и Четвертой Государственных думах.

[209] *Марков (Марков Второй) Н. Е.* (1876 – после 1931) – один из лидеров «Союза русского народа».

надо другого мужа, она чувствовала, что благодаря нашей школе и постоянному общению со мной у Липы гораздо более широкий круг интересов и иное отношение к жизни, чем у военной молодежи и, как мы увидим дальше, она оказалась права.

Одним из первых экзаменов, которые мы сдавали в этом году, была психология. На этот раз мы с Липой изменили нашему способу подготовки к экзаменам: одна читает, другая рассказывает, а затем наоборот, я была сильно простужена и не могла читать из-за кашля, так что Липе пришлось читать одной, а рассказывали мы по очереди. Время от времени мать приносила мне горячее молоко, лечение принесло пользу, и я скоро смогла читать. В этом году экзаменов было не так много, и в начале мая все они были закончены.

Эта весна была трудной для меня, были тяжелые переживания из-за нашего любимого учителя русской литературы Я. А. Автамонова. Он был арестован и приговорен к двум годам крепости, но из-за болезненного состояния был освобожден. Мы с Липой ходили навещать его после освобождения. За этот год я еще больше подружилась с Марией Маркеловной; уединившись в ванной, мы с ней говорили и вели самые задушевные разговоры. Она очень тосковала от одиночества, работа была неинтересна и не могла наполнить ее жизнь. Аккуратно ездила она за Невскую заставу в Смоленскую школу для рабочих, где она обучала их арифметике. Сохранилась фотография, на которой Мария Маркеловна вместе с заведующей школы Елизаветой Петровной Пожаловой, преподавателем химии Л. М. Кучеровым и их учениками, окончившими школу (фото 40). Мария Маркеловна очень подружилась с Елизаветой Петровной, бывала и у нее дома.

В Петербурге жили две ее гимназические подруги: Конкордия Федоровна Рожанская и Екатерина Александровна Матвеева. Хотя она к ним хорошо относилась, но особой близости с ними у нее не было. Федор Васильевич и Лидия Семеновна переехали с Верейской улицы на Бронницкую, вместе с ними переехала и Мария Маркеловна. Там она тоже не находила отдыха и душевного спокойствия. Федор Васильевич был очень хороший человек, но увлекающийся и непостоянный. Он охладел к химии, его начала привлекать математика, к Лидии Семеновне он питал скорее дружеское чувство, чем любовь, а он и в этом отношении был непостоянным и увлекающимся, и романов у него в жизни было немало. И вот теперь он увлекся Марией Маркеловной и даже предлагал ей уехать с ним далеко от Петербурга, в Японию. Мария Маркеловна, хотя и страдала от одиночества, не могла бы поступить так неблагородно по отношению к Лидии Семеновне, относившейся к ней с трогательной заботливостью, тем более что кроме дружбы она к Федору Васильевичу ничего не испытывала. Такие взаимоотношения делали ее пребывание у «старичков», как она их называла, достаточно тяжелым, а уехать от них и поселиться совсем одной она тоже не могла решиться. У нас она чувствовала себя хорошо, в разговорах со мной отводила душу. Она много рассказывала мне о своей жизни.

Фото 42. Преподаватели и ученики Смоленской школы для рабочих

Родилась она в 1877 году 16 января старого стиля в уездном городе Бугуруслане, раскинувшемся на высоком берегу реки Большой Кинель, впадающей в Самару, приток Волги. Тогда это была Самарская губерния, теперь Куйбышевская область. Отец ее, Маркел Иванович Домбров, заведовал местной пожарной частью, мать ее, Зиновия Ивановна, была простая, неграмотная женщина, занятая домашним хозяйством и детьми, которых у нее было трое: старший сын Иван и две дочери – Мария и Евдокия. Мария Маркеловна часто вспоминала, как хорошо хозяйничала ее мать, как дешево и какую хорошую провизию она покупала, какие варила вкусные щи, какие пироги пекла с капустой и с вареньем! Вишни, земляника и прочие ягоды стоили гроши, вишни покупали ведрами, Зиновия Ивановна наваривала варенья на целый год. У родителей был свой небольшой домик, и жили они просто, сытно, небогато. В хозяйственных заботах матери Мария Маркловна принимала мало участия, как только она пошла в начальную школу и научилась читать, в ней пробудилась жажда знаний, стремление учиться. Окончив отлично начальную школу, Мария Маркеловна поступила в прогимназию, в которой тоже прекрасно училась, особенно увлекалась она географией. По окончании прогимназии в Бугуруслане ей больше негде было учиться, гимназии в городе не было. Брат ее Иван окончил в это время училище в Уфе и уговорил родителей отпустить Марию Маркеловну в Уфу в местную гимназию, говоря, что она сможет зарабатывать там уроками, и сам он хотел ей помогать. Мария Маркеловна и в Бугуруслане уже давала уроки дочке купца Тизякина. Брат Иван вскоре должен был уехать из Уфы в Красноярск на строительство моста через Енисей, женился там и очень мало мог помогать сестре. В Марии Маркеловне приняла участие ее классная дама: нашла ей уроки – репетировать сына булочника. Кроме денег, она получала там обед, к чаю там всегда давали разнообразные пирожные из собственной кондитерской. С комнатой ей меньше повезло: она жила в квартире, где хозяева, муж и жена, постоянно устраивали сцены ревности, доходившие до драки. Нелегко было ей учиться и работать, такой молоденькой, совсем одной среди чужих людей, но желание учиться и кончить гимназию все превозмогло. Сестра ее была

совсем другого рода: с трудом кончив начальную школу, она не захотела больше учиться. Она похожа была на отца, у которого были правильные черты лица, считалась хорошенькой, любила наряжаться и еще молоденькой вышла замуж в Бугуруслане.

Три года прожила Мария Маркеловна в Уфе и окончила там семь классов. Учение здесь давалось ей не так легко, как в Бугуруслане, с математикой дело обстояло прекрасно, а вот с русским языком было хуже. Мария Маркеловна не имела возможности много читать художественной литературы, в сочинениях у нее хромали и орфография, и стиль. Весной по окончании экзаменов она получила письмо от брата, который устроился в Красноярске и звал ее к себе учиться в восьмой класс. Мария Маркеловна согласилась и поехала.

Иван Маркелович жил с женой в отдельной квартире, он теперь прилично зарабатывал. Жена его, Анастасия, была взбалмошная, но добрая женщина, она хорошо относилась к Марии Маркеловне. Жизнь в Красноярске в то время была суровая, вечером выходить из дому было опасно, из тайги выходили беглые и ссыльные уголовники и нападали на прохожих. В домах окна закрывались ставнями, двери запирались тяжелыми запорами. Ивану Маркеловичу иногда приходилось проводить ночи на работе, тогда невестка Марии Маркеловны брала к себе в спальню заряженное ружье. Во дворе на ночь спускали собак.

Кроме уже упомянутых выше подруг, Конды и Кати, вместе с Марией Маркеловной училась еще Валя Попова, вышедшая впоследствии замуж за активного эсера Колосова. Одно время они жили в Петербурге, Мария Маркеловна бывала у них, помогала им деньгами, так как они постоянно нуждались. У них в то время был сынишка лет трех, ему подарили деревянное ружье, он целился из него и говорил: «Пуф, пуф, Столыпин». В конце концов они эмигрировали и вернулись в Россию уже после революции, но и здесь после Октября они остались не у дел, были арестованы, и больше о них Мария Маркеловна ничего не знала. Весной красноярская молодежь, в том числе и Мария Маркеловна, отправлялась на берег Енисея, где возвышались известные своей красотой «столбы». Кроме песен и шуток во время прогулки велись и серьезные разговоры о том, что будут делать после окончания гимназии, кто куда поедет учиться. Мария Маркеловна стремилась к высшему образованию, особенно ее привлекала математика, по которой у нее всегда были круглые пятерки. В аттестате у нее все же была одна тройка— по русскому языку. Осенью подруги отправились в Петербург. Мария Маркеловна поступила на курсы П.Ф. Лесгафта[210]. Курсы Лесгафта не были институтом физкультуры, как теперь, там проходили математику, механику, естественные науки. Марии Маркеловне нравился живой энергичный Петр Францевич. Мария Маркеловна с гордостью вспоминала, как профессор математики сказал ей после одного из экзаменов: «Да, видно, что вы умеете держать мел в руках!» Два года проучилась Мария Маркеловна на курсах Лесгафта и убедилась, что не нашла здесь того, что искала. Тогда она решила поступить на Высшие женские курсы, на физико-математический факультет, и подала туда свои бумаги. На ВЖК принимали без экзамена, но по конкурсу аттестатов, главным образом медалисток. Тройка по русскому языку испортила все дело, ей отказали.

Но Мария Маркеловна на сдалась, пошла на прием к директору, которым был тогда профессор Раев[211]. Посмотрев ее аттестат, Раев сказал: «Что же вы хотите, ведь у вас тройка в аттестате». – «Да, но у меня тройка по русскому языку, я же поступаю на математическое отделение, а по математикам у меня одни пятерки», – ответила она. Мария Маркеловна всегда удивлялась, что подействовало на Раева: понравилась ли ему настойчивость, с которой девушка стремилась к знанию, или сама она ему приглянулась, только он повернулся к сидевшему в

---

[210] *Лесгафт П.* Ф. (1837–1909) – педагог, анатом, врач, приват-доцент Петербургского университета. Основоположник научной системы физической культуры в России.

[211] *Раев Н. П.* (1855–1919) – работник в области народного образования, ранее служивший в качестве директора народных училищ в Вологодской и Курской губерниях. Действительный статский советник. Стал директором ВЖК осенью 1894 г. Последний обер-прокурор Святейшего Синода Российской империи.

этой же комнате секретарю Скрибе и сказал: «Дайте сюда бумаги Домбровой». Когда Скриба подал ему бумаги, он написал сверху: «Принять. Раев». Этими двумя словами решилась вся дальнейшая судьба Марии Маркеловны.

Несмотря на всю свою любовь к математике и безусловные к ней способности, Мария Маркеловна проучилась на математическом отделении недолго, всего два года. Во главе этого отделения стояла профессор Вера Иосифовна Шифф[212], не обладавшая особыми математическими талантами. Она была окружена группой своих любимиц, которых и выдвигала, на которых обращала внимание, с которыми занималась, остальные ее мало интересовали. В число этих любимиц Мария Маркеловна не попала и не имела желания попасть, надежды получить здесь глубокое, математическое образование не было, и она решила уйти с математического отделения на химическое. Подруги ее пришли в ужас от такого решения: «Ты с ума сошла, четыре года проучилась и опять все сначала!». Но Марию Маркеловну не испугала перспектива еще четыре года учиться и жить в трудных материальных условиях. А жилось ей действительно нелегко: брат посылал ей каждый месяц пятнадцать рублей. От платы за учение она была освобождена, но жить на такую сумму было нелегко: значительную часть денег приходилось платить за комнату (шесть-семь рублей). Каждую осень на окнах многих зданий на линиях Васильевского острова и на многих улицах, примыкавших к другим высшим учебным заведениям Петербурга, появлялись белые билетики – знак, что здесь сдается комната. На ВЖК, в свою очередь, на доске объявлений появлялись объявления: «Ищу сожительницу», «Сниму вдвоем комнату» и подобные. Мария Маркеловна почти никогда не жила одна в комнате, всегда вдвоем, что, конечно, было очень неудобно. Часто жившие вместе девушки не подходили друг другу и по своим привычкам и образу жизни. Так, один год Мария Маркеловна жила вместе с болгаркой Крестовой; она была неплохая девушка, но ложилась поздно спать и долго читала в постели, а утром долго спала. Мария Маркеловна же вставала рано и вечером должна была ложиться при свете. Несколько лет она жила вместе с Марией Александровной Крыловской, с которой познакомилась у Конды. Мария Александровна училась на фельдшерских курсах, помещавшихся где-то на Песках (теперешние Советские улицы), а Мария Маркеловна – на ВЖК на 10-й линии. И вот они жили один год на Васильевском острове, как было удобно Марии Маркеловне, а другой год – на Песках, чтобы было удобно Марии Александровне. Конечно, кому-нибудь одному приходилось тратить много времени на дорогу. Мария Александровна была несколько старше Марии Маркеловны, отец ее был священником в городе Новгород-Северском, Черниговской губернии. К Рождеству и к Пасхе она всегда получала из дома праздничные посылки и делилась с ними с Марией Маркеловной. До конца жизни у них сохранились хорошие отношения. Пока Мария Маркеловна училась на курсах, она все время получала дешевые обеды в столовой курсов: какой-нибудь суп и каждый день котлеты. Такие обеды стоили, мне помнится, четыре или пять рублей в месяц. Таким образом, на все остальные расходы, на еду утром и вечером, на дороги и так далее оставалось четыре-пять рублей. А ведь надо было одеваться. Мария Маркеловна поправляла свои финансовые дела тем, что каждое лето ездила в Самару, в земство, и работала там статистиком. По дороге она заезжала в Бугуруслан к родителям, где мать старалась несколько дней кормить ее вкусной домашней едой. Заработанных денег ей хватало на самые скромные туалеты, на одну юбку и несколько ситцевых кофточек, которые Мария Маркеловна шила себе сама. Когда Мария Маркеловна училась уже на химическом отделении и перешла со второго курса на третий, она провела лето в Орехове, в Донской области, где в то время жил и работал ее брат. Невестка мечтала выдать Марию Маркеловну замуж и приглашала к себе многочисленное общество инженеров, работавших вместе с Иваном Маркеловичем. Лето было прекрасное, местечко Орехово было расположено в красивой живописной местности, каждый день собирались, играли в крокет,

[212] *Шифф-Равич В. И.* (1860–1919) – профессор математики.

устраивали прогулки, пикники. Один из инженеров серьезно ухаживал за Марией Маркеловной; время летело незаметно, настал август, и тут Мария Маркеловна спохватилась, что у нее отложен на осень экзамен по органической химии, которую читал Алексей Евграфович. Уезжая к брату, Мария Маркеловна собиралась там готовиться к экзамену, но при таком образе жизни, какой она там вела, это было невозможно. Как ни уговаривала ее невестка, она осталась тверда и уехала в Петербург готовиться к экзамену. Времени и так уже оставалось немного, а Алексей Евграфович спрашивал строго, он был «строг, но справедлив», как про него говорили студенты.

Наступил экзамен, билет достался хороший; когда Мария Маркеловна кончила, Алексей Евграфович сказал: «Ну, что ж, я могу поставить вам четыре, но если вы хотите получить пять, тогда я вас буду спрашивать по всему курсу». Мария Маркеловна ответила, что она удовлетворится четверкой и на пятерку не претендует, а сама подумала: «Как спросит он про углеводы, тут, пожалуй, вместо четверки тройку получишь». Курс Марии Маркеловны был первым курсом, которому органическую химию читал Алексей Евграфович. В 1900 году профессор Гавриил Гавриилович Густавсон[213], читавший до этого органическую химию, ушел с курсов, и комитет «Общество для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам» предложил отцу взять на себя чтение курса органической химии на химическом отделении физико-математического факультета. Отец согласился, но поставил ряд условий:

1) создать лабораторию для практических работ слушательниц, без чего он не мыслил преподавания органической химии;

2) отпустить средства для научно-исследовательских работ слушательниц;

3) пригласить к себе в помощники К. И.Дебу, своего первого ученика.

Все эти требования были удовлетворены, Алексей Евграфович стал читать слушательницам лекции по университетской программе, а через год, благодаря энергии К. И.Дебу, была готова прекрасно оборудованная лаборатория органической химии. Первыми в эту лабораторию попали, кроме Марии Маркеловны, Вера Ивановна Егорова[214], Варвара Захарьевна Деменко, впоследствии вышедшая замуж за физикохимика Владимира Яковлевича Курбатова[215], Агеева[216], Кончева, Душечкина, Цветаева, Круглякова, Иванова и др., всего двадцать человек. По окончании практикума успешно работавшие получили от Алексея Евграфовича тему для научной работы. Работа в лаборатории была настолько интересна, что она полностью захватила слушательниц, чему немало способствовал Константин Ипполитович Дебу – живой, увлекающийся сам и увлекавший и курсисток (фото 41). Ничего подобного Мария Маркеловна не испытывала ни на курсах Лесгафта, ни на математическом отделении. Она увлеклась настолько, что совершала недопустимые вещи: работала в лаборатории не только днем, но и по ночам, обычно в обществе Константин Ипполитовича, а один раз совершенно одна. Вот эти-то ее качества, о которых ему рассказывал Константин Ипполитович и которые он сам наблюдал, и заставили Алексея Евграфовича обратить внимание на Марию Маркеловну и рекомендовать ее М. Г. Кучерову.

---

[213] *Густавсон Г. Г.* (1842–1908) – профессор, чл. – кор. Академии наук.

[214] *Егорова В. И.* (1879–1965) – доцент ЛГУ.

[215] *Курбатов В. Я.* (1878–1957) – историк искусства, архитектуры, Петербурга и химик, инженер-технолог. Окончил Петербургский университет. Работал в Главной палате мер и весов. Профессор в Технологическом институте.

[216] *Агеева-Чебукина М. Г.* (1881–1961) – преподаватель химии.

Фото 41. Константин Ипполитович Дебу с ученицами

Из остальных слушательниц особенно выделялась В. И. Егорова, которая при окончании была оставлена при курсах и вскоре стала вместе с Константином Ипполитовичем руководить практическими занятиями слушательниц. Ближе всех из своих сокурсниц Мария Маркеловна сошлась с В. И. Егоровой и Варварой Захаровной Деменко. В. И. Егорова была москвичкой из состоятельной семьи, матери у нее не было, она жила с отцом, Иваном Ивановичем, и сестрой и ездила к ним на каникулы. В течение года Иван Иванович не раз приезжал в Петербург по делам и заодно навестить дочку. Часто в таких случаях он водил ее в ресторан, куда приглашал и Марию Маркеловну по просьбе Веры Ивановны. Иван Иванович, по словам Марии Маркеловны, был симпатичный, доброжелательный человек, веселый и гостеприимный хозяин. Вера Ивановна называла Марию Маркеловну «Маркеша», они очень приятно проводили время втроем; такие пирушки с Иваном Ивановичем вносили разнообразие в их трудовую жизнь, а Мария Маркеловна с удовольствием кушала разные вкусные блюда и отдыхала от опостылевших котлет.

Последние два года пребывания на курсах Мария Маркеловна жила на Васильевском острове и снимала одна комнату у Екатерины Алексеевны. Екатерина Алексеевна была вдовой с тремя детьми, причем старший ее сын был болен костным туберкулезом; она сдавала комнаты, шила – в общем, билась как рыба об лед. Она очень привязалась к Марии Маркеловне, относилась к ней по-матерински и при всех своих скудных средствах старалась, чем могла, угостить Марию Маркеловну. Между дверями на лестнице у домовитой Екатерины Алексеевны каждый год стояла кадка с моченой брусникой, Марии Маркеловне разрешалось брать оттуда когда угодно. Длительная напряженная работа в лаборатории утомляла Марию Маркеловну, время от времени она устраивала в ней перерыв: оставалась дома и целый день лежала.

В такие дни она брала кусок ситного[217], шла к кадке и накладывала моченую бруснику на ситный, получалось замечательное лакомство.

Когда Мария Маркеловна стала прилично зарабатывать, она навещала Екатерину Алексеевну и приносила гостиницы ей и детям.

Весной 1903 года Мария Маркеловна окончила курсы и постепенно вошла в нашу жизнь.

Итак, гимназия окончена, у каждой из девочек, еще недавно сидевших рядом за школьными партами, начинается своя жизнь, появляются свои интересы, свои новые обязанности. Некоторые выходят замуж, другие идут работать, третьи поступают в вузы, четвертые просто живут дома. Раньше всех вышла замуж Эльза Штейман, она даже не осталась учиться в восьмом классе. Свадьба ее была невеселая, она выходила замуж не по любви – у родителей ее пошатнулись дела, и они выдали ее замуж за нужного состоятельного человека. Они были реформаторского вероисповедания, я была на свадьбе в числе приглашенных девочек. Реформаторское, или, иначе, кальвинистское, вероисповедание было наиболее пуританским, так сказать, направлением протестанства. Внутренность их церкви и обрядность богослужения были наиболее скупыми, лишенными всякой красочности, и мне очень не понравились, я бывала в лютеранских кирхах, на конфирмациях, там все-таки было лучше. Больше всего мне понравилось, когда я была на конфирмации (первом причастии) Альмы. В Безо не было ни русской, ни эстонской церкви, ближайшая кирха была в Каспервине – деревне, расположенной на одной из оконечности бухты, в глубине которой находилось Безо.

Ехали мы туда на телеге, был хороший солнечный день. Построенная в готическом стиле небольшая деревянная церковь была вся в зелени, внутри все было убрано цветами, светло и уютно. А здесь полумрак, темные голые стены, бедная Эльза, всегда такая веселая, добродушная, совсем еще девочка, а теперь стоящая с поникшей головой рядом с немолодым уже, противным немцем – все это оставляло самое неприятное впечатление.

Из немецкой части нашего класса в высшее учебное заведение поступила одна Хела Ленц: она подала заявление в Медицинский институт, или, как тогда он назывался, Высшие женские медицинские курсы. Вместе со мной на физико-математический факультет ВЖК поступили Ирина Старынкевич и Лиза Шевырева. я подала заявление на группу химии и биологии, так же как и Ирина, Лиза – на группу математики. Ада Старынкевич не пошла учиться в восьмой класс, а сразу поступила на физико-математический факультет на группу математики, у нее действительно были исключительные математические способности. Липа поступила на историко-филологический факультет, Лена Диксон до самого конца постоянно обращалась ко мне за помощью. В восьмом классе у нее была специальность «русский язык», ей нужно было в конце года представить большое зачетное сочинение. Она раза два приходила ко мне домой, и мы с ней обсуждали план и писали это сочинение. Ее устроили на работу в гимназию.

[217] *Ситный хлеб* – заварной хлеб из смеси муки ржаной и пшеничной с добавлением солода и сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.